

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет истории искусства
Кафедра истории и теории культуры

ГЛОШКИНА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

**КРЕСТЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ XX ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ**

Дипломная работа по специальности 020600
«Культурология»
студентки пятого курса очной формы обучения

Допущено к защите на ГАК

Заведующий кафедрой
Зверева Галина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор

(личная подпись) (расшифровка
личной подписи)

(дата)

Научный руководитель
Безрогов Виталий Григорьевич,
доктор педагогических наук, профессор

(личная подпись) (расшифровка
личной подписи)

(дата)

Москва
2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	16
I.1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА И КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	16
I.2. КРЕСТЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ РАЗНЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ	21
I.3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ.....	41
ГЛАВА II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСТВА В КРЕСТЬЯНСКОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ	51
II.1. ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ КРЕСТЬЯН ВОЛОГОДСКОЙ, ЛЕНИНГРАДСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДИКА СБОРА И ОБРАБОТКИ ПОЛУЧЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ	51
II.2. ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА О ДЕТСТВЕ КРЕСТЬЯН ВОЛОГОДСКОЙ, ЛЕНИНГРАДСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ	58
II.3. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И СТРАТЕГИИ МЕМОРИЗАЦИИ	69
II.4. СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ КРЕСТЬЯНСКОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ.....	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	108
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..	112
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	131
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	135

ВВЕДЕНИЕ

В спектре изучения крестьянской культуры в современной культурологии большой интерес представляют такие источники как рассказы о себе. Замкнутость крестьянской культуры для научного изучения определяет актуальность использования в ее исследовании именно устных источников личного происхождения. На основе биографических нарративов крестьянскую культуру изучают в аспекте экономики, социальной истории, политической истории, этнографии, истории детства. Однако тема самопонимания крестьянином себя, в частности репрезентации крестьянином периодов своей жизни нечасто привлекает внимание ученых как представителей парадигмы научного знания, сформировавшего в рамках урбанистической культуры. В понимании считающейся малорефлексивной культуры крестьянства весьма значимой становится проблема изучения того, как крестьянин сам себя понимает и репрезентирует в своем и не своем круге. В таком аспекте крестьянская культура исследовалась недостаточно, хотя такие исследования необходимы по многим причинам, например, в том числе для решения таких культурологических проблем как понимание межпоколенной трансмиссии культуры, соотношения в ней локального и глобального. Мы видим, что в историографии крестьянской культуры внимание в основном уделялось верованиям, обрядам, быту в рамках преимущественного внимания к архаической культуре, анализу ритуальных действий и т.п.¹ Для культурологического исследования, как нам кажется, интерес представляет изучение не только архаического в крестьянской культуре, но и повседневного, и того, как крестьянин видит и репрезентирует окружающую себя действительность и себя в этой картине мира. Особый интерес представляет исследование восприятия крестьянином разных возрастов. В частности, как он

¹ См., к примеру: Этнография детства. Вып.1-4. М., 1983-1992; Блинова А.Н. Этнография детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI вв. // Омский научный вестник. – Омск, 2007. – № 1 (48), январь. – С. 37–40; Она же. Участие детей в обрядах и обычаях немцев Сибири // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Материалы междунар. науч. конф. – Красноярск, 2005. – С. 93–99; Этнопедагогика немецкого населения Западной Сибири в XIX–XX вв. // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2004. – № 3 (14). – С. 67–724; Она же. К вопросу изучения этнографии детства в работах российских ученых // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы: Тез. докл. регион. науч. конф., посвященной 30-летию Омск. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 429–432; и др.

видит детство, свой первый период в жизни, как представляется в крестьянстве становление человека, социализация в пространстве сельского сообщества. Таким образом, существует нерешенная на данный период развития исследований крестьянской культуры **проблема** изучения репрезентации возрастных периодов в крестьянском рассказе о себе. В данной работе мы постарались подойти к ее решению на примере рассмотрения репрезентации в крестьянском биографическом нарративе периода детства.

Объект исследования: крестьянская культура в России в XX веке.

Предмет исследования: крестьянские рассказы о детстве как источник по изучению крестьянской культуры.

Цель исследования: рассмотреть особенности репрезентации возрастных периодов в крестьянских рассказах о себе на примере репрезентации периода детства в биографических рассказах крестьян Вологодской, Ленинградской и Новгородской областей 1920х – начала 1960х годов рождения.

Задачи исследования

- Рассмотреть основные дефиниции крестьянства, крестьянской культуры, подходы к изучению крестьянской культуры в целом и к изучению крестьянских биографических нарративов.

- Разработать и применить методику сбора устных биографических нарративов о детстве в крестьянской среде.

- Выявить особенности собранных крестьянских рассказов о детстве, рассмотреть их жанровые, стилевые особенности.

- Рассмотреть репрезентируемые стратегии меморизации и соотношение коллективной и персональной памяти в крестьянском рассказе о детстве.

- Рассмотреть особенности репрезентации субкультуры детства в крестьянском рассказе о детстве.

Обзор литературы

В исследованиях крестьянской культуры на основе биографических нарративов можно выделить несколько подходов. Среди основных, наиболее распространенных подходов к крестьянской культуре в первую очередь следует

назвать изучение крестьянской культуры с точки зрения **этнографии** и ее методов. Такие исследования включают в себя реконструкцию верований, обрядов, фольклора, быта и т.д., получаемую, правда, с помощью, по преимуществу, внешних описаний крестьянства людьми, не принадлежащими к нему.²

В качестве особого направления в исследованиях крестьянской культуры стоит выделить **этнографию детства**. Мир детства изучается в разных предметных контекстах – в связи с семейными отношениями, обрядами жизненного цикла, межпоколенной трансмиссии культуры и др., а также в различных теоретических контекстах – в рамках культурного символизма, реконструкции социальных институтов, стереотипов массового сознания³. Но ребенок здесь по преимуществу рассматривается как объект изучения, а не как субъект. Для историко-культурных исследований крестьянских самоописаний важны также этнографические исследования возрастного символизма.⁴ Но, к сожалению, исследования самоописания носителями культуры своего возраста и его характеристик пока редко встречаются.

Особенности воспитания крестьянских детей изучает **этнопедагогика**, предметом которой является так называемая «народная педагогика» как совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в обычаях, обрядах, детских играх, игрушках и т.п.⁵ Но исследователи, работающие в этом направлении редко обращаются к рассказам о себе.

² Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993; Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Юж. и Юго-Вост. Азии: Сб. ст. / Отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. – М.: Наука, 1988; Мир детства и традиционная культура: Сб. ст. / Сост. Айвазян. – М., 1995.

³ Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Юж. и Юго-Вост. Азии: Сб. ст. / Отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. – М.: Наука, 1988; Мир детства и традиционная культура: Сб. ст. / Сост. Айвазян. – М., 1995. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в детской культуре)». М., 2002.

⁴ Кон И.С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография, 1981, № 6.

⁵ Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учебник для студентов сред. и высш. пед. уч. заведений. М., 1999; Буторина Т.С. Своеобразие народной педагогики поморцев // Советская педагогика. 1989. № 7; Гришин Д.М., Панарина Г.П. Народные традиции в воспитании. Калуга, 1992; Сокольникова Э. И. Этнопедагогика чувашской семьи. М., 1997; Арабов И.А., Нагорная Г.Ю. Этнопедагогика (Культурологический аспект). Карачаевск, 1999; Кукушкин В.С. Этнопедагогика: Уч. пособие. М., 2002.

Важными для изучения крестьянской культуры являются исследования языковой картины мира крестьянина, проводящиеся в рамках **этнолингвистики**. Среди них прежде всего стоит отметить работу С.Е.Никитиной, которая с помощью лингвистического анализа фольклорных текстов и анализа их функционирования исследует особенности народного языкового сознания.⁶ Лингвистические исследования биографических нарративов проводятся редко. Можно отметить работу Н.С. Сергиевой.⁷

В последнее время усилилось внимание к коллективным проектам по созданию **междисциплинарных энциклопедических трудов** по народной культуре.⁸ Но в этих энциклопедиях чаще представлена крестьянская культура конца XIX – начала XX века, и рассматривается она в большинстве своем с внешней позиции исследователей, стремящихся представить «объективные», позитивистски реконструированные исторические, этнографические и др. сведения, извлеченные, в том числе, и из анализа эго-документов.

Важными для нашего исследования являются работы, рассматривающие крестьянскую культуру в рамках **истории детства**. Особо интересны исследования, совмещающие историю школы и проблемы семьи и детства в крестьянской культуре. Среди них можно отметить работы Б.Эклофа⁹ и О.П.Илюхи.¹⁰ Но внимания к биографическим нарративам в них уделяется мало. Так как нас в изучении крестьянства интересует не только архаическое, но и влияние общей политики и городской культуры, для нас важными стали исследования по истории детства в России XX века.¹¹ Особо ценными оказались

⁶ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

⁷Сергиева Н. С. Время в автобиографическом дискурсе. // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. - Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003.

⁸ Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зиминая и др. – СПб.: Искусство-СПб, 2006; Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство-СПб, 2005. Eklof B., Frank St. (eds.). The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation culture and Society. London et al.: Unwin Hyman, 1990.

⁹ Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861-1914. London, 1986.

¹⁰ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне XIX – начала XX века. СПб., 2007.

¹¹ Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. Сост. Г.В. Макаревич. М. – Тверь: Научная книга, 2008. – 382 с.; Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе». Сост. В.Безрогов, К.Келли, А.Пиир, С.Сиротинина. Часть 2: 1940-1990. М. – Тверь: Научная книга, 2008. – 347 с. Теория моды. Одежда. Тело. Культура. М.: НЛЮ, вып. 8, 2008. Леонтьева С.Г. Трудовое детство // Отечественные записки, 2003, № 3; Она же. Пионер – всем пример // Отечественные записки, 2004, № 3; Она же. Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки, 2003, № 1. Салова Ю.Г. Клубная работа с детьми в советской

исследования истории детства в России XX века, выполненные на основе письменных мемуаров и устных воспоминаний о детстве.¹²

Наша работа опирается и на **микроисторические** исследования, посвященные деревням, отдельным людям, семьям. Образцовыми работами по данному направлению могут служить публикации К.Гинсбурга, Х.Медика, Д.Сэбиана, Э.Ле Руа Ладюри, Ю.Шлюмбама, К.Ульбрих и др.¹³

Крестьянская культура исследуется в **культурологии** и на основе редких письменных источников личного происхождения. Среди крестьянских биографических текстов выделяют т.н. «наивное письмо». Важные для нас выводы в своих публикациях делают А.П. Минаева¹⁴ и И.С. Веселова.¹⁵ Многие особенности «наивного письма» прослеживаются и в устных текстах, в частности, оба жанра схожи особенностями построения текста. Но стоит учитывать и отличные от устного интервью черты «наивного письма»: создание теста мотивировано самим автором, текст адресован определенному читателю – обычно представителю своей культуры.

Ценны для исследований саморепрезентации крестьянской культуры работы Н.Н. Козловой. Ее интересует связь советского и крестьянского,

школе 1920-х годов // VIII Золотаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции 16-17 октября 2000 г. - Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. - С. 95-97. Сальникова А.А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода // *Ab Imperio*. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2002. № 3. С. 321-352; Сальникова А.А. Российское детство в 20-ом веке: История, теория и практика исследования / А. Сальникова. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007.-256с. См. также <http://childcult.rsu.ru> и <http://sovietschool.org.ru>

¹² Ромашова М.В. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX и XXI веков // Вестник Пермского университета. 2005. Вып.: 5. История. С. 56-65; Она же. Советское детство в 1945 – середине 1950 гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пермь, 2006 и др. Безрогов В.Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве). // *Антропологический форум*, 2006, № 4, С. 130 - 162. Он же. Московское детство в воспоминаниях // *Московское детство: память поколений*. М: Музейный центр РГГУ. Творческая лаборатория ИНО, 2008. С. 9-15; С. 66-79. Келли К. «Школьный вальс» // *Антропологический форум*. 2005. № 1. С. 104-155. Келли Келли. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // *Теория моды*, 2008, вып. 8, С. 141-185. и др.

¹³ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М.Л.Андреева, М.Н.Архангельской. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Ле Руа Ладюри Э. Монгайю, окситанская деревня (1294-1324) / Пер. с франц. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2001. Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: хроника головокружения. Документы и материалы. От вред и сос Л.Виола, С.Журавлев и др. М., 1998; Medick H. *Leben und Ueberleben in Laichingen, 1650—1900. Lokalggeschichte als Allgemeine Geschichte*. Göttingen, 1996.

¹⁴ Минаева А.П. «Наивные» мемуары М.В. Малькова: опыт контент-анализа // <http://www.ruthenia.ru/folklore/minaeva1.htm>

¹⁵ Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности // Там же. С.43-85; <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm>.

поскольку, с ее точки зрения, советский человек – прежде всего бывший крестьянин.¹⁶ Опираясь на эго-документы, Н.Н. Козлова показала, как поколение бывших крестьян участвовало в формировании советской системы («изобретало советское общество»)¹⁷ Н.Н. Козлова также рассмотрела отдельную биографию в контексте процессов советской модернизации на основе дневника «крестьянского сына», выбившегося в «советские люди».¹⁸ На примере одной судьбы в исследовании рассматриваются процессы, происходящие во всем обществе. Прослеживаются также условия возникновения у крестьян мотивировки уйти из деревни. Взятые нами воспоминания у жителей Вологодских сел показывают вторую сторону этого же процесса, дают взгляд на то же время со стороны тех, кто не ушел, кто по тем или иным причинам остался жить в деревне.

Внимание к необходимости реконструкции понимания крестьянами себя и своей культуры прослеживается в работах И.Е. Козновой.¹⁹ Она рассматривает крестьянскую культуру через изучение социальной памяти крестьянства. Ее работы интересны тем, что в них анализируется не только то, что вспоминается, но также и как оно вспоминается и как помнится, каковы особенности крестьянской памяти.

Важны для нас также исследования **семейных историй**, проводящиеся в рамках крестьяноведения («школа Т.Шанина»). Данный подход учитывает понимание самим крестьянином своих действий, способы их осмысливания и означивания личностью крестьянина. В рамках крестьяноведения преимущественно исследуются источники личного происхождения, однако на настоящий момент методология двойной рефлексивности применена лишь к реконструкции внешних обстоятельств жизнедеятельности носителей

¹⁶ Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. с.153-157.

¹⁷ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советского человека. Голоса из хора. М., 1996

¹⁸ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт анализа биографии // Социологические исследования, 1994, № 6. С. 112-123

¹⁹ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000; Кознова И.Е. Традиции и новации в поведении современных крестьян // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей. / Под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишкова и А.Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 1997. С.359-382; Кознова И.Е. Власть в памяти крестьянства России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 116 – 122.

крестьянской культуры, их социально-экономического поведения. На основе семейных историй также проводятся комплексные исследования отдельного села.²⁰

И.А. Разумова также использует метод семейных историй, но в отличие от шанинской школы, уделяющей преимущественное внимание на систему «двор-деревня-регион», обращается к проблеме семейно-группового самосознания и анализу репрезентаций форм внутрисемейного взаимодействия (система «двор-семья»²¹). Мы берем в качестве источников рассказы не о семье, а об индивидуальной жизни, но проведенный Разумовой анализ семейных историй очень ценен для нашей работы, так как крестьянские рассказы о своей жизни и тексты, репрезентирующие историю семьи, во многом схожи по стилистике и жанровой специфике, к описанию которой также обращается Разумова. Для нас важны рассмотренные автором проблемы соотношения в нарративах этапов персонального жизненного цикла, фаз семейного цикла и периодов отечественной истории.²²

Как мы видим, в историографии различные направления по-разному относятся к биографическим нарративам крестьян, к их возможностям как историко-культурному источнику. Сравнительно немного внимания уделено взглядам крестьян на самих себя. Среди исследований понимания крестьянством себя и своей культуры нет работ по восприятию и репрезентации современным крестьянством своего детства и его субкультуры. Это обусловило выбор хронологических и территориальных рамок исследования, источников для решения поставленных в дипломе задач. Мы решили взять в качестве источников устные биографические интервью, так как они нам видятся наиболее выгодными для исследования саморепрезентации крестьянской культуры и выявления самотематизации в крестьянских биографических повествованиях.

Отсутствие внимания в историографии к изучению понимания крестьянином самого себя обусловило и **хронологические рамки**

²⁰ Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян 1992-2002. М., 2005.

²¹ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001.

²² Там же. С. 239

исследования. Так как для сравнения нет исследований по репрезентации крестьянином своего детства, для того, чтобы была возможность сравнительного анализа текстов разных возрастных когорт, мы решили рассмотреть три группы респондентов: 1920х г.р., 1930х г.р., 1945-1960 г.р. Во время начальной стадии исследования мы заметили, что рассказы респондентов 1945-1960 г.р. во многом отличаются от рассказов первых двух возрастных групп. Уже в 1950-е заметно сильное влияние городской культуры. Поэтому мы решили, что для понимания специфики крестьянской культуры будет важно сравнить воспоминания о детстве людей 1920-1930-х г.р. с поколением, в котором уже произошли сильные изменения крестьянской культуры. Таким образом можно будет увидеть и общее для крестьянской культуры XX века, и особенное для указанных периодов в ее развитии. Для изучения крестьянской культуры 1970-2000 гг. перед исследованием необходимо ставить уже другие задачи, в первую очередь проблему сильного влияния города на деревню. В этом случае исследование нужно проводить в более широком контексте всей советской культуры. Изучение этого периода не входило в задачи данной дипломной работы.

Ситуация с изученностью нашей проблемы обусловила и **территориальные границы работы.** Так как в историографии уже имеются исследования биографических нарративов крестьян, переехавших в город, нам важно было взять интервью у тех, кто не уезжал из сельской местности, и в тех районах, в которых сохранялась некоторая стабильность и преемственность культуры. В целях получения валидных выводов на основе более или менее достаточного количества источников мы решили рассмотреть три региона: Вологодская, Ленинградская и Новгородская области. Нашей целью было собрать материал в компактных локусах, который бы не сильно отличался друг от друга, но в то же время охватом этих локусов репрезентировал некоторый исторически сложившийся регион.

Характеристика источников

Для того, чтобы рассмотреть проблему изучения крестьянской культуры на основе крестьянских биографических нарративов, мы решили взять в качестве источников устные биографические рассказы о детстве, собранные нами в этнологических экспедициях в 2006, 2007 и 2008 гг. в поселениях Вытегорского района Вологодской области. Было собрано 30 интервью с респондентами 1919 – 1964 г.р. Опрос велся с помощью заранее подготовленного вопросника по воспоминаниям о детстве в крестьянской культуре. При составлении вопросника использовались уже разработанные анкеты, также учитывались материалы исследований по истории и этнографии детства в традиционных и современных культурах. Для сопоставления было взято такое же количество интервью с респондентами 1914-1940 г.р., проведенное коллегами из Европейского университета (Санкт-Петербург) в Ленинградской и Новгородской областях по аналогичному вопроснику. Выбор именно таких источников обусловлен тем, что устная форма наиболее выгодна для исследований саморепрезентации крестьянской культуры. Крестьянская культура оставляет мало письменных источников и закрыта для городской академической культуры. В то же время устная традиция для крестьянской культуры наиболее естественна. Выбор используемых источников обусловлен и тем, что такие материалы в контексте изучения нашей проблемы еще не использовались.

Устные биографические воспоминания о детстве имеют свои особенности, которые позволяют делать обоснованные выводы относительно проблемы саморепрезентации крестьянской культуры. С одной стороны, они позволяют выявить представление крестьянина о самом себе. Но с другой стороны дают и ограничения. Автобиографический рассказ – это не просто информация, напрямую переданная из памяти, а текст, в котором сложно переплетаются персональная и коллективная память, стратегии ценностного означивания различных событий. Что именно берется из памяти и вербализуется в рассказе – обусловлено культурой и зависит от многих факторов. В первую очередь – это ресурсы языка, репертуар возможных «жанров», бытующих в культурном

пространстве. Влияют существующие в культуре стереотипы (в том числе идеологические) о той теме, о которой повествуется. Специфика источников определила методологию сбора источников, их обработки и работы с ними.

Методологические основы работы

Особенности источников и задачи исследования обусловили методологию сбора и их анализа. Мы опирались на методологию устной истории, представленную в работах П.Томпсона, Р.Грилла, Г.Розенталь и др.,²³ на работы Е.Ю.Мещеркиной, С.А.Белановского²⁴, С.Квале,²⁵ В.Ф.Журавлева,²⁶ Н.В.Веселковой,²⁷ написанные в рамках биографического метода, разработанного в «качественной социологии» и примененного в истории, культурологии и других гуманитарных дисциплинах.²⁸ Немаловажными для разработки методики сбора были для нас работы, описывающие методику сбора материала в рамках крестьяноведения.²⁹ Основой для разработки программы исследования послужил вопросник для сбора воспоминаний о детстве, разработанный в рамках историко-педагогической антропологии В.Г. Безроговым, О.Е. Кошелевой, Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Нурковой.³⁰

Для того, чтобы источники наилучшим образом отражали самотематизацию периода детства, мы проводили интервью следующим образом. Первая часть интервью предполагала запись продолжительного рассказа о детстве, построенного самим респондентом без вопросов интервьюера. Первоначальный вопрос, который задавался всем респондентам и с которого начиналась запись на диктофон, звучал следующим образом:

²³ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003; Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – 396 с.

²⁴ Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001; Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология 4М, 1991, №2;

²⁵ Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003;

²⁶ Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология 4 М. N 3-4, 1993-1994. С.34-43.

²⁷ Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал, 3, 1994. С.103-109.

²⁸ Биографический метод: история, методология и практика / Рос. акад наук, Ин-т социологии. М., 1994; Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61-67.

²⁹ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101-116. Виноградский В.Г. Крестьянские семейные хроники // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 130-144.

³⁰ Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: Изд-во УРАО, 2001, С. 69-86.

«Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве, все, что Вы помните, с самых первых воспоминаний». После завершения начального биографического нарратива в форме свободного лейтмотивного интервью проводился опрос по типу беседы. Первоначально мы стремились задавать вопросы, не содержащие в себе прямого указания на ту или иную тему. В последующих вопросах мы стремились отталкиваться от тем, уже затронутых в начальном автобиографическом рассказе. Дальнейшее использование программы-вопросника имело главной целью скорее поиск значимого в памяти респондентов, поиск тем и формулировок вопросов, которые вызвали бы эмоциональные и продолжительные нарративы, отражающие содержание автобиографической памяти. При транскрипции текстов нашей целью было наиболее полное отражение особенностей речи респондентов.

Для решения нашей задачи реконструировать образ детства, каким он видится самим крестьянам, основное внимание мы уделили собранным нами нарративам, которые содержали самостоятельный начальный автобиографический нарратив. Вторая группа источников (лейтмотивные части интервью, связанные с ответами респондентов на вопросы) выступала больше в качестве сравнительного материала.

Поставленные задачи и особенности источников обусловили выбор методологии работы с ними. Базовым для исследования стал **нарративный анализ текстов**. При анализе источников мы опирались прежде всего на методологию **устной истории**.³¹ Теоретической основой для исследования послужили также работы по философии нарратива и нарратологии.³² Мы опирались также на работы Й.П.Рууса, Д.Берто, В.Голофаства, Е.Мещеркиной, выполненные в рамках **биографического метода**.³³

³¹ Тонкин Э. Повести о нашем прошлом. Социальная конструкция устной истории // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – М.: ИВИ РАН, 1999. С. 159-184. Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 368 с.

³² Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Материалы к спецкурсу. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 104 с.

³³ Биографический метод в изучении постсоциальных обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронкова и Е.Здравомысловой. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 5. – Санкт-Петербург, 1997. – 223 с; Биографический метод: история, методология и практика / Рос. акад наук, Ин-т социологии. М., 1994;

К текстам были применены **методы выделения эпизодов и тем**, которые подробно описаны на примере воспоминаний о детстве в работах в рамках педагогической антропологии.³⁴

В работе используются также терминология и методы анализа **автобиографической памяти**, описанные в монографии В.В.Нурковой.³⁵

В нашей работе проводился также анализ повествовательной структуры текстов, их **жанровой специфики**, в чем нам помогли работы И.А.Разумовой³⁶, в которых проводится анализ лейтмотивов, сюжетов, мотивов в биографическом нарративе, а также работа М.П. Чередниковой, в которой подробно описываются типы повествования в меморатах о войне.³⁷ Исследования И.А. Разумовой помогли нам также в анализе стратегий меморизации.

Важными для нас были также **теоретические работы по коллективной, социальной, персональной памяти в автобиографиях**.³⁸

Мы использовали также частично **дискурсный анализ** текстов. Теоретической основой для нас были работы Т.Ван Дейка³⁹ и французских авторов.⁴⁰ Мы опирались также на работы, анализирующие с помощью дискурсного анализа биографические нарративы советского периода.⁴¹

Учтенные методологические подходы и методические приемы позволили, как нам кажется, использовать собранные источники для решения поставленных в дипломе задач и достижения его целей. Применение этих методов к материалам устных нарративов о детстве жителей севернорусских поселений

³⁴ Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Б.М. Бим-Бада. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 192 с; Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю. Нуркова В.В. Биографическое интервью: Учебно-методическое пособие / Под ред. В.Г. Безрогова. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 88 с.

³⁵ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320

³⁶ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001.

³⁷ Чередникова М.П. Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне. // Сказка и несказочная проза: Межвузовский сборник научных трудов. - М.: МПГУ, 1992. - С.90-109.

³⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3(40-41). С. 8-27; Безрогов В.Г. Коллективное и персональное в автобиографии // Человек. № 5, 2003, С. 26 – 37.

³⁹ Дейк Т ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск, 2000.

⁴⁰ Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П.Серио; предисл. Ю.С.Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999.

⁴¹ Цветаева Н. Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал, 1999. № 1/2; Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи. // Социологический журнал, 2000, № 1/2

позволяет считать результаты работы достаточно обоснованными и валидными, по крайней мере, для данного региона.

Структура работы

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемых источников и литературы, списка респондентов и приложений с фрагментами интервью.

Во введении обосновывается актуальность темы, ставятся цель и задачи работы, проводится анализ историографии, определяются хронологические и территориальные рамки, дается характеристика источников, аргументируется методологическая основа исследования.

В первой главе **«Проблема саморепрезентации крестьянской культуры в российской и зарубежной историографии»** рассматриваются основные дефиниции крестьянства и крестьянской культуры, дается обзор подходов к изучению крестьянской культуры, а также рассматриваются методологические проблемы изучения крестьянских биографических нарративов.

Во второй главе **«Репрезентация детства в крестьянском биографическом нарративе»** описывается программа исследования, методика сбора и обработки используемых в работе источников; рассматриваются жанровые и стилевые особенности крестьянских рассказов о детстве; анализируются особенности стратегий меморизации и совмещения в крестьянском рассказе о детстве персональной и коллективной памяти; анализируются особенности репрезентации субкультуры детства в крестьянском биографическом нарративе.

В заключении описываются выводы и перспективы работы.

В приложении представлены некоторые тексты начальных автобиографических нарративов, исследуемых в работе.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

I.1. Проблема определения крестьянства и крестьянской культуры

С задачей историко-культурной реконструкции способов саморепрезентации крестьянства тесно связана необходимость конвенционального согласия относительно того, что понимать под термином «крестьянство», «крестьянская культура». По мнению Т.Шанина, все определения, предложенные теми, кто считал проблему крестьянства автономным и первостепенным предметом исследования, имели две общие черты. Признавали, что современное крестьянство представляет социальную систему, вмонтированную в более широкие системы, но структурированную особо. Также признавали и выявляли некоторые институционные характеристики крестьянства, объяснявшие феномен его социального и культурного воспроизводства. Предложенное в 1971 году⁴² Т.Шаниным определение называет крестьянами «мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают - прямо или косвенно - на удовлетворение своих собственных потребительских нужд, на выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти»⁴³. В этом определении крестьян рассматриваются характеристики четырех взаимосвязанных аспектов крестьянской жизни: семейный двор, сельскохозяйственное производство, деревня и ее традиционная локальная культура, зависимое положение по отношению к доминирующим общественным силам⁴⁴.

⁴² Shanin T. Peasants and Peasant Societies. London, 1971.

⁴³ Цит. по: Шанин Т. Понятие крестьянство // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 11.

⁴⁴ Данное определение относится равно к крестьянству различных регионов. Затрагивая тему сходства крестьянской культуры разных стран, Т.Шанин указывает на возможность перенесения применяемых исследователями крестьянства методологий из одного конкретного ареала в другой, хотя «региональные и исторические особенности требуют корректировки и разумного применения любого заимствованного где-либо сравнения или метода». Шанин. Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С.11.

К таким же параметрам дефиниции крестьянской культуры обращается И.Е. Кознова. Она подчеркивает сущностную зависимость крестьянина от всего окружения, буквальную *связанность* его природными и социальными силами. «Крестьянство изначально - в зависимом положении. Вначале это - зависимость от природы, впоследствии к ней добавляется социальная зависимость. При этом крестьянству свойственно осознание и определенности (низшее место в системе социальной иерархии), и особенности (кормилец) своего положения в обществе»⁴⁵. Эта зависимость крестьянства «ото всех» определила многие особенности повествования крестьян о себе лицу другого сословия, к которым мы обратимся в следующей главе.

В других сущностных определениях крестьянства выделяется какой-либо из вышеуказанных аспектов общих определений как наиболее важный и ведущий в конструировании крестьянского мировидения и самопознания. Например, как основную характеристику крестьянства А.В. Гордон выделяет «хозяйствование на земле»⁴⁶. Г.Х. Айрот делает в определении крестьянства акцент на соседство как на главный признак крестьянской жизни, утверждая, что аграрное соседство есть нечто принципиально иное, нежели соседство в городе.⁴⁷ Тремя главными характеристиками деревенской жизни М. Левин называет следующие: «сельскохозяйственный труд, семья как производственный коллектив, и самодостаточность, самообеспеченность этого коллектива».⁴⁸

И.Е.Кознова, отмечая особенностью антропологической характеристики крестьян «единство природного, хозяйственного и социального», говорит о «подчинении хозяйственно-трудовой деятельности природным ритмам, тесном переплетении хозяйствования с отношениями в

⁴⁵ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти крестьянства. М., 2000. С.12.

⁴⁶ Гордон А.В. Хозяйствование на земле - основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М.,1996. С. 57-74.

⁴⁷ Айрот Г.Х. Крестьянство как соседство // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 69.

⁴⁸ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 87.

семье и с соседями, отсутствии ярко выраженной индивидуальности, преобладании социальных связей личного типа»⁴⁹, в результате чего индивидуальное самосознание рассказчика растворено в сознании крестьянской группы, питается ее коллективной памятью. Направление, в котором работает И.Е. Кознова, опирается на тезис о мифологизированности этой памяти: «Крестьянству свойственно мифологическое восприятие мира. Крестьянин воспринимал себя с землей архетипично, как единое целое. Подчеркивание же значения этой связи [с землей, связи, объединяющей духовную и материальную сферу, человеческий мир и природу - М.Г.] при определении своего места в мире и обществе характерно для работающего на земле человека новейшего времени»⁵⁰. И.Е.Кознова подчеркивает, что «крестьянскому образу жизни свойственна нераздельность социального и культурного, а сама крестьянская культура ритмична и ритуальна. Слитность с природой находит свое проявление в восприятии времени»⁵¹.

Споры относительно понятия «крестьянство» и «крестьянская культура», особенно применительно к XX столетию, в крестьяноведении как дисциплине идут до сих пор. Споры вызывает уже само представление о целостности всех сторон жизни крестьянского общества⁵². Сторонники сохранения крестьяноведения как особого направления в науке подчеркивают, что подход крестьяноведения не предполагает полного разделения по жесткой схеме «крестьяне-некрестьяне». Возможны также и смешанные формы, окрестьянивание и раскрестьянивание как постоянный процесс⁵³. Крестьянскую культуру не следует, согласно данной позиции, воспринимать как замкнутую на самой себе. Современное крестьянство представляет социокультурную систему, вмонтированную в более широкие

⁴⁹ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти крестьянства. М., 2000. С.11.

⁵⁰ Там же. С. 12.

⁵¹ Там же. С. 12.

⁵² Люкшин Д. Крестьяноведение в исследовательском поле аграрной истории// Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 268-281; Староверов В.И. Сельская социология. М., 2000.

⁵³ Шанин. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С.11.

системы, но структурированную особо. Крестьянская культура, обладая своими специфическими характеристиками, вписана в более широкую культуру.

Такие общеметодологические аспекты очень важны для нашего исследования, так как в российской историографической традиции «крестьянское» чаще всего воспринимается как предшествующее «советскому» и во многом явившееся его истоком, прототипом. Превращение «крестьянина» в «советского человека» видится в таком ракурсе как резкий переход от сельской жизни к преимущественно городской при сохранении основного – традиционалистского – типа ментальности. Одна из важных характеристик «советского человека»: житель города, перенесший с собой в город многие аспекты «крестьянского»⁵⁴. Видение крестьянского как досоветского пришло в постсоветскую историографию еще из советского периода. Тогда аграрному обществу не придавались характеристики «крестьянского», говорили о сельском жителе как сколке с городского, о приближении образа жизни на селе к городу, о сельском образовании как равном городскому и т.п. В данной работе хотелось бы показать, какие могут быть методологические, исследовательские выгоды от прослеживания степени совмещения «крестьянских» и «советских» аспектов в биографических нарративах сельских жителей.

Среди основных, наиболее распространенных подходов к крестьянской культуре в первую очередь следует назвать изучение крестьянской культуры с точки зрения этнографии и ее методов.⁵⁵ Такие исследования противопоставляются социально-политическим и социально-экономическим

⁵⁴ Показательно, что сборники статей, посвященные советскому периоду в культуре, редко включают исследования по крестьянству как советскому миру: невысказанное отношение к крестьянской культуре как досоветской либо преобразованной в личности советского человека и распространенной потому на все общество (городской советский человек как бывший крестьянин с сохраняющимися менталитетом и привычками) – приводит в результате к оставлению на вторых и третьих ролях исследований именно по крестьянскому миру в советское время. Частично эта ситуация отражала раскрестьянивание советского человека в связи с ускоренной урбанизацией, промышленными стройками и раскулачиванием. См., например, Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. СПб., 2002.

⁵⁵ мы сейчас оставляем в стороне полемику по поводу определения границ терминов «этнография», «этнология», «социальная антропология», «культурная антропология» и т.п..

и включают в себя реконструкцию верований, обрядов, фольклора, быта и т.д., получаемую с помощью, по преимуществу, внешних описаний крестьянства людьми, не принадлежащими к нему.⁵⁶ Другой ракурс понимания крестьянской культуры представлен в социально-исторических исследованиях. В них культура аграрного мира рассматривается в связи с более широким историческим и культурным контекстом, но отделяется от политической, экономической, истории государственного строительства и управления. Такой подход больше направлен на нахождение своего рода «объективных» фактов крестьянской культуры. Культура понимается в традиции разделения ее на материальные и духовные достижения. Категориальный аппарат исследователя в этом случае накладывается на изучаемый объект, а не возникает в процессе самого исследования.

Противоположными такому подходу видятся культурологические работы, в которых внимание уделяется особенностям категориального аппарата, понятийной сетке, порождаемой и применяемой человеком исследуемой культуры. В данном случае исследователь, изучая крестьянскую культуру, занимается не поиском информации по уже заданным категориям, а стремится понять смысловой континуум, создавшийся в культуре, смыслы и значения, с помощью которых человек сам воспринимает окружающий мир и себя. Для данных исследований характерно использование так называемых качественных, а не количественных подходов⁵⁷.

Можно сказать, что крестьянская культура XX века изучается чаще всего с позиции, занимаемой исследователем вне исследуемого объекта. И хотя в последние 30-40 лет появился специальный интерес к ментальности, к особому крестьянскому мировоззрению, однако изучение крестьянского

⁵⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993; Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Юж. и Юго-Вост. Азии: Сб. ст. / Отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. – М.: Наука, 1988; Мир детства и традиционная культура: Сб. ст. / Сост. Айвазян. – М., 1995.

⁵⁷ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт анализа биографии // Социологические исследования, 1994, № 6. С. 112-123; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001.

мировоззрения пока еще редко включает собственные взгляды крестьянина на самого себя и свою культуру.⁵⁸

I.2. Крестьянская культура в зеркале разных историографических подходов

Как мы уже сказали, крестьянская культура полномасштабно изучается в этнографических работах. В этих исследованиях культура рассматривается с внешней стороны исследователя, находящегося в позиции стороннего наблюдателя. Эта историографическая традиция сложилась еще в XIX веке, когда крестьянство воспринималось больше как «пережиток» прошлого. Исследования строились на основе наблюдений и материалов, собранных с помощью анкетного опроса. Анкеты же составлялись во многом под влиянием позитивистской парадигмы.⁵⁹ И сегодня многие этнографические работы строятся на основе архивных документов, собранных в XIX и начале XX века.⁶⁰

В качестве особого направления в исследованиях крестьянской культуры стоит выделить **этнографию детства**. Она преимущественно изучает народную педагогику, обычаи воспитания и символические образы детства, представленные в культуре взрослых. Ребенок здесь рассматривается как объект изучения, а не как субъект. Однако авторы стремятся проникнуть и во внутренний мир детского фольклора, игр, особенностей общения детей и взрослых с детьми. Мир детства изучается в разных предметных контекстах – в связи с семейными отношениями, обрядами жизненного цикла, межпоколенной трансмиссии культуры и др., а также в различных теоретических контекстах – в рамках культурного

⁵⁸ В большей степени изучены взгляды крестьянства на окружающий мир (К. Гинзбург, Э.Ле Руа Ладюри и др.).

⁵⁹ Баранов Д. «Крестьянская программа В.Н. Тенишева: текст и контекст // Антропологический форум, 2006, № 4

⁶⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993

символизма, реконструкции социальных институтов, стереотипов массового сознания⁶¹.

И.С. Кон обратил внимание на то, что необходимо разграничивать реальное положение и символизацию детей в культуре. В его работе «Ребенок и общество» рассматриваются вопросы детства в архаических аграрных обществах.⁶² Автор отдает предпочтение изучению детства на основе наблюдений и исторических документов. Рассказы людей о собственном детстве в меньшей степени попали в сферу его внимания, хотя, с другой стороны, он одним из первых провел также исследования в области исторического развития личностного самосознания в автобиографических текстах.⁶³

Для историко-культурных исследований крестьянских самоописаний важны этнографические исследования возрастного символизма, то есть систем представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный опыт индивида и возрастную стратификацию общества. И.С. Кон, анализируя особенности восприятия разных возрастов в культурах мира, выделяет в качестве элементов рассмотрения возрастную терминологию, возрастные стереотипы, символизацию возрастных процессов, возрастные обряды, возрастную субкультуру (признаки, по которым человека относят к «своему» возрасту).⁶⁴ К сожалению, исследования самоописания носителями культуры своего возраста и его характеристик пока редко встречаются. Они более характерны для филологов (лингвистов), нежели для историков культуры (см. ниже).

Особенности воспитания крестьянских детей изучает **этнопедагогика**, предметом которой является так называемая «народная педагогика» как

⁶¹Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Юж. и Юго-Вост. Азии: Сб. ст. / Отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. – М.: Наука, 1988; Мир детства и традиционная культура: Сб. ст. / Сост. Айвазян. – М., 1995. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002.

⁶² Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988, М., 2003

⁶³ Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.; Он же. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984

⁶⁴ Кон И.С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография, 1981, № 6.

совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в обычаях, обрядах, детских играх, игрушках и т.п.⁶⁵ Широко привлекая фольклор, пословицы и поговорки, обычаи воспитания, ритуалы перехода, этнопедагогика обращается к текстам рассказов о себе в тех случаях, когда получивший образование представитель аграрной культуры берется за ее описание на основе собственного биографического опыта.⁶⁶

Важными для изучения крестьянской культуры являются исследования языковой картины мира крестьянина, проводящиеся в рамках **этнолингвистики**. Исследователей данного направления интересует, каким образом культурные особенности отражаются в языке. С.Е. Никитина с помощью лингвистического анализа фольклорных текстов и анализа их функционирования исследует особенности народного языкового сознания. «Языковое народное сознание — воплощение народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах, из которых строятся тексты малых и больших жанров фольклора, участвующих в вербальной коммуникации».⁶⁷ Носитель народной культуры, с точки зрения С.Е. Никитиной, владеет двумя языками — бытовым и поэтическим. Обращая внимание на особенности функционирования фольклорных текстов, она показывает взаимосвязь бытового языка крестьянской культуры и фольклорного сознания. В некоторых культурах повседневные нормы речевого поведения переносятся на фольклорные произведения и наоборот. Языковое сознание реализуется в речевом поведении, которое определяется коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности.

⁶⁵ Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учебник для студентов сред. и высш. пед. уч. заведений. М., 1999; Буторина Т.С. Своеобразие народной педагогики поморцев // Советская педагогика. 1989. № 7; Гришин Д.М., Панарина Г.П. Народные традиции в воспитании. Калуга, 1992; Сокольников Э. И. Этнопедагогика чувашской семьи. М., 1997; Арабов И.А., Нагорная Г.Ю. Этнопедагогика (Культурологический аспект). Карачаевск, 1999; Кукушкин В.С. Этнопедагогика: Уч. пособие. М., 2002.

⁶⁶ См., например, Серая сова. Рассказы опустевшей хижины. М.: Молодая гвардия, 1974. В истории российской этнографии есть особый тип авторов, вышедших из крестьян, получивших образование и в качестве этнографов обратившихся к наследию своего народа. См., например: Михайлов С. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004.

⁶⁷ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 10.

Языковое самосознание — часть культурного самосознания и выражается в особенностях принятого в крестьянской среде способа разговора о себе и своей жизни. С.Е.Никитина подчеркивает, что среди множества исследований, посвященных «народному миропредставлению», выраженному в традиционных текстах и традиционном поведении, на то, что сам «народ» говорит о своем языке и культуре, какие вопросы ставит и как отвечает, обращается мало внимания.

Как правило, в исследованиях «народной культуры» сведения о народной рефлексии являются сопутствующей информацией, не имеющей для их авторов самостоятельной ценности. Однако еще Н.С. Трубецкой писал о том, какой важной и неотъемлемой частью народной культуры является пласт самопознания⁶⁸. Некоторыми исследователями в настоящее время признается ценность высказываний крестьян о фольклорных текстах. Необходимым материалом для фольклористического исследования считаются теперь рассказы информантов о функции текстов в обряде. Народное самосознание изучается с помощью анализа того, как о фольклорном тексте говорят сами крестьяне. Н. С. Сергиева на основе устных биографических воспоминаний, собранных в городах Республики Коми, изучает языковую картину мира, анализирует особенности восприятия времени в автобиографическом дискурсе. Н.С. Сергиева делает вывод, что в рассматриваемых текстах совмещаются циклическая и линейная модели времени. Она реконструирует способы осмысления времени применительно к человеку и семейной группе и показывает социокультурную обусловленность способов осмысления времени.⁶⁹

Междисциплинарные энциклопедические работы. В последнее время усилилось внимание к коллективным проектам по созданию междисциплинарных энциклопедических трудов по народной культуре. Так,

⁶⁸ Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.

⁶⁹ Сергиева Н. С. Время в автобиографическом дискурсе. // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. - Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003.

авторы книги «Мир русского крестьянина: культура и общество после освобождения» сделали попытку раскрыть культуру как многомерное понятие, включающее в себя политику, экономику, социологию. В результате в книгу вошли статьи о народной религии, крестьянках и их труде, крестьянах-солдатах, отходниках, крестьянском образовании, народном искусстве⁷⁰. Многие энциклопедии о народной культуре, по сути, понимают под ней культуру крестьянства. Поэтому такие издания как, например, «Русские дети»,⁷¹ «Мужики и бабы»⁷² и т.п. являются энциклопедиями именно по крестьянской культуре России. Но в этих энциклопедиях чаще представлена крестьянская культура конца XIX – начала XX века, и рассматривается она в большинстве своем с внешней позиции исследователей, стремящихся представить «объективные», позитивистски реконструированные исторические, этнографические и др. сведения, извлеченные, в том числе, и из анализа эго-документов.

В исторических исследованиях приобрело актуальность понимание крестьянства не только как «объекта воздействия», но и как «субъекта выбора». Ш. Фицпатрик, изучая российское крестьянство 1930-х годов с социально-исторической точки зрения, уделяет внимание действиям крестьян как субъектов истории, часто обращая внимание на неофициальное отношение крестьян к советской политике 1930-х годов. Новый взгляд на социальную историю российского крестьянства, учитывающий его собственный голос или, по крайней мере, невысказанное мнение, содержится в работах западных крестьяноведов: Р. Такера, М.Левина, Р. Редфилда⁷³.

⁷⁰ Eklof B., Frank St. (eds.). The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation culture and Society. London et al.: Unwin Hyman, 1990.

⁷¹ Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. – СПб.: Искусство-СПб, 2006. – 566 с.

⁷² Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство-СПб, 2005.

⁷³ Ш.Фицпатрик Сталинистские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. 2001; Такер Р. Сталин. история и личность. М.. 2006; Он же. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 1; Левин, М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. - Ежегодник. - 1997. - М., 1997; Редфилд, Р. Малое сообщество. Крестьянское: общество и культура // Отечественная история. - 1993. - № 2.

Важными для нашего исследования являются работы, рассматривающие крестьянскую культуру в рамках **истории детства**. Однако исследователи достаточно редко совмещают историю школы и проблемы семьи и детства в крестьянской культуре. Среди зарубежных работ можно отметить монографию Б.Эклофа⁷⁴. Он рассматривает школу в контексте не только официальной политики, но и крестьянской культуры. Российский автор О.П. Илюха исследует сельскую школу в Карелии во взаимосвязи с крестьянским сообществом, миром семьи и миром детства, совмещает применительно к одному предмету методы истории, этнографии, социологии, педагогики и фольклористики. Исследователь использует в качестве источников архивные материалы, опубликованные воспоминания жителей карельских сел, материалы фольклорных, лингвистических экспедиций.⁷⁵

С 1970-х годов появляется много **микроисторических** исследований, посвященных деревням, отдельным людям, семьям. Документальной основой им служат самые разнообразные документы, начиная от переписей населения, документов приходских церквей, расспросных листов при различных обстоятельствах и расследованиях – и вплоть до крестьянской переписки и воспоминаний. Образцовыми работами по данному направлению могут служить публикации К.Гинзбурга, Х.Медика, Д.Сэбиана, Э.Ле Руа Ладюри, Ю.Шлюмбама, К.Ульбрих и др.⁷⁶ Работа К. Гинзбурга «Сыр и черви» (1976) основана на документах инквизиции по делу мельника Меноккио XVI века. В исследовании рассматривается мировоззрение крестьянина эпохи Возрождения. По ходу допроса Меноккио также говорит о книгах, которые ему довелось прочесть, и о том, как он их понял. Гинзбург анализирует метафоры, которые видны в речи Меноккио. Он обращает

⁷⁴ Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861-1914. London, 1986.

⁷⁵ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне XIX – начала XX века. СПб., 2007.

⁷⁶ См.: Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003, в том числе помещенную на стр. 260-265 аннотированную библиографию работ по микроистории.

внимание на проблему связей между исследуемым сообществом вокруг мельника и большим миром за его пределами⁷⁷.

Немецкий микроисторик Х.Медик при реконструкции повседневности в деревушке Лейхинген особое внимание уделил соотношению между локальным и глобальным в исторических процессах развития европейской культуры. Его основным пафосом было доказать, что микроистория может на своем поле говорить о «высоких» процессах, которые раньше могли реконструироваться лишь с «птичьего полета» макроистории⁷⁸.

В рамках микроистории написана также работа Эммануэля Ле Руа Ладюри «Монтайю» (1975) – исторический портрет деревушки во французских Пиренеях в конце XIII - начале XIV века и пары сотен ее обитателей. Исследование строится на основе документов инквизиции, в частности записи допросов двадцати пяти жителей деревни, на которых пало подозрение в ереси. Вся книга структурирована как исследование отдельной общины (форма, к которой часто прибегают социологи), но отдельные ее главы поднимают общие проблемы, в то время горячо обсуждавшиеся французскими историками, — темы детства, локального ощущения времени и пространства, крестьянского дома как воплощения семейных ценностей.⁷⁹

Следуя данным образцам, Э.Хоком, С.В.Журавлевым и другими авторами выполняются микроисторические исследования отечественной деревни.⁸⁰

Учет различных аспектов жизни крестьянства **новой культурной историей** совершается сквозь призму реконструкции индивидуального или коллективного сознания. Примером может послужить статья Э.Неттинга, который рассмотрел вопрос о крестьянском изобразительном и декоративном

⁷⁷ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М.Л.Андреева, М.Н.Архангельской. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

⁷⁸ Medick H. Leben und Ueberleben in Laichingen, 1650—1900. Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte. Göttingen, 1996.

⁷⁹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324) / Пер. с франц. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. — Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2001.

⁸⁰ Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: хроника головокружения. Документы и материалы. От вред и сос Л.Виола, С.Журавлев и др. М., 1998; ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921-1927 гг. Сыктывкар, 1995.

творчестве с точки зрения внутреннего мира крестьянина. Неттинг доказывал, что в конце XIX - начале XX веков устои старины продолжали определять деревенский мир, крестьяне недоверчиво относились к новшествам, поэтому новые веяния определенным образом трансформировались, пересматривались в рамках традиционной крестьянской культуры, что отразилось в эволюции репрезентации внутреннего мира человека в искусстве.⁸¹

Б.Энгел в статье «Взгляды русских крестьян на городскую жизнь, 1861-1914», обратившись к вопросу о миграции крестьян в города, выбрала типичный для культурной истории аспект – психологический. Она рассмотрела отношение к отходничеству крестьян, живших в деревнях, и тех, кто потерял с ней всякие связи⁸². Главным историческим источником статьи Энгел стала документация судебных разбирательств, участниками которых были отходники и члены их семей, что дало автору возможность реконструировать целый ряд историй из крестьянской жизни. Исследователь относит отходничество к обширному понятию «крестьянская культура», а сами истории отходников, считает она, отражают способность этой культуры к стремительному развитию. Отходничество было альтернативой привычному крестьянскому миру, оставаясь, тем не менее, его неотъемлемой частью.

По мнению автора монографии «Крестьянские мечты и рыночная политика» Д.Бердса, отходничество оказало сильное влияние на внутреннюю жизнь сельского населения, его экономику, социальные, семейные отношения, привычки и обычаи.⁸³ Он указывал, что крестьянские хозяйства, основанные одновременно на сельскохозяйственном и несельскохозяйственном труде, образовали «третью» культуру - не традиционную сельскую и не городскую. Историк сделал вывод, что

⁸¹ Netting A. Images and Ideas in Russian Art // B. Eklof, St. Frank (eds.). The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation culture and Society. London et al.: Unwin Hyman, 1990. P. 169, 173, 182-185.

⁸² Engel B. A. Russian Peasant View of City Life: 1861-1914 // Slavic Review. 1993. Vol. 52, No. 3.

⁸³ Burds J. P. Peasant Dreams and market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861-1905. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1998.

деревенская Россия конца «старого режима» была обществом постоянных изменений, в котором традиционные отношения и традиционные модели поведения были уже значительно трансформированы. В процессе разрешения методологических затруднений нашей работы по анализу «крестьянского» и «советского» в рассказах крестьян северных регионов России о себе нам очень помог опыт Дж. Бердса.

Историк Г. Попкинс в статье «Закон против обычая? Нормы и тактика апелляций в крестьянском волостном суде, 1889-1917» также обратился к вопросу сочетания традиций и новшеств. Он рассмотрел конкретные случаи из судебной практики волостных судов, уездных съездов земских начальников и губернских присутствий, главными действующими лицами которых являлись крестьяне⁸⁴. На основе этих примеров автор мог судить о том, как судебные учреждения и, главное, тяжущиеся стороны сочетали на практике закон и традицию. Попкинс приводит случаи, когда правосудие в деревне основывалось на гражданских законах, но тем не менее он делает вывод о «триумфе» традиционных местных обычаев в повседневной практике волостных судов и даже судов более высокого уровня⁸⁵. Его работа открывает возможность использования самоописаний крестьян, полученных в результате судебных разбирательств. Мы в данном дипломе не привлекаем такой материал, сосредоточившись на интервью крестьян, взятых у них в естественной обстановке домохозяйства, но отмечаем перспективность такого исследования.

Западные исследователи также обратились к изучению процессов моделирования образа крестьянина в глазах разных сословий, в том числе и в собственно крестьянских, что особенно интересно. К. Фрайерсон показала, что на рубеже XIX-XX веков существовало несколько имиджей, «моделей»

⁸⁴ Popkins G. Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917 // The Russian Review. No. 59. July 2000.

⁸⁵ Popkins G. Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917 // The Russian Review. No. 59. July 2000. P. 414.

крестьянина. Самыми яркими из них были: 1) рациональный человек земли (Rational Man of Land), преданный земле и посвятивший себя труду; 2) крестьянин-общинник (Communal Peasant), уважавший традиции, имевший социальную и моральную связи с общиной и воспринимавший жизнь с точки зрения коллективного; 3) серый мужик (Gray Peasant), пассивный или неукротимый, лишенный положительного потенциала, олицетворявший кризис самоопределения в развивающемся мире; 4) кулак (Village Strong Man), умный, властный и сильный манипулятор, как правило, пользовавшийся слабостью других общинников⁸⁶. К. Фрайерсон считает, что крестьянская культура имела свою историю, логику, цели и средства самосохранения, ее долгое и сложное развитие предопределило разнообразие крестьянских образов. Автор предупреждает, что за словом «крестьянин» скрывается множество непохожих людей и что сама крестьянская культура отдает себе в этом отчет. Однако ее модель построена, скорее, на реконструкции образов крестьянина, имевшихся у других сословий в России, и влиянии этих образов на крестьянскую культуру и самосознание крестьянства.

В новой культурной истории распространен локальный метод исследования. Его сторонники склоняются к мнению о том, что делать общие выводы о крестьянстве России чрезвычайно сложно, так как различия в экономических, географических и исторических факторах развития разных регионов, провинций, уездов и даже волостей приводят к большой вариативности одного и того же явления.⁸⁷ Э.Кингстон-Манн назвала локальный метод методом «региональных различий», «тесного описания» (по

⁸⁶ Frierson C. A. *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 100, 101, 114, 115, 138, 158.

⁸⁷ См. Статью Е.А. Вишленковой о длительном отсутствии единого образа российского крестьянина и сложностях его формирования в XVIII-XIX вв. (Вишленкова Е.А. Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Человек, 2-3, 2008).

К. Гирцу), который позволяет получить глубокие знания не только о частном, но и о целом⁸⁸.

В 90-е гг. появились исследования по истории крестьянок, что объясняется взаимодействием новой культурной истории и гендерной историографии. Б.Энгел, Л.Энгелштайн, К.Воробек, Д.Пэллот, обратившись к проблемам культуры российского крестьянства, уделили значительное внимание изучению «женского» образа жизни и восприятия мира.⁸⁹ В России также стали проводиться исследования по социальной истории пола в крестьянской истории и культуре⁹⁰.

Историко-культурные исследования крестьянского мира проводятся и с точки зрения исторической психологии. Социально-психологическая сторона крестьянской культуры изучается, например, И.С.Кузнецовым на основе крестьянских писем в газеты. Через материал писем он рассматривает взгляды крестьян на имущественные различия в 1920-е годы.⁹¹ Социальную психологию крестьянства Уральского региона 1920-х годов рассматривает А. Л. Воробьева⁹². Ее интересует прежде всего проявление традиций и новаций в образе жизни и мировоззрении крестьянства Уральской области под воздействием государственной политики в 1920-х гг. Особое внимание в ее работе уделено специфике межличностных отношений. Автор использует метод контент-анализа, применяя его в анализе записей судебных процессов и крестьянской переписки.

⁸⁸ Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P.15.

⁸⁹ Engel B.A. *Peasant Morality and Pre-Marital Relations in Late Nineteenth Century Russia* // *Journal of Social History*. 1990. Vol. 23, No. 4; Engel B.A. *Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Worobec Ch. D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991; Worobec Ch. D. *Victims or Actors? Russian Peasant Women and Patriarchy* // Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991;

⁹⁰ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. Брак, семья, быт. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.

⁹¹ Кузнецов И. С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 55–62.; Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. Дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1992

⁹² Воробьева А.Л. Мировоззрение и образ жизни крестьян в 1920-х гг. (на материалах Урала) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2007.

Исследователи, работающие в русле новой культурной истории, перечисленные нами, рассматривают культуру как систему, с помощью которой человек осмысливает собственное существование и мир вокруг себя. В универсальное понятие культуры включаются политические, социальные, экономические, идеологические и прочие элементы. Историки этого направления стремятся познать индивидуальные и коллективные представления и символы; интересы, потребности, идеалы и ценности отдельного человека и сознание целого сообщества; практику повседневных отношений, быт, поведение людей. Новая культурная история изучает культуру общества «снизу», не противопоставляя элитарную и народную культуры. Сторонники новой культурной истории заявляют о самобытности народной культуры, в отличие от традиционной культурной истории, которая рассматривала ее лишь как изменение, приспособление простыми людьми достижений культурной жизни высшего общества. Сторонники новой культурной истории широко используют в своих работах источники личного происхождения, дающие информацию о сознании и мышлении человека: письма, записки, воспоминания, дневники. Часто привлекаются сочинения публицистического и литературного характера, несущие в себе скрытую информацию об авторе. При характеристике группы людей опираются и на массовые источники.

Таким образом, мы видим, что **источникам личного происхождения** в последнее тридцатилетие уделяется особенно большое внимание самыми разными направлениями в историографии.⁹³ Крестьянскую культуру на основе источников личного происхождения рассматривают Н.Л. Рогалина, В.Е. Щетнев, И.С. Кузнецов, А.И. Верховская, Л.Б.Хвостова, В.М.Селунская, Т.П.Миронова, Д.Х. Ибрагимова, Т.К.Щеглова и др. авторы.⁹⁴ В советской

⁹³ См.: Безрогов В.Г. Автобиография и история: некоторые комментарии историка к автобиографическим исследованиям // Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000. С.133-180.

⁹⁴ Динамика психологии и общественных настроений крестьянства в 20-е гг. / Рогалина Н.Л., Щетнев В.Е. // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. Симпозиум по изучению проблем аграрной истории: тез. докл. и сообщений. – М., 1980; Кузнецов, И.А. Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х гг.: дис.

историографии, где исследования крестьянства строились большей частью на основании официальных документов, государственных указов и т.п., внимание к источникам личного происхождения, а тем более к текстам, написанным «обычными» людьми, считалось, однако, второстепенным и необходимым лишь для иллюстративного подтверждения фактов, не имевших достаточных доказательств помимо воспоминаний. Автобиографии относились к публицистическому жанру, личные воспоминания «обычных» людей не рассматривались как ценность. Глубокий интерес к источникам личного происхождения появляется только в постсоветское время. Начинают издаваться крестьянские документы личного происхождения – письма, дневники, воспоминания, устные нарративы, собранные в экспедициях и/или найденные в архивах. В качестве примера последних можно привести серию «Документы советской истории», в которой изданы такие сборники как «Письма во власть» (письма, заявления, прошения, доносы и другие формы апелляции во власть)⁹⁵, «Голос народа» (письма в «Крестьянскую газету»)⁹⁶. Архив писем в «Крестьянскую газету» используется сейчас многими исследователями.⁹⁷ Об экспедиционной методике получения материалов личного происхождения мы расскажем немного ниже.⁹⁸

... канд. ист. наук: 07.00.02. / И.А. Кузнецов. - М., 1996; Верховская, А.И. Письмо в редакцию и читатель. / А.И. Верховская. - М., 1972; Хвостова, Л.Б. Советская кооперация и общественное сознание крестьянства во второй половине 20-х гг. / Л.Б. Хвостова // Вестник МГУ. - Сер.8. - История. - 1982; Опыт применения контент-анализа для изучения общественного сознания доколхозного крестьянства / Селунская, В.М., Миронова, Т.П. // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедческих и специальных исторических дисциплин. - Киев, 1990; Ибрагимова, Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. / Д.Х. Ибрагимова. - М., 1997; Щеглова Т.К. Методологическое значение устной истории для изучения социопсихологического портрета крестьянства: крестьянское общество и власть (по устным источникам 80-90гг.) // <http://www.ialtai.ru/ustnaya-istoriya-v-nauchnoj-i-uchebnoj-rabote/>; Она же. Алтайская деревня в 1950е – 1970е годы: устная история безгласного большинства // История Алтайского края XVIII-XX вв. Барнаул, 2004. С.387-416.

⁹⁵ Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

⁹⁶ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 - 1932 гг. / Ин-т рос. истории и др.; Отв. ред. А.К. Соколов; Сост.: С.В. Журавлев и др. - М.: РОССПЭН, 1997.

⁹⁷ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001; Кузнецов, И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. Дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1992; Воробьева А.Л. Мировоззрение и образ жизни крестьян в 1920-х гг. (на материалах Урала) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2007 и др.

⁹⁸ В качестве интересного примера подобного рода работы можно привести подготовку и публикацию полевых материалов опросов староверов горной Шории и Алтая (Бойко И., Литвина. Н. Чулеш и Килинск,

В конце 1980-х – 1990-х годах формируется устойчивый интерес историков крестьянской культуры к направлению **устной истории** и получаемым с ее помощью источникам. В российской традиции оно по-новому ставит вопрос о соотношении официальной и неофициальной истории, соотношении памяти культуры и истории. Крестьянские воспоминания получают легитимный статус в культурологических исследованиях, сначала как источник «правдивой» информации, потом – и как отражение культуры аграрного мира XX века, существующего рядом с мегаполисами, но сохраняющего важные особенности.⁹⁹

Интерес к исторической **памяти**, отраженный в устных рассказах актуализирован в контексте «поиска идентичности России». На первый план вышли такие понятия, как «исторический опыт», а также «историческая память». По мере развертывания дебатов вокруг «правды о прошлом» произошла конкретизация понятия «историческая память». На первый план вышла проблема, обозначенная как «правда истории и правда исторической памяти». Диалог с прошлым приобрел характер поиска социальных ценностей и идентичности. «Историческая память» понимается как «поиск смысла повседневного и исторического существования», «места в непрерывной череде поколений», как «ощущение и понимание настоящего». Наступление времени «неопасной памяти» характеризуется собиранием и публикацией крестьянских воспоминаний различных «проблемных регионов» бывшего СССР. Одним из такого рода проектов стали жизнеописание эстоноземельцев, то есть жителей эстонских сел. Автор введения к сборнику этих рассказов Р. Хинрикус считает: эти тексты

XXI век. Межкультурная коммуникация староверов-беспоповцев, челканцев и шорцев. Полевые материалы 2001-2005 гг. М., 2005).

⁹⁹ См.: Проблемы устной истории в СССР : (тез. науч. конф.), 28-29 нояб. 1989 г. в г. Кирове. Отв. ред. В.А. Бердинских. - Киров, 1990; Тонкин Э. Социальная конструкция устной истории // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России : материалы из цикла семинаров "Поддержка регион. инноваций в прогр. и методах преподавания истории". - М., 1999. - С. 159-184; Устная история в Карелии : сборник научных статей и источниковую Сост.: И.О. Такала и др. ; науч. ред.: А.В. Голубев, А.Ю. Осипов. - Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006-2007. - Вып. 1-3; Устная история (Oral History): теория и практика : материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25-26 сент. 2006 г.) / [сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова]. - Барнаул : Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история.- Барнаул, 2008.

показывают, что «жизнеописание - это частица истории». «Общая история складывается из персональных биографий, или по-другому: без отдельных биографических описаний не бывает истории всеобщей».¹⁰⁰ Данное собрание воспоминаний эстоземельцев на новом этапе продолжило попытки собирать рассказы обыкновенных людей, предпринимавшиеся в Европе уже в конце XIX века и особенно широко после первой мировой войны, но не получившие в то время такого важного статуса.¹⁰¹

На грани между устной историей и нарратологией крестьянской словесности стоят исследования «наивного письма» - письменных источников личного происхождения, оставленных «обычными» людьми, для которых написание текста не являлось повседневной профессиональной практикой. Методология изучения наивного письма разработана в классической публикации сочинения «Я так хочу назвать кино», выполненной, правда, жительницей городской.¹⁰² После публикаций Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской «наивное письмо» выделили и среди крестьянских текстов. Например, А.П. Минаева изучает мемуары В.М. Малькова¹⁰³ «Раскулачивание: как это было».¹⁰⁴ С помощью контент-анализа исследовательница реконструирует отношение автора воспоминаний к раскулачиванию, способы объяснения крестьянином его причин, описания механизма проведения, особенности самоанализа последствий раскулачивания. Вину за раскулачивание крестьянин Мальков накладывает не только на советскую власть, но и на соседей. Очевидно, отмечает Минаева, «сказалось также и представление В.М. Малькова о крестьянской

¹⁰⁰ Рассказы о своей жизни. Жизнеописания эстоземельцев. Сост. Р. Хинрикус и В. Паклар. Таллинн, 2005. С. 7. Написанные и изданные на русском языке они стали своеобразным мостом в русско-эстонских исследованиях крестьянских биографий данного региона.

¹⁰¹ Mutschler, S. *Ländliche Kindheit in Lebenserinnerungen. Familien- und Kinderleben in einem württembergischen Arbeiterbauerndorf an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert.* Tübingen, 1985.

¹⁰² Козлова Н.Н. Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. - М.: Гнозис: Рус. феноменол. о-во, 1996. - 255 с.

¹⁰³ Минаева А.П. «Наивные» мемуары М.В. Малькова: опыт контент-анализа // <http://www.ruthenia.ru/folklore/minaeva1.htm>

¹⁰⁴ Мальков В.М. *Раскулачивание: как это было. Опыт прожитого и пережитого с 1920 года по 1939 год.* Екатеринбург, 1996.

общине как содружестве, сообществе тесно связанных друг с другом людей, которые волей-неволей должны держаться друг за друга и помогать друг другу, чтобы община могла выжить. Эта чисто крестьянская картина мира к моменту написания мемуаров уже подверглась сильнейшей коррозии: опыт раскулачивания убедил автора, что от единства общины перед лицом внешних враждебных сил давно ничего не осталось. Однако принцип такого единства, усвоенный им с детства, продолжал жить в его сознании как норма, как образец, и потому предательство соседей было для него особенно чувствительным; в детстве, возможно, оно переживалось как потрясение».¹⁰⁵ Исследователь анализирует восприятие крестьянином советской власти. Действия власти не оцениваются ни с точки зрения политической или социальной целесообразности, ни с точки зрения юридического права. Претензии к ней исключительно морального свойства. Исследователь также отмечает особенность восприятия автором советской власти, государства как стихии, вроде неурожая или падежа скота. Воспроизводя в тексте крестьянское представление о событиях 1930-х годов, Мальков пишет клишированным языком газет, с цитированием и повторением одних и тех же оборотов, как правило, заимствованных из перестроечной публицистики.

И.С. Веселова анализирует «Дневник бабушки Марфы» - воспоминания о своей жизни 66-летней жительницы с. Ярополец Волоколамского уезда, некоторое время жившей и в городе.¹⁰⁶ Рукопись датируется примерно 1910-1915 годами. Исследователь, изучая повествовательную структуру текста, показывает, какие события жизни становятся значимыми в репрезентации жизненного опыта своим детям представителя крестьянской культуры (И.С. Веселова делает вывод, что текст, скорее всего, был адресован сыну автора текста). Рукопись состоит из двух частей: одна часть - описание паломнической поездки в Иерусалим,

¹⁰⁵ Минаева А.П. «Наивные» мемуары М.В. Малькова: опыт контент-анализа // «Наивная литература»: исследования и тексты. Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: МОНФ, 2001. С.29-42; <http://www.ruthenia.ru/folklore/minaeva1.htm>.

¹⁰⁶ Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности // Там же. С.43-85; <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm>.

вторая - воспоминания о своей жизни. Во второй, жизнеописательной части жизнь бабушки Марфы становится достойной описания начиная с узнавания ею «горя». События жизни в биографической части становятся значимыми для текста не с привычных для светских биографий периодов жизни, а с момента смерти мужа, пожара и обстоятельств, принудивших к работе горничной в доме терпимости. Предшествующие события никак не обозначены, поскольку, как пишет исследователь, не являются «интересными» событиями и укладываются в нормальное течение жизни. И.С. Веселова отмечает, что жизненный опыт автора воспоминаний предьявляется с разными целями: пожаловаться, покаяться, оправдаться, поделиться знанием (любопытным, поучительным).

Многие особенности «наивного письма» прослеживаются и в устных текстах, так как они во многом схожи, в частности, особенностями построения текста. Подобные тексты, как и спонтанная устная речь, держатся на ассоциативных связях эпизодов вне хронологической последовательности: рассказывалось как вспоминалось. Рассказчики переходят от описания автобиографических фактов к пространным описаниям внешних событий в третьем лице. Это также прослеживаются в устных крестьянских нарративах, особенности которых мы подробнее рассмотрим в следующих главах. Но стоит учитывать и отличные от устного интервью черты «наивного письма»: создание текста мотивировано самим автором, текст адресован определенному читателю – обычно представителю своей культуры.

И.С. Веселова анализирует также круг чтения автора рукописи, сам автор на момент написания текста включает в него Евангелие и духовные книги. Исследователь предполагает, что литературный фон мог включать и светские книги. Как и живая устная речь, текст «Дневника бабушки Марфы» использует разные жанровые регистры, в том числе устойчивые литературные формулы (если использовать применительно к культуре начала XX века понятие Дж. Кавелти). «Образец для моделирования подобных

«новелл» – это жестокий романс с его сюжетикой (измена, самоубийство), персонажами (изменщик, жертва, старший советчик) и драматургией прений между ними, читай - между традицией и «новейшим временем». Проживая на границе традиционной крестьянской и городской жизни, бабушка Марфа не разводит события жизни и текста, а принимает поэтику романса для своего жизнеописания», - делает вывод И.С.Веселова.¹⁰⁷

К проблеме присутствия в биографическом нарративе связи «традиционного» и «модерного» обращается Н.Н. Козлова. Ее интересует связь советского и крестьянского, поскольку, с ее точки зрения, советский человек – прежде всего бывший крестьянин.¹⁰⁸ Н.Н. Козлова с помощью документов личного происхождения исследовала взаимодействие идеологии с массовым обыденным сознанием, соотнесла исторический опыт советской модернизации с опытом частных, индивидуальных человеческих судеб.¹⁰⁹ Опираясь на эго-документы, она показала, как поколение бывших крестьян участвовало в формировании советской системы («изобретало советское общество»). Н.Н. Козлова также рассмотрела отдельную биографию в контексте процессов советской модернизации на основе дневника «крестьянского сына», выбившегося в «советские люди».¹¹⁰ Этот материал помог исследователю воспроизвести карту повседневности советской эпохи, ее правила игры, культурную и когнитивную карту советского человека, его биографии и ее (само)рефлексии. Н.Н. Козлова рассматривает постоянное возвращение автора дневника, переселившегося в город, к своему прошлому крестьянскому опыту. Как отмечает Н.Н. Козлова, «то, как он описывает мир своего детства, как бы еще раз подтверждает сказанное специалистами: в 20-е годы в России восстановились общинные порядки. Господствовало натуральное хозяйство, а община фактически была выключена из товарной

¹⁰⁷ Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности // <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm>

¹⁰⁸ Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. с.153-157.

¹⁰⁹ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советского человека. Голоса из хора. М., 1996

¹¹⁰ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт анализа биографии // Социологические исследования, 1994, № 6. С. 112-123

связи»¹¹¹. На примере одной судьбы рассматриваются процессы, происходящие во всем обществе. «Новая индустриальная цивилизация надвигалась на деревню через постоянные экспроприации и через внешнее привнесение технических средств. Записки Владимира Ильича — еще одно свидетельство того, как общинные формы жизни сочетались с современной техникой, как традиционное сознание встретилось с новыми средствами коммуникации — радио и кино»¹¹². На основе биографии можно проследить, как у крестьян возникала мотивировка уйти из деревни. «Малейший элемент новизны оказывал на деревенских жителей огромное впечатление, порождая мечты и грезы — чаще всего об уходе. Мысли эти чаще посещали молодые головы, которые схватывали любую новинку».¹¹³ Взятые нами воспоминания у жителей Вологодских сел показывают вторую сторону этого же процесса, дают взгляд на то же время со стороны тех, кто не ушел, кто по тем или иным причинам остался жить в деревне. Сохранение крестьянского в условиях трагизма желательности и невозможности ухода-отказа от крестьянской культуры станет своего рода осевым нервом полученных в 2000-х годах воспоминаний о довоенном, военном и послевоенном времени.

Если история адаптации крестьянского сознания к некрестьянскому миру города на основе биографических нарративов (дневников и устных рассказов) рассматривает «трансформации крестьянского мировосприятия под воздействием идеологии, адаптации крестьян к новому жизненному укладу, тому, в каких случаях и в каком виде идеологические формулы проникали в их мировосприятие и, по свидетельствам крестьян, в значительной степени сохраняются до сих пор, характеризуя традиционную компоненту социально-культурных изменений сегодняшнего дня»¹¹⁴, то особенно интересным данный процесс выглядит в условиях «естественного проживания» крестьян в контексте сельской местности. И.Н.Райкова изучает воспоминания крестьян о детстве, собранные в районах, где сохранилась

¹¹¹ Там же. С. 115.

¹¹² Там же. С. 116.

¹¹³ Там же. С. 116.

¹¹⁴ Цветаева Н. Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал, 1999. № 1/2.

культурная преемственность, где живы те, кто вырос в данной территории в условиях доминанты сельской, деревенской культуры довоенного времени (в частности, Муромский край). Главную ценность данных текстов автор видит в том, что в них отражается эмоциональная оценка, а также виден контекст бытования того или иного фольклорного текста. На основе воспоминаний взрослых делается вывод, что дети в крестьянской культуре были с раннего детства вовлечены в общий мир с доминированием взрослых, но имеющий и субкультуру детей. Как пишет И.Н. Райкова, «в воспоминаниях объединяются и описания детских забав, форм досуга, и этнографические сведения, и мифологические представления взрослых, преломленные детским восприятием».¹¹⁵ Она выделяет по воспоминаниям, что действительно производило впечатление на детей, что больше ценилось, каково было их отношение к различным событиям.

Для изучения саморепрезентации крестьянской культуры может быть применена так называемая **методология двойной рефлексивности**, разработанная Т.Шаниным и его группой «крестьяноведов». Как утверждают авторы сборника «Рефлексивное крестьяноведение», «основным элементом человеческой жизни и ее особенностью являются вопросы смысла и выбора при определении действий субъекта, поэтому для исследователей сферы человеческой деятельности так важна именно расшифровка субъективного в объекте».¹¹⁶ Важны не только факты тех или иных действий, но также контекст действия и его личностное значение. Особенно существенно, что данный подход учитывает понимание самим крестьянином своих действий, способы их осмысливания и означивания личностью крестьянина. Т.Шанин разграничивает «внимание к фактам» и «внимание к намерениям и смыслам, понятийному контексту и его динамике». Наиболее полно смыслы и понятийный контекст поведения в крестьянской культуре отражают

¹¹⁵ Райкова И. Н. Воспоминания о детстве в контексте традиционной культуры (по полевым материалам Муромского края). // Традиционная культура, 2006, № 3. С. 75.

¹¹⁶ Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований современной России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2002. С. 9

источники личного происхождения. Как пишет Т.Шанин, биографические рассказы «несут в себе содержательное описание взглядов и культурных значений, смыслов, циркулирующих внутри социальных сетей и групп, в которые включены индивиды в своих повседневных контактах».¹¹⁷ Однако на настоящий момент методология двойной рефлексивности применена лишь к реконструкции внешних обстоятельств жизнедеятельности носителей крестьянской культуры, их социально-экономического поведения.

1.3. Методологические проблемы изучения крестьянских биографических нарративов

Методология двойной рефлексивности учитывает не только саморефлексию крестьянина, но также и рефлексивную «субъективность» исследователя. Выработанная методология предполагает введение в целостную картину исследования трех срезов или взглядов на действительность: «1) наблюдение, 2) взаимодействие наблюдателей с объектом наблюдения и их взаимовлияние, 3) учет наблюдателем самоанализа и смысла, придаваемого своему выбору объектом наблюдения»¹¹⁸. Таким образом, при изучении крестьянства сторонники методологии двойной рефлексивности стремятся увидеть факты с точки зрения участников событий и с точки зрения «сторонних наблюдателей».

В качестве основного метода сбора материалов рефлексивным крестьяноведением был выбран **метод семейных историй**. В социологии метод семейных историй был впервые применен У.Томасом и Ф.Знанецким¹¹⁹, которые собирали рассказы о жизни семей польских эмигрантов, переехавших в США в начале века.¹²⁰ Методология сбора

¹¹⁷ Там же. С. 10.

¹¹⁸ Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований современной России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2002. С. 11.

¹¹⁹ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europa and America. Boston, 1918-1920.

¹²⁰ См. также: Lewis O. The Culture of Poverly // O.Lewis. Anthropological Essays. New York, 1970. P. 21-34.

семейных историй описана в статьях В.Г. Виноградского¹²¹. В соответствии с этой методикой один из старших членов семьи рассказывает исследователю историю своей жизни и своей семьи. Первым методическим требованием для отбора семей была продолжительность исторической памяти на максимально большом отрезке времени. Предпочтение, согласно авторам данной методики, отдавалось семьям с наиболее ясной и глубокой исторической памятью, впитавшей в себя воспоминания уже ушедших поколений. Глубину исторической памяти они измеряли годом рождения основного информанта. В качестве рассказчиков отбирали тех крестьян, год рождения которых был не позже 1913-1914 гг. При реконструкции истории отдельной семьи на основе рассказа и интервью исследователи затрагивали личные, семейные моменты и также выходили на важные и повседневные события на уровне села, колхоза или совхоза. Центром исследовательского внимания в рефлексивном крестьяноведении выступает все же не индивидуальная биография респондента, но воспоминания о групповой жизни: семейной, деревенской, колхозной. Исследователи пытались проследить межпоколенные связи семьи, вследствие чего вопросы касались не только респондентов и их детей, но и жизни предков. При разговоре с информантами их просили в «устные рассказы представителей различных социальных групп, рассказы по возможности полные», включать «не только личные воспоминания от самого детства до сегодняшнего дня, но и то, что было услышано от старших родственников, друзей, соседей».¹²² Результатом такой работы являлся своего рода слепок с коллективной памяти, сотворенный с помощью одного члена целой группы.

Основной способ сбора информации по истории крестьянской семьи – это развернутое, многочасовое или даже многодневное интервьюирование респондента. Сбор материалов по истории семейств происходит в этом случае путем неформальных бесед. Такой способ получения первичной информации погружает исследователя как в «биографию» крестьянской

¹²¹ Виноградский В.Г. Крестьянские семейные хроники // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 130-144.

¹²² Виноградский В.Г. Крестьянские семейные хроники // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 132.

семьи, так и в ее историческую «судьбу». В.Г.Виноградский различает эти два понятия. Событийную канву («биографию») семейного хозяйства можно воспроизвести и зафиксировать в ходе довольно непродолжительного, однократного контакта с респондентом. Но для того чтобы добиться сперва реконструирования, а затем и понимания «судьбы двора», требуется время и, что самое важное, – не опрос, а живая, взаимointересная беседа, диалог исследователя и респондента.

В.Г. Виноградский отмечает важность проведения опроса в форме беседы и важность налаживания неформальных контактов: «Не следует добиваться от крестьян мгновенных обобщений. Их представления о мире предметны, рассыпаны в подробностях, прикреплены к конкретным жизненным ситуациям. Оценки и обобщения существуют, главным образом, в растворе повседневного опыта, вырастают и формулируются снизу, а не накладываются на жизнь».¹²³ А.В. Виноградов и А.Л. Плейджер также отмечают важность установления доверительных отношений с рассказчиком.¹²⁴

Если анкеты или вопросники невольно навязывают респонденту тот ответ, который запрограммировал составитель анкеты, то с помощью метода семейных историй исследователи стремятся уменьшить влияние собирателя на получаемые тексты. Как отмечают авторы сборника «Голоса крестьян...», «метод семейных историй позволяет уменьшить негативное влияние «эффекта интервьюера», поскольку события, излагаемые в крестьянских автобиографиях, описываются самими респондентами».¹²⁵

Положительные и отрицательные стороны метода семейных историй рассматривает Е.М. Ковалев¹²⁶. Как он пишет, «вероятно, самое главное достоинство интенсивного биографического изучения отдельных семей –

¹²³ Там же. С. 142

¹²⁴ Виноградов А.В., Плейджер А.Л. Нарративные источники в исследовании менталитетов // Современные проблемы российской ментальности/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции/ Отв. ред. В.Е. Семенов. СПб., Издательство «Астерион», 2005. С. 23.

¹²⁵ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 4.

¹²⁶ Ковалев Е.М. Истории крестьянских семей: методика и первые результаты // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 285-290.

возможность «снизу» понять то, что для отдельных людей означают социальные институты, с которыми они соприкасаются в своей повседневной жизни, и как, исходя из этого знания, они строят свое поведение».¹²⁷ Исследование семейных биографий, пишет Ковалев, «позволяет также перебросить мост между двумя концептуальными полюсами исторической социологии: культурой и человеческой индивидуальностью. Изучая сельские устные рассказы, мы получаем возможность одновременно увидеть и крестьянскую культуру, и личность, а также то, как они взаимодействуют в реальной жизни».¹²⁸ Метод семейных историй, с его точки зрения, обладая рядом преимуществ для решения проблемы реконструкции социальных структур прошлого, которой занимается историческая социология, в то же время для реконструкции образов детства и восприятия их крестьянской культурой может быть недостаточен, поскольку, с точки зрения «биографии» и «судьбы» детство не представляет равнозначный общему нарративу о смене поколений фокус рассмотрения.

Как пишет О.П. Фадеева¹²⁹, вопросы, по которым выстраивались семейные истории, обычно объединялись в следующие блоки: история кровного родства; история семьи и села до и в момент коллективизации; история достатка семьи; история знаний, умений и навыков; история соседства; история связей. На основе семейных историй исследователи описывают, например, социальный портрет сельского руководителя.¹³⁰ В центре внимания В.Г. Виноградского находится крестьянское хозяйство (двор).¹³¹ Он на основе крестьянских семейных историй анализирует историческую динамику единоличного и колхозного двора как хозяйственной, бытовой и социально-психологической единицы. На основе семейных историй также проводятся комплексные исследования отдельного

¹²⁷ Там же. С. 286.

¹²⁸ Там же. С. 288.

¹²⁹ Фадеева О.П. Историко-социологические исследования сельской жизни в России (1990-1995 и 1995-1996) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С.301-315 С.306.

¹³⁰ Там же. С. 306.

¹³¹ Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России, 1996, №3, С. 3-76.

села. Г.А.Ястребинская на материалах рассказов крестьян северной деревни изучила сохранность в памяти представлений об основных сельских институциях и динамике их изменений.¹³²

А.В. Виноградов и А.Л. Плейжер, которые также строят свои исследования на основе устных семейных историй, отмечают, что субъективизм устных меморатов сам по себе интересен при историко-социологическом подходе: «он показывает не столько истинную историческую картину, сколько картину массовых настроений в обществе или в отдельных группах».¹³³ Ставя во главу угла не отдельную личность, данный подход разрабатывает инструментарий по преодолению «искажений», которые вносит в свои воспоминания каждый рассказчик, чем в некоторой степени продолжает негативное отношение к эго-документам, принципиально преодоленное биографическим подходом в социологии и исторической антропологии.¹³⁴

И.А. Разумова также использует метод семейных историй, но в отличие от шанинской школы, уделяющей преимущественное внимание на систему «двор-деревня-регион», обращается к проблеме семейно-группового самосознания и анализу репрезентаций форм внутрисемейного взаимодействия (система «двор-семья»)¹³⁵ Она рассматривает тексты, бытующие в семейном коммуникативном пространстве или демонстрирующие семью внешнему окружению. Это тексты, факторами формирования и воспроизведения которых служат концептуализация представлений о родстве и семейных связях, осмысление конкретного семейного опыта, формы внутригруппового взаимодействия и специфических внутрисемейных связей.

¹³² Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян 1992-2002. М., 2005.

¹³³ Виноградов А.В., Плейжер А.Л. Нарративные источники в исследовании менталитетов // Современные проблемы российской ментальности/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции/ Отв. ред. В.Е. Семенов. СПб., Издательство «Астерион», 2005. С. 25.

¹³⁴ Безрогов В.Г. Кошелева О.Е. Мещеркина Е.Ю. Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: Изд-во УРАО, 2001.

¹³⁵ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001.

Автор привлекает все известные типы текстов, в которых мемориализуются, обсуждаются и репрезентируются обстоятельства истории семьи и «судьбы рода». И.А. Разумова использует как устные источники, собранные в процессе интервью, бесед, так и письменные: семейные мемуары, дневники, письма, родословные книги, школьные сочинения. Широко использовалась форма самозаписи информантов, которая представляет письменные тексты нескольких жанровых разновидностей. Автор затрагивает проблему жанровой характеристики рассматриваемых текстов. Вынося в название главы понятие «семейный исторический нарратив», автор отмечает, что в науке не установлен точный термин для этого вида текстов. В филологии подобные тексты относятся к сказочной прозе. В европейской и американской фольклористике приняты жанровые наименования: «семейные истории» (Familiengeschichten), «биографический рассказ», «семейный биографический рассказ». Часто употребляется широкое понятие «устный рассказ». Распространен также термин «меморат». Разумова уточняет его значение: «рассказ-воспоминание с тенденцией к фольклоризации». Термин «хроникат», по ее мнению, применим к письменно зафиксированным текстам семейных воспоминаний и к устным нарративам, построенным большей частью с ориентацией на вопросы собирателя. Метасюжет хрониката – биография, а мемората – событие или группа событий, в которые было вовлечено рассказывающее лицо.¹³⁶

Согласно И.А.Разумовой, семейные рассказы помогают выявить представления современного человека о родстве, предках, «судьбе рода», условиях создания и распада семьи, отношении к реликвиям в доме, и восприятие сновидений и т.п. Автор особо рассматривает присутствие сказочных мотивов в семейных меморатах. Например, среди рассказов, демонстрирующих необыкновенное мастерство родственников, встречаются модификации сюжета «чудесного спасения». Также в рассказах содержатся бродячие сюжеты «выполнения трудной задачи», прослеживается

¹³⁶ Там же. С. 184

представление о «магическом даре», распространен сюжет «мастерство избавляет от беды».¹³⁷

И.А.Разумова анализирует устойчивые идеи-лейтмотивы биографических рассказов. Мужские биографии часто представляют жизненный путь как ряд ступеней к достижению устойчивого положения. Часты такие сюжеты, как дед (прадед и пр.) «добился в своей жизни того, чего не дано каждому», «сам себя выучил», родственники «всего добивались в своей жизни сами, своим трудом и умом». В женских биографиях преобладают другие идеи. Жизнь бабушек и матерей – «трудная и жестокая», «как и у всего поколения, была сложная», «пример тяжелой судьбы и верности». Здесь преобладают такие «внутренние сюжеты» (формулы): «женщины нашего рода не ломались под ударами судьбы», «были по-своему счастливы», «никогда не жаловались», «выжили благодаря труду».¹³⁸ Правда, стоит учитывать, что такие формулы вычленены И.А. Разумовой применительно не только к крестьянским биографическим рассказам.

Данный исследователь анализирует также представление о соотношении личной судьбы человека и судеб родственников, восприятие ими семейных совпадений (то есть совпадений судеб родственников) и какие из этих совпадений признаются наиболее значимыми. «Повторяться могут любые события и обстоятельства, но в основном, они группируются вокруг узловых моментов индивидуального жизненного цикла, которые формируют структуру жизненного ритма семьи. Событийно это рождение/смерть, брак/развод (потеря супруга) в соотнесенности со сроками жизни, возрастом членов семьи, возрастными интервалами («семейным временем»), с одной стороны, и с внешними обстоятельствами: календарным временем, дополнительными условиями, - с другой. «Семейная судьба», - пишет И.А.Разумова, - «выражает не «единство», а «одинаковость» персональных судеб, их ритмичную согласованность в пределах родственной сферы».¹³⁹

¹³⁷ Там же. С. 238

¹³⁸ Там же. С. 239

¹³⁹ Там же. С. 44

Характерная для крестьянского биографического нарратива тема семейной судьбы и общего «босоногого детства» как ее истока будет рассмотрена с использованием методологии И.А. Разумовой на нашем собственном материале во второй главе.

В целом, структурирование рассказчиком биографии определяется соотношением трех уровней: этапов персонального жизненного цикла, фаз семейного цикла и периодов отечественной истории.¹⁴⁰ И.А.Разумова анализирует также, как актуализируются исторические события в семейных меморатах. Отечественная «макроистория» во многом предстает в качестве системы координат, шкалы измерения семейного времени, «боя часов» в истории семьи. Можно предположить, что соотношение с ним «микровремени» в крестьянских и городских семьях различно: отстранение от него и попытка следовать традиционным направлениям в аграрном мире и определяющее повседневность подстраивание под «кукушку» в урбанистической среде.

И.А.Разумова разделяет семейные нарративы на репрезентирующие тексты, предназначенные «внешнему» адресату, и тексты «для внутреннего употребления». Систематизируя источники по следующим признакам: устные/письменные, воспроизведенные в естественной ситуации/инспирированные интервьюером, предназначенные для внутрисемейной сферы/адресованные внешнему наблюдателю, ученый стремится выявить различия между характером репрезентации семьи «для себя» и «для других», для людей чуждой респонденту культуры.¹⁴¹

На наш взгляд, сложно однозначно утверждать, в каких источниках больше проявляется стремление соответствовать общепринятому дискурсу – в письменных или в устных. Необходима дополнительная дифференция в тех и в других. Дневники, родословные книги, личные письма и др. представляют собой тексты, бытующие внутри культуры, в то время как, например, письма в газету, мемуары и автобиографии, предназначенные для

¹⁴⁰ Там же. С. 239

¹⁴¹ Там же. С. 186

публикации, являются текстами для репрезентации «вовне». Также можно разделить и устные тексты. И.А.Разумова отмечает, что метод интервью позволяет записать преимущественно тексты, рассчитанные на внешнего наблюдателя (создающие образ семьи «для другого»).

Внимание к необходимости реконструкции понимания крестьянами себя и своей культуры прослеживается в работах И.Е. Козновой.¹⁴² Она рассматривает крестьянскую культуру через изучение социальной памяти крестьянства. При этом исследователь стремится не только к тому, чтобы выделить важнейшие события XX века и посмотреть, как они сохранились в памяти крестьян, какой след оставили. Для нее важно понять - что, зачем, почему помнится и вспоминается в крестьянской среде, или - не помнится и забывается, и не вспоминается. Главное - найти доминанты памяти крестьян и через них - представить «крестьянский» XX век изнутри. Анализируется не только то, что вспоминается, но также и как оно вспоминается и как помнится, каковы особенности памяти. И.Е.Кознова отмечает, что у крестьян память функционирует по-другому, чем у горожан, и у нее другая роль, более того - отношение к памяти особенное в крестьянской культуре. «Потребность в обращении к прошлому у крестьян весьма специфична. Крестьянство чувствует необходимость заручиться поддержкой предков, а потому традиционно воспринимает мир в категориях прошлого опыта». «Крестьянам не нужно культивировать связь с прошлым в современном понимании значения этого слова. Связь с прошлым - естественна, органична, а не преднамеренна».¹⁴³

Изучая социальную память крестьян XX века, И.Е. Кознова обращает внимание на ее динамику. В работе «XX век в социальной памяти российского крестьянства» анализируется содержание и характер изменения социальной памяти крестьян в XX веке. Осмысление проблемы проходит в

¹⁴² Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000; Кознова И.Е. Традиции и новации в поведении современных крестьян // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей. / Под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишкова и А.Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 1997. С.359-382; Кознова И.Е. Власть в памяти крестьянства России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 116 – 122.

¹⁴³ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. С. 13.

логике изменений крестьянского существования и положения крестьянства в обществе: «вступив в XX век единоличным, индивидуальным хозяином оно вскоре стало коллективизированным, а в конце века оказалось перед выбором своего образа жизни».¹⁴⁴ И.Е. Кознова важное значение придает изучению понимания крестьянами самих себя. По ее мнению, «понять глубину и силу социальной памяти можно на основании таких параметров, как осознание сельскими жителями своей крестьянской идентичности».¹⁴⁵

Автор использует обширный круг источников, как устных, так и письменных. К источникам социальной памяти исследователь относит также фольклор, обычаи, предметы быта. В качестве основных источников автор использует устные рассказы, отмечая их значимость. «Устные рассказы — это скорее то, что называется "свидетельствами памяти" (memory claim). Рассказывая о себе или описывая то или иное событие, человек оказывается в состоянии пересмотра собственной картины прошлого, часто и настоящего».¹⁴⁶

Итак, мы увидели, что в историографии различные направления по-разному подходят к изучению крестьянской культуры XX века и поэтому по-разному относятся к биографическим нарративам крестьян, к их возможностям как историко-культурному источнику. Сравнительно немного внимания уделено взглядам крестьян на самих себя. Среди исследований понимания крестьянством себя и своей культуры нет работ по восприятию и репрезентации современным крестьянством своего детства и его субкультуры. Подобным обстоятельством определена тема данного диплома как актуальная.

¹⁴⁴ Там же. С. 14.

¹⁴⁵ Там же. С. 14.

¹⁴⁶ Там же. С. 16.

ГЛАВА II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСТВА В КРЕСТЬЯНСКОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

II.1. Изучение биографических нарративов крестьян Вологодской, Ленинградской и Новгородской областей: программа исследования, методика сбора и обработки полученных материалов

Основными источниками для данной дипломной работы послужили устные биографические рассказы о детстве, собранные в этнологических экспедициях в 2006, 2007 и 2008 гг. в поселениях Андома, Белый Ручей и Ошта Вытегорского района Вологодской области. Было собрано 30 интервью с респондентами 1919 – 1964 г.р. Опрос велся с помощью заранее подготовленного вопросника по воспоминаниям о детстве в крестьянской культуре. При составлении вопросника использовались уже разработанные анкеты, также учитывались материалы исследований по истории и этнографии детства в традиционных и современных культурах. Для сопоставления было взято такое же количество интервью, проведенное коллегами из европейского университета (Санкт-Петербург) в Ленинградской и Новгородской областях по аналогичному вопроснику.

Основой для разработки программы исследования послужил вопросник для сбора воспоминаний о детстве, разработанный в рамках педагогической антропологии В.Г. Безроговым, С.В. Васильевым, О.Е. Кошелей, Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Нурковой.¹⁴⁷ Для уточнения специфики детства в крестьянской культуре в разработке вопросника был частично использован вопросник по этнографии детства, детскому фольклору.¹⁴⁸ Также учитывались программы-вопросники по крестьянской культуре, разработанные в ходе экспедиций Историко-филологического факультета РГГУ и Центра исторической антропологии имени М. Блока РГГУ.¹⁴⁹ При разработке содержательной стороны вопросника мы опирались на

¹⁴⁷ Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: Изд-во УРАО, 2001, С. 69-86.

¹⁴⁸ Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Юж. и Юго-Вост. Азии: Сб. ст. / Отв. ред. И.С. Кон, А.М. Решетов. – М.: Наука, 1983, С. 5-7.

¹⁴⁹ Программы-вопросники и используемые в дипломе материалы экспедиций хранятся в архиве экспедиций Центра исторической антропологии имени М.Блока (Миусская пл., д. 6, корп. 7, каб. 147).

исследования по этнографии детства и детскому фольклору,¹⁵⁰ а также на некоторые исследования по истории советского детства.¹⁵¹ Вопросник дополнялся в процессе пилотной стадии самого исследования на основе анализа уже собранных воспоминаний. Менялись формулировки базовых вопросов, добавлялись новые, изменялось распределение вопросов в группы по темам. Мы стремились к тому, чтобы наша примерная программа опроса была близка к категориальной структуре представлений о собственном детстве у респондентов.

В результате программа включила в себя вопросы, относящиеся к общему опыту советского детства, вопросы, касающиеся специфики крестьянского детства, в том числе вопросы о мифологических представлениях в традиционной культуре. Последнее обусловлено тем, что экспедиции проводились в местности, характеризующейся большой сохранностью традиционных ритуалов и верований. Программа предполагала также сбор информации по повседневности, социокультурной специфике крестьянского детства, но в большей степени нас интересовало мировоззрение, представление росшего в крестьянской культуре ребенка о мире, детское восприятие событий и репертуара интеракций с окружающими людьми, эмоциональное отношение респондента к данному возрастному периоду, наиболее яркие воспоминания, связанные с детством. В целом вопросник включал то, что предположительно могло присутствовать в собственном биографическом рассказе крестьянина о детстве. Вопросник применялся в рамках глубинного качественного лейтмотивного интервью, предполагающего первой частью получение свободного рассказа респондента, дополняемого во второй части его ответами на дополнительные

¹⁵⁰ Виноградов Г.С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999; Мир детства и традиционная культура: Сб. ст. / Сост. Айвазян. – М., 1995; Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002.

¹⁵¹ Ромашова МВ. Советское детство в 1945 – середине 1950 гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пермь, 2006; Леонтьева С.Г. Трудовое детство // Отечественные записки, 2003, № 3; Она же. Пионер – всем пример // Отечественные записки, 2004, № 3; Она же. Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки, 2003, № 1.

вопросы интервьюера. Работа респондента с печатной анкетой не предполагалась.

Все респонденты, чьи материалы использованы в данной дипломной работе, провели свое детство в крестьянской среде, большинство прожили там же всю жизнь, лишь несколько из них некоторый период проживали в городе. Были опрошены респонденты 1919 – 1964 гг. рождения, большинство из них – 1920 – 1930 гг. рождения (1919-1929 г.р. – 10 чел.; 1930-1940 г.р. – 12 чел.; 1945-1952 г.р. – 4 чел.; 1960- 1964 – 4 чел.).¹⁵² Преобладание респондентов старшего возраста отчасти обусловлено условиями экспедиции, в которой опрашивались преимущественно те жители, в чьей памяти сохранилось больше информации о традиционных обрядах и верованиях.

Для более успешного проведения биографического интервью было необходимо войти в доверие к рассказчику. Опрос не проводился в первый день знакомства с респондентом, чаще всего уже после нескольких встреч, опросов по другим программам экспедиции, не требующих презентации респондентом личного опыта и оптимизирующих его первоначальный контакт с интервьюером.¹⁵³

Большинство респондентов – из многодетных семей, в которых родители работали в колхозе. Образование респондентов различно: многие родившиеся в 1920 – начале 1930-х закончили 4 класса, у большинства остальных рассказчиков среднее специальное образование.

Количество присутствующих при рассказе интервьюеров могло быть разным. Часто рассказ о детстве презентировался только одному слушателю. Были ситуации присутствия двух собирателей. В некоторых случаях в интервью участвовали родственники или знакомые респондента. Последний вариант имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, многое может быть не рассказано из-за нежелания, чтобы это слышали знакомые. С другой

¹⁵² См. список респондентов в приложении № 1.

¹⁵³ См. о данной проблеме подробнее: Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001; Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003; и др.

стороны, в беседе с представителем своей культуры респонденты могли вспомнить гораздо больше. Были ситуации, когда респонденты делились воспоминания друг с другом. Эти тексты представляются пограничными между репрезентацией «вовне», и репрезентацией «внутри» культуры, хотя и спровоцированной извне.

Чаще же проводился опрос только одного человека. О предстоящем интервью с респондентом договаривались в тот же день либо за день до его проведения. Длительность интервью – от часа до трех часов. С некоторыми жителями встречались несколько раз. Перед началом записи на диктофон проходила также короткая предварительная беседа на отвлеченные темы и о целях сбора подобных рассказов.¹⁵⁴

Наличие вопросника не предполагало проведение интервью четко по программе, он служил лишь примерным ориентиром. Нашей целью было собрать биографические рассказы, отражающие представление самих крестьян о собственном детстве.

Первая часть интервью предполагала запись продолжительного рассказа о детстве, построенного самим респондентом без вопросов интервьюера. Первоначальный вопрос, который задавался всем респондентам, и с которого начиналась запись на диктофон, звучал следующим образом: «Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве, все, что Вы помните, с самых первых воспоминаний». То есть «детство» задавалось как основная тема для рассказа, но давалось также понять, что необходим именно биографический рассказ, а не общий рассказ о детстве в крестьянской культуре.

После завершения начального биографического нарратива в форме свободного лейтмотивного интервью проводился опрос по типу беседы. Первоначально мы стремились задавать вопросы, не содержащие в себе прямого указания на ту или иную тему. Например, задавались вопросы о

¹⁵⁴ Мы старались дать понять респонденту, что для нас важен его индивидуальный опыт детства, важно, что именно сам респондент запомнил из своего детства. Говорилось, что эти материалы будут использоваться в исследованиях по истории и педагогике (Все участники экспедиции представлялись жителям как студенты-историки)

ярких запомнившихся событиях. Либо просили респондента более подробно рассказать о незатронутом в начальном тексте периоде детства. Иногда ответы на вопросы носили характер цельных больших повествований. К примеру, на просьбу рассказать о довоенном периоде в некоторых интервью представлялся рассказ, сравнимый по длительности с начальным нарративом. В последующих вопросах мы стремились отталкиваться от тем, уже затронутых в начальном автобиографическом рассказе. Дальнейшее использование программы-вопросника имело перед собой главной целью скорее поиск значимого в памяти респондентов, поиск тем и формулировок вопросов, которые вызвали бы эмоциональные и продолжительные нарративы, отражающие содержание автобиографической памяти.

При транскрипции текстов целью было наиболее полное отражение особенностей речи респондентов. Если слово произносилось согласно литературной норме, но при этом литературная норма предполагает, что слово произносится не так, как оно пишется, то слово записывалось в соответствии с обычной орфографией. Например: *ёж* [йош], *делается* [делаицца], *всё* [фс'о], *чего* [чиво]. Слова, которые произносились с отступлениями от литературной нормы, записывались так, как их произнес респондент (то есть с отступлением от литературной нормы). Например: *грит* (вместо говорит), *грю* (вместо говорю), *ить* (вместо ведь), *счас* (вместо сейчас), *чё* (вместо чего), *куды* (вместо куда), *в тую сторону* (вместо в ту сторону). Если респондент говорил на диалекте, то в записи передавались диалектные черты. При транскрипции учитывались также все паузы, запинки. Попутно в тексте делались замечания о проявлении эмоций у респондента – смех, вздох и др. Во время записи интервьюером велся дневник, где записывались все сопутствующие рассказу невербальные действия респондента.

Для более подробного изучения саморепрезентации крестьянами своего детства необходимо привлечение материала, с которым можно было бы сопоставить наши интервью. Наиболее близки к нашим текстам

материалы, собранные в рамках проекта «Детство в России 1890 – 1991 гг.: социальная и культурная история», осуществлявшегося Европейским университетом в Санкт-Петербурге совместно с университетом Оксфорда. Из архива данного проекта нами взяты 28 интервью с крестьянами 1914-1940 г.р., которые проводились в 2004 и 2005 гг. в Хвойнинском районе Новгородской области и в Приозерском районе Ленинградской области. Их сходство с материалами вологодских интервью обусловлено, с одной стороны, близостью территорий, с другой стороны, близостью дат проведения интервью, а также единой концептуальной основой применявшихся вопросников. Хотя методика проведения данных интервью имеет не только сходства, но и различия с нашей, полученный материал в основном типологически сходен с нашим и потому, как нам представляется, вполне может быть привлечен для сопоставления и в качестве своего рода «контрольной группы», на фоне которой лучше проявляется содержащаяся в вологодских интервью информация. Опрос в деревнях Ленинградской и Новгородской областей проходил в форме свободного формализованного интервью с элементами лейтмотивного интервью, на основе программы-вопросника, составленного специально для исследований крестьянского детства в России. В данных интервью не предполагалась запись собственного свободного рассказа крестьянина о своем детстве, хотя форма проведения опроса способствовала тому, что некоторые ответы представляют собой довольно продолжительные связные нарративы. В данном проекте, в отличие от методики сбора наших материалов, перед проведением интервью каждому респонденту гарантировалась анонимность, сообщалось, что личные данные не будут распространяться. Это способствовало более открытому представлению респондентом биографического опыта, несмотря на отсутствие длительного рассказа в начале интервью.

Как предполагает биографический метод, интерес может представлять диапазон и вариативность обнаруживаемых в текстах рассказов о себе смысловых структур, то есть «репертуар возможностей», а не частота их

обнаружения.¹⁵⁵ В свете этого подхода становится важным выявить, что вообще может стать предметом повествования в крестьянском биографическом рассказе о детстве, что становится «достойным» присутствия в тексте, и как оно в нем представлено. Автобиографическая память может содержать многое, но лишь определенные воспоминания могут стать «событием» в биографическом нарративе, пройдя от героя через повествователя к автору самоцензурируемого рассказа. Что именно берется из памяти и вербализуется в рассказе – обусловлено культурой и зависит от многих факторов. В первую очередь – это ресурсы языка, репертуар возможных «жанров», бытующих в культурном пространстве. Влияет также представление человека о ситуации интервью, о том, что «должно» быть представлено в данной речевой ситуации. Респондент во время беседы постоянно ищет у интервьюера психологического подтверждения в том, что он рассказывает именно то, что «нужно».

Для того чтобы понять, в каких категориях респонденты представляют свое детство (и способы его репрезентации), лучше всего применять длительное и многократное интервьюирование респондентов. Наши интервью длились от часа до трех часов. Начальные автобиографические рассказы занимают в них небольшую, по сути, вступительную часть. Продолжительный самостоятельный рассказ о детстве встречается относительно редко. Большая часть нарративов получены в результате второй части лейтмотивного интервью, полученной в результате беседы интервьюера и респондента вокруг задаваемых первым второму вопросов. Поэтому естественно, что полученный материал отражает также и те категории, которые под детством понимает исследователь. Но ответы на вопросы, сформулированные в беседе в зависимости от рассказанного в начале, также представляют не меньший интерес, нежели связные начальные рассказы. Задавались самые широкие вопросы, способов ответа на которые множество. Часто ответом служили какие-то готовые формулы, клише,

¹⁵⁵ Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод: история, методология и практика / Рос. акад наук, Ин-т социологии. М., 1994.

присутствующие в обыденном «репертуаре» речевого спектра респондентов. Что именно всплывало в памяти у человека, какие эмоции оно вызывало, в рамках какого дискурса представлялось, насколько широко присутствовал в рассказе персональный или коллективный опыт – эти вопросы к источникам, на наш взгляд, позволят выявить способы саморепрезентации крестьянской культуры, в частности способы репрезентации крестьянином своего детства.

II.2. Особенности устного биографического нарратива о детстве крестьян Вологодской, Ленинградской и Новгородской областей

Жанровые и стилевые характеристики, особенности повествовательной структуры полученных и исследуемых в дипломе текстов обусловлены особенностями, во-первых, устного рассказа во время глубинного интервью¹⁵⁶, во-вторых, воспоминаний именно о детстве (в отличие от включения эпохи детства в контекст целой автобиографии), в-третьих, крестьянских нарративов (в отличие от городских). Эти тексты не мотивированы самими авторами и не относятся к бытующим «внутри» культуры, а инспирированы извне. Отметим также специфику воспоминаний, собранных в разных районах. Основным предметом анализа в дипломе выступают начальные автобиографические нарративы (без ответов на вопросы интервьюера).

Устные биографические нарративы о детстве представляют собой особый вид источника по сравнению с частью о детстве, присутствующей в общей автобиографии.¹⁵⁷ Если в целом биографическом повествовании воспоминания о детстве выступают в виде прелюдии к рассказу о собственно

¹⁵⁶ Самостоятельный автобиографический рассказ, инспирированный интервьюером, и лейтмотивное интервью.

¹⁵⁷ См. подробнее: Безрогов В.Г. Кошелева О.Е. Мещеркина Е.Ю. Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: Изд-во УРАО, 2001.; Безрогов В. Г. Воспоминания как источник по истории детства // Педагогическая антропология и история детства. М., 2001.; Келли К. Безрогов В. Быть ребенком – в России? // Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе». Сост. В.Безрогов, К.Келли, А.Пиир, С.Сиротинина. Часть 2: 1940-1990. М. – Тверь: Научная книга, 2008. – С. 337-342;

взрослой (читай: важной, имеющей право на рассказ) жизни, то в воспоминаниях, заканчивающихся вступлением во взрослую жизнь, детский опыт представлен слушателю более подробно.

Как и любая автобиография, воспоминания о детстве ретроспективны. На репрезентацию детства в устном биографическом интервью влияет представление человека о себе в момент рассказа, о своей успешности или неуспешности. В большей степени, чем в общих автобиографиях, на рассказ оказывает влияние представление о характере детства вообще, стереотипы, идеалы, связанные с этим периодом, существовавшие в то время, о котором вспоминается, и появившиеся в последствии (концепты «идеальное детство», «идеальный ребенок» и т.п.). Автор повествования неизбежно и почти неосознанно сравнивает свое детство с «детствами» других поколений и социальных групп. На то, как рассказывается о детстве, влияние оказывает общее представление в культуре о значимости этого периода и понятие о значимости его в жизни конкретного человека.

Одной из целей исследования было выяснить, какое значение придается периоду детства в крестьянском биографическом нарративе, какое место он занимает в иерархии рассказов о различных возрастах человеческой жизни. До проведения интервью мы не знали, сможет ли респондент представить самостоятельный рассказ о своем детстве. В первых фразах некоторых рассказов респондентов 1920-х годов рождения период детства представляется как «неважный», «неинтересный». Есть даже такие интервью, в которых выслушиваемый в начале свободный биографический рассказ не включает в себя период детства: *«А ребёнком я была, маленькая ещё была. А потом в четырнадцать годов дак я пришла в колхоз работать»*. [ФВК, 1921 г.р.] Респонденты далеко не всегда помещают в свою биографию детство как важный этап. Оно не представляется им интересным и значимым, как для репрезентации, так и само по себе. Как можно увидеть в некоторых крестьянских текстах наивной литературы, написание которых мотивировано

самим автором, - опыт детства может отсутствовать совсем.¹⁵⁸ Большинство же наших интервью все же содержат в себе первоначальный самостоятельный рассказ о детстве.

Крестьянские устные биографические нарративы о детстве, привлекаемые нами в работе, обладают своей жанровой спецификой. Сама форма устного рассказа формирует особенности повествования. Текст рассказа строится большей частью на ассоциативных связях эпизодов, отступая подчас от прямой хронологической последовательности. Респонденты по-разному воспринимали первоначальный вопрос-просьбу рассказать о собственном детстве с самых первых воспоминаний. Тексты начальных автобиографических рассказов можно разделить на две основные группы. В одних основой нарратива служит биографический рассказ, в котором повествование начинается с года, места рождения, первых воспоминаний, и далее повествование идет в хронологической последовательности. Хронология может строиться в связи с обучением, событиями истории семьи, историческими событиями и др., что мы подробнее рассмотрим в следующей подглаве.

В другой группе текстов рассказ начинается с какого-либо яркого воспоминания, которое выражает общее восприятие детства. Это первое воспоминание не обязательно первое хронологически, рассказчик сам (в основном рассказе) потом может переходить к более ранним воспоминаниям. В некоторых таких текстах первым эпизодом могут выступать воспоминания и пятнадцатилетнего возраста. И далее в подобных нарративах следуют повествования не в хронологическом порядке, но в иной логике выбора (например, сначала о повседневных многократно повторявшихся событиях, характерных для того или иного периода как в жизни данного человека, так и группы либо страны).

Есть также рассказы, в которых в начале дается очень краткое описание последовательности событий, часто включающие и взрослую

¹⁵⁸ Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности // <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm>

жизнь, представляющие собой больше «служебную докладную» или «автобиографию» из личного дела, выстроенную, по-видимому, под влиянием структурированности сознания предыдущими процедурами заполнения различных, но однотипных анкет в течение жизни. *«Ну вот. Значит, четыре года было, в тридцать восьмом году, я уже потерял правый глаз. (...) В семь лет началась война. (пауза) Восемь годов было – пошёл в школу. Двенадцать, двенадцать годов было – уже пошёл работать в колхоз» [БРИ, 1934].* И только затем, рассказав такую «квазианкету», автобиограф переходит к более подробному описанию детства в целом вне хронологической последовательности.

В каждом нарративе можно увидеть несколько типов повествования. Присутствуют яркие воспоминания об однократных событиях, произошедших с рассказчиком. Повествование здесь ведется от первого лица, описываются ощущения, эмоциональное состояние ребенка. В самом рассказе автобиограф выступает как главное действующее лицо, при этом остальные персонажи на втором плане. Они обычно встраиваются в рассказ как подтверждение некоторого общего, «теоретического» утверждения о детстве (у респондентов 1920-1930-х). Это прослеживается и по фразе, следующей после эпизода: *«...Вот такое было детство. Даже, игрушек не было, дак гляжу, чтобы мне тоже осталось красивых стружек-то на игрушки. А ребёнка кормлю мальчика, ну а даю еду не в рот, а в ухо тихаю еду. Вот я на него не гляжу, кормлю, а не гляжу на него. Вот такое было детство, любушка» [ИАЕ, 1932].*

В воспоминаниях респондентов 1920-х г.р. такие эпизоды часто выступают как «характерные», что прослеживается по слову «бывало»: *«Бывало, я старшая, была из сес... из дочек-то. Мама, бывало, скажет: «Настенька, придется тебе в город ехать, съездить». Там, по каким там делам, мало ли отправит Ну. Вот перед войной как раз, лет мне дак тринадцать, двенадцать было. Видишь, какие ещё мы дети-то были. Война началась в сорок первом году, мне было пятнадцать лет дак. С двадцать*

шестого я года, считайте. Ну. Ну что ж. Бывало, ой... «Ой, мама, как не охота, в такую... по такой грязи... грязи-то идти». А чё, об... обуви-то нет, кое-какие башмаки на... на этом. «Ну ладно, давай, любушка, тепло, дак это, где сухо, дак сними, да босой беги». – Мама-то, бывало, скажет» [КАА, 1926].

Яркие эпизоды обладают схожими сюжетами. Часто в описании ключевого эпизода передается диалог. *«Да и так один раз привезла этих, деревья-то, да мама говорит: «Любушка, ты не такие дрова-то говорит, привезла». Я говорю: «Мама, какие надо-то?» – «Да, - говорит, - это же рябина». – «Дак я-то откуда знаю?» – «Дак запах-то чуешь? А эти, ольха, дак запаху-то никакого нету. Любушка, больше не вези». Это, говорит, съедобное, съедобная ягода, а ты, говорит, трати.. портишь, говорит, эту деревинку-то, говорит. Хоть пускай птичкам, не едят, дак, говорит, пускай птичкам». – «Ну, мама, теперь поняла, что пахнет, дак этого рубить не надо». Эту. Рябиновая пахнет таким каким-то. А ольха, говорит, не пахнет, дак вот эти, а смотри этих, деревушки эти с ягодами, дак ты, говорит, не руби» [МЕД, 1926].*

Большое место занимают в рассказах повествования-описания о том, «как мы жили». В этих частях нарративов описывается чаще повседневная крестьянская жизнь, многократно повторяющиеся действия. В такой же форме может вестись повествование и в темах о детской субкультуре. Основа такого повествования – групповая идентичность, характерная для аграрного мира. Личностное выступает наружу в таком случае прежде всего как коллективное.

Возможно, преобладание «рутины», повседневных событий, отсутствие в рассказах наших респондентов большого количества ярких единичных событий связано со спецификой крестьянской культуры. Как отмечает И.Е. Кознова, «коллективная память бесписьменного общества (традиция этой памяти сильна в крестьянском обществе, несмотря на проникновение в него письменной традиции) призвана сохранять сведения о порядке, об обычном,

принятом, поэтому она ритуальна по своей сути. В то же время в письменных обществах запоминаются, как правило, прежде всего исключительные события, т.е. события единичные или в первый раз случившиеся».¹⁵⁹

Возможно также и то, что презентации именно такого текста о рутинной неиндивидуализированной повседневности способствует ситуация интервью. Респонденту, который рассказывает о детстве малознакомому человеку, проще говорить об общем течении жизни в селе, об обычных повседневных событиях, акцентируя внимание на том, чем отличается в целом их опыт детства от городского детства и от детства современного, косвенным воплощением которых выступает интервьюер. Единичные события, или события, показывающие особенность собственной истории жизни, в такой ситуации видятся респонденту не актуальными для рассказа. Рождаются тексты, инспирированные интервьюером и адресованные внешнему наблюдателю. Такое обстоятельство приходится постоянно учитывать как в практике интервьюирования, так и в процедурах анализа транскрибированных интервью.

Повествования о многократных, повторявшихся событиях занимают больше всего места в воспоминаниях о детстве респондентов 1920-х г.р. Распространен этот тип повествования и в воспоминаниях о войне. Рассказчик свободно переходит от «я» к «мы» и к повествованиям от второго лица единственного числа: *«Ели гнилую картошку. Картошка-то вот вся сгниёт, остаётся там середина-то гнильё-то – моешь, чистишь и пекёшь лепёшки. Вот и... вот и кормишься»* [БРИ, 1934].

В текстах присутствуют также повествования об отдельных событиях, произошедших не с самим автобиографом. Они представляются как иллюстрация некоторого общего утверждения о «нашем» детстве или «нашем» времени, либо как особо «интересная», «занимательная» история, отпечатавшаяся в коммуникативной памяти поколения/поселения. Такие рассказы наиболее близки к фольклорным текстам, так как повторяются

¹⁵⁹ Кознова И.Е. Власть в памяти крестьянства России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 118.

множественно и уже не имеют автора. Такие сюжеты особенно характерны для воспоминаний о войне. В них часто присутствуют рассказы, услышанные от соседей или родственников: *«И вот мама моя рассказывает, что один раз вдвоём ехали и вот: Самолёт, вот он прямо, как вот нарочно, вот летает и обстреливает женщин...»* [ИАН, 1935].

Различие нарративов зависит и от места сбора материала. Заметны явные отличия в рассказах респондентов, проживающих в разных, хотя и смежных друг с другом районах. Например, одной из особенностей рассказов, собранных в Оште, является то, что в них большое внимание уделяется переездам и строительству дома. Ошта во время войны была разрушена, жители эвакуированы. В 1950-х гг. поселение застраивалось заново, сюда возвращались те, кто жил здесь до войны. В их воспоминаниях присутствуют рассказы об эвакуации. Переезжали также из тех сел, которые пострадали во время строительства Волго-Балтийского канала. В том числе сюда переселили жителей Шимозера, которые причисляли себя к вепсской этнокультуре. Поэтому в Оште также сильно распространена тема этнокультурных отношений.

Андома отличается тем, что население меньше, а большинство прожили здесь в течение всей жизни, жители ближе знакомы друг с другом. Возможно, этим обусловлено более доверчивое отношение респондентов друг к другу и к участникам экспедиции, тексты воспоминаний были менее «официальные». В Белом Ручье и Оште население менее знакомо друг с другом, летом проживает большое количество дачников, к участникам экспедиции жители были настроены более настороженно. В Андоме хорошо сохранилась традиционная культура, так как население не менялось, на протяжении нескольких веков жили одни и те же семьи. Здесь письменная культура распространена меньше, чем устная, респонденты менее склонны к «официальной» автобиографии. В Андоме есть церковь, что является еще одной причиной более тесного общения жителей в рамках приходской общины.

Общая экономическая ситуация разных поселений также оказывает влияние на характер и степень открытости рассказов и рассказчиков. В Белом Ручье и в Оште в этом плане положение лучше, что влияет даже на тематику рассказов. В их рассказах, например, меньше межэпизодного текста, в которое (в Андоме) постоянно включаются сравнения минусов современного экономического положения и плюсов государственного обеспечения во времена их детства.

В Андоме только два телевизионных канала, в Белом Ручье и в Оште во многих домах, в том числе у некоторых наших респондентов, имеется кабельное телевидение. Хотя, последний фактор не особо важен, как выяснилось, поскольку старшее поколение все равно смотрит только центральные каналы.

Имелись различия в особенностях репрезентации отдельных общеисторических событий. Например, в Андоме и в Белом Ручье у респондентов 1920-1930-х г.р., чьи семьи затронули раскулачивание или репрессии, присутствует подробный эмоциональный рассказ об этом событии, который становится центральным во всем нарративе. Особенности этих рассказов будут рассмотрены в следующих главах.

Респонденты, проживающие в Оште, лишь мимоходом упоминают об аресте отца: *«Значит, нас стали эвакуировать. Вот, нас мама повезла.. Да, папу в тридцать седьмом году у нас репрессировали. Вот, потом мама нас воспитывала одна...»* [МВС, 1930]. Другая рассказчица начинает свой рассказ с события ареста отца, отмечает, что «хорошо помнит» об этом, но описания события в тексте не появляется. *«Ну я помню, как вот... жила в эти, пока... ну мы не звали папой, мы звали «тата». Тата пока был, так вот это ещё мне.. не ходила я ещё в школу. А потом его репрессировали, у нас увезли, в тридцать седьмом году. Так потом.. а потом что, это, в школу ведь, хорошо помню, ходила... (...) Отца помню, как увезли. Все это хорошо*

*помню. День был первое декабря и среда день*¹⁶⁰. *Вот как вот, не было семи лет, а запомнила. Ну во время войны жили плохо...»* [РАИ, 1931]. Возможно, респонденты, проживающие в Оште, не находят возможности, подходящих высказываний для репрезентации личного опыта. Возможно, в данной местности подобные рассказы не распространены, а в других районах являлись предметом обсуждения между жителями.

Автобиографический нарратив состоит из эпизодов и межэпизодного пространства, которое заполняется оценкой прошлого с позиции ретроспективно вспоминающего рассказчика, сравнением исторической эпохи периода детства и настоящего времени. Собранные нами тексты характеризуются тем, что содержат много межэпизодного пространства. Респонденты часто обращаются к сравнению своего детства и детства современного, в текст встраиваются стереотипные клише и формульные суждения, которые оказывают влияние на общий лейтмотив и тематизацию рассказа.

В воспоминаниях о детстве 1920-1960-х гг. можно выделить несколько ведущих оценочных формул. Они выражают, с одной стороны, представление респондентов о детстве своего поколения. С другой стороны, зависят от того, какое значение придается детству в контексте индивидуальной жизни респондента, от представления рассказчика о себе и о том, как опыт детства повлиял на личность человека. Но общий лейтмотив применения той или иной формулы также во многом зависит от самой ситуации интервью. И в том случае, когда нарратив о детстве инспирирован интервьюером, респондент сам «выбирает» цели своего рассказа: пожаловаться, погрузиться в ностальгические воспоминания, поделиться опытом, любопытным или поучительным, и т.п. То, с какой целью рассказывается о прошлом, влияет и на тот образ детства, который

¹⁶⁰ В подробных эмоциональных рассказах дату не помнят: *«Это было... а день уж не скажу, а утром»* [БЭГ, 1929], *«Это, ну я это не помню, в какой это год, я не запомнила, вот, не запомнила. И вот помню, когда началась коллективизация...»* [ТЗП, 1925].

представляется в рассказе. Общий лейтмотив зависит также и от представления респондента о современном детстве.

В воспоминаниях респондентов 1920-1930-х г.р. часты стереотипные утверждения, что *«никакого детства мы не видели»* [БЕС, 1927]. Подобное заявление обусловлено общей оценкой периода, трудностей времен коллективизации или войны. В наших текстах прослеживается два вида отношения к такому представлению об опыте детства. Для одних это опыт, отрицательно повлиявший на последующую жизнь. В их рассказах подробно освещаются темы голода, труда, отсутствия одежды, рассказывается об общем опыте всех поколений или всей семьи, мало присутствует тем о детской субкультуре. Для другой группы рассказчиков детство воспринимается как *«преодоленные трудности»*. В конце рассказа респонденты вспоминают о других, счастливых периодах своей жизни. В таких воспоминаниях автобиограф, отмечая особенности своей личности, порой обращается к опыту, не связанному с трудностями времени: *«Но у меня была такая привычка, я вспоминаю, что мне надо было что-то, вот.. по.. дарить, всё время дарить, в общем, людям всё. И у меня это в крови так осталось, что я теперь стараюсь всё, что смогу, что отдать людям. Вот, всё помню бабушке то цветов нарву, то этого, ягод соберу. Вот. И всё это я своей любимой бабушке»* [МВС, 1930].

Еще одну распространенную лейтмотивную формулу в рассказах о детстве 1930-1940-х гг. можно обозначить словами респондента *«Жили плохо, но было весело и радостно»* [РАИ, 1931]. В воспоминаниях помимо *«сложностей войны»* выступают также значимые темы дружбы и активного участия в общественной жизни: *«Всё равно хотелось жить, и хотелось танцевать и петь и всё»* [ИАН, 1935]; *«хотя время было тяжёлое, голодное такое, но всё равно, нам жизнь нравилась. Казалось, что это всё хорошо»* [ИАН, 1935]; *«Да, сорок седьмой год, да вот этот тяжёлый. Вот тут нас подкармливали в школе. Но всё равно выступали, пели»* [КВТ, 1933]. К опыту

детства обращаются для подтверждения силы и стойкости человека в жизни вообще.

В воспоминаниях о детстве респондентов 1945-1964 г.р. опыт детства также может выступать как «преодоленные трудности», но когда в рассказе большей частью повествуется о конфликтах. *«Иногда рассказываешь... даже со смехом, а так дак. Всё.. Дак всё всё.. Ну всё детство было сопротивлением»* [ИМТ, 1946]. В большинстве воспоминаний о детстве 1950-1960-х гг. дано представление о детстве, как о счастливом периоде. Некоторые рассказчики, не сравнивая свое детство с современным, отмечают, что оно «было неплохое»: *«Ну а чо, детство, я вспоминаю, неплохое было, неплохое, иг... вес... весёлое»* [ЕЛС, 1945], *«Детство неплохое было, я не скажу, что плохое детство у нас. У нас хорошее детство было»* [КАМ, 1952]. Позитивное отношение респонденты послевоенных поколений демонстрируют и ко всем остальным периодам жизни: *«И работали вот эти семидесятые годы, тоже неплохое. Молодость вот это, юность, тоже неплохая была»* [КАМ, 1952], *«И студенческие годы прошли хорошо. И семья у меня хорошая. Так что жизнь я прожила свою, считаю, неплохо»* [ЕЛС, 1945]. Центральным в рассказе становится личность рассказчика, подкрепление нарративом ощущения не зря прожитой жизни. Человек обращается к опыту детства, как «стартовой площадке», обусловившей дальнейшее течение жизни, характер и интересы человека.

В другой группе нарративов о детстве 1950-1960-х гг. детство выступает скорее как «потерянный рай». Базовым в рассказе становится сравнение современного детства с тем, которое было у рассказчика. Человек обращается к опыту детства, как к счастливому, но оставшемуся в прошлом времени, иногда ассоциируемом с ушедшей в прошлое советской повседневностью. В воспоминаниях последней группы представлен больше опыт «нашего общего детства» (советского, крестьянского), в отличие от «нашего времени» в воспоминаниях респондентов 1930-х г.р., в которых повествуется большей частью об опыте всех поколений, переживших войну.

II.3. Коллективная память и стратегии меморизации

В рассказах респондентов 1920-х г.р. можно выделить две модели, принадлежность к которым обуславливает особенности стратегий меморизации: 1) воспоминания тех, чьи семьи попали под раскулачивание и репрессии 1930х гг. и 2) тех, кого не затронули такие события. В рассказах тех, кого не затронули *«перегибы советской власти»*, нет центрального сюжета (таких, например, как раскулачивание), на который бы опирался весь последующий рассказ о детстве, экспликация места действия и т.д. В таких текстах подробно рассказывается о том, как родители работали в колхозе: *«Родители мои такие были. Мама работала всю жизнь в колхозе. За трудоводни раньше работали. Трудодень. Обжинали вот поля...»* [КАА, 1926]; а также о самом колхозе: *«Колхоз... колхоз у нас очень богатый был, колхоз был имени Ленина. В Анфимове вот Ну вот. И ов... овечек держали. Очень много было этих, как его, лошадей...»* [КАА, 1926]. Бедность выступает как соответствие норме. Но события раскулачивания других семей могут упоминаться в рассказе, имея для респондента значение осознания себя «свидетелем эпохи». Такие упоминания могут появляться в тексте после рассказа о работе родителей: *«У нас же много в Анфимове ра... было т.. как... знаете ли, богатых людей, раньше жили. Очень многих раскулачили ведь в те годы. Но мы-то ещё небольшие, конечно, были сами, ребятами»* [КАА, 1926]. Такие события «запомнились» респондентами на основе, вероятно, рассказов о них взрослых в более позднее время. Войдя в их биографическую память, они остались там хронологическими и сущностными маркерами эпохи.

В воспоминаниях поколения 1920-х повествуется больше о многократных событиях, связанных с суточным, недельным, годовым циклами: *«Мы вот обычно, утром встаём, «ну, ребята», (...) «Ну вот, ребята, вам вот, сами знаете, кака работа»* [КАА, 1926]; *«Вечером, конечно, весело было...»* [КАА, 1926]; *«Ну а в субботу, как обычно. Там,*

самовары чистим, полы моем» [КАА, 1926]; «Ой-ой-ой. А сенокос настанет дак, меня уже первым долгом. На сенокос» [КАА, 1926]. Детство воспринимается большей частью как однородный период, не имевший внутри себя качественных делений в зависимости от возраста рассказчика. Выделяются по преимуществу те события, которые нарушают привычное течение жизни. Особое значение приобретают события коллективизации и репрессий.

Важным становится смерть членов семьи, например, бабушки, - потому что до того она заботилась о детях, или в связи с тем, что после этого приходилось выполнять гораздо больше работы по дому: *«Вот, когда дедушка и бабушка были, были живы, вот, нам было легко. Мы до семи, до восьми лет жили без забот, потому что бабушка следила за нами. Бабушка чем-то там, но кормила. Чем уж, я не знаю. А дедушка занимался еще рыбной ловлей, потому что речка рядом была... река была рыбная. Рыбка водилась. Дедушка еще и рыбачил. Так что мы были сыты, когда дедушка с бабушкой были живы. И присматривали, и кормили» [МВА, 1928]. «Еще бабушка-то была жива дак, ещё нам легче было. Бабушка у нас на девяносто шестом году умерла, папина мать-то. Она там уже горшки намоеет, там это всё сделает. Ну вот. А это, как его. А когда бабушки не стало, всё на мне. Я сама старша, всё мне, до с... всё мне. Эти ещё небольшие. Эта на три года меня моложе, а та ещё маленька совсем сестрѐнка. О-ой. Бывало всего» [КАА, 1926]. Привязка событий в «бабушкину миру» и «послебабушкину миру» используется и как временной маркер в рассказе о выполнении домашних работ: *«Ну а мне... а нам как. Мне дак как старшей дак, бабушка когда была жива дак ещё, мне первым долгом: «А тебе, Асенька, избу всю подмести» [КАА, 1926]. Упоминается также присутствие в доме других родственников. Например, проживание дяди в доме в течение нескольких лет, что также становится значимым в связи с помощью в хозяйстве.**

Для рассказа о детстве респондентов 1920-х г.р. характерно игнорирование довольно длительного начального периода детства. (Если только арест отца был не в раннем детстве).

Начало посещения школы для респондентов 1920-х г.р. также становится временным маркером. Подробность повествования о школе зависит от образования и того, насколько большое влияние она оказывала на жизнь детей в селе. Но часто школа лишь упоминается, подробных рассказов о ней нет, школьные годы выступают как однородный период. Обучение в том или ином классе не становится типичным временным маркером. Влияет также малая продолжительность обучения, большинство респондентов этой возрастной группы закончили четыре класса, редко семь.

У респондентов 1920-х г.р. также присутствует разделение на жизнь до войны и во время войны. Характеристика времени, о котором рассказывается, обозначается через «до» или «после» войны: *«...И даже... капусту садили, картошку, поля целые, было, знаете это как. До войны-то я говорю. Детство наше такое было. Ну вот. (Пауза)»* [КАА, 1926]. Начало войны является временным маркером для обозначения события: *«Вот перед войной как раз, лет мне дак тринадцать, двенадцать было»* [КАА, 1926]. Часто для респондентов 1920-х г.р. начало войны выступает свидетельством окончания детства. Окончание детства совпадает у данных респондентов с теми или иными изменениями структуры их повседневного существования, бюджета времени и спектра обязанностей. Например, указывается, что по причине войны не продолжила обучение в школе и устроилась работать в колхоз: *«Училась пять классов. Война началась и всё, больше я не училась»* [СВН, 1926]; *«А война помешала, у меня токо шесть классов кончено. В седьмой класс перешла, а не в чем было идти. Не на... не на ноги ни обуть, ничего, раздетая, раздет...»* [КАА, 1926]; *«Но а в.. ведь те, четвёртый класс я кончила, и война началась»* [БЕС, 1927].

Моментом окончания детства для респондентов обычно становится и начало работы в колхозе в 12 – 14 лет.¹⁶¹ Для некоторых респондентов-мужчин окончанием детства становится уход из дома, например, в 13 лет, на заработки в другие поселения. Респондентам привычнее автобиография, начинающаяся с периода работы в колхозе. Заметна неуверенность в рассказе о более ранних периодах и четкость при рассказе о начале работы, смены работы и места жительства, замужества.

В рассказах второй группы респондентов 1920-х г.р., то есть тех, кого в детстве затронули раскулачивание или арест отца (и в тексте присутствует об этом подробный рассказ)¹⁶², эти события становятся центральными для всего нарратива, а все остальное отходит на второй план. Рассказ о детстве начинается с раскулачивания на рубеже 1920х и 1930х и в начале 1930х либо с ареста отца во второй половине 1930х годов. У данной группы респондентов эти события, а не отечественная война, воспринимаются как первая причина всех дальнейших невзгод в жизни, как некоторый «символ судьбы».¹⁶³

Описывая событие раскулачивания, респонденты часто говорят фразами, заимствованными из периодической печати советского периода (даже в том случае, когда идет отрицательная оценка периода) или перестроечной публицистики. Интересно проследить различия в названиях события коллективизации в беседе между представителями разных поколений: «ТЗП: *А я голодала, когда перегибы советской власти были.*

¹⁶¹ Есть редкий вариант в текстах жителей Новгородской обл., когда ребенок работал с 10 лет, и период с 10 лет до замужества в 16 лет описывается как детство «О: *А вот для Вас, может быть, Вы как-то можете сказать, когда Вы поняли, что детство вот кончилось, что уже взрослая Вы стали? Инф.: Вот как замуж вышла, сразу поняла, что все уже. О: А до этого, даже хоть Вы и работали - это детство? Инф.: Ну все равно было весело, хорошо было, и девчонки и мальчишки, все никуда не разъезжались, все в одном колхозе, на работу вместе, где-то гулять, танцевать пойдем, опять вместе. Тут было... нормально все было» [КАИ, 1920]. В этом случае респондент исходит более из внутрисемейного «отсчета» возрастов, чем из отчета, опирающегося на смену социального интерьера и репертуара общественных обязанностей. рассказ с опорой на женитьбу как на конец детства уходит у поколения 1920х годов рождения в доколхозную жизнь.*

¹⁶² Так как рассказы о коллективизации 1929-1934 гг. и репрессиях 1937 г. во многом схожи по структуре и влиянию на весь нарратив, мы в обсуждении сюжетов о репрессиях будем упоминать и рассказы респондентов 1929-1931 г.р. Затем мы отметим особенности нарративов поколения 1920х и поколения 1930х годов, в которых рассказывается и о раскулачивании, и о войне.

¹⁶³ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000.

КВТ: *А тогда, Зоя Павловна, двадцать девятый год¹⁶⁴, ты уродилась в двадцать пятом, а аккурат тебе четыре-пять примерно годов было, уже год великого перелома. Ликви.. началась ликвидация кулачества как класса, и началась сплошная коллективизация колхозов»* [ТЗП, 1925; КВТ, 1933].

Самим свидетелем события раскулачивания или ареста отца действия властей могут описываться в безличной форме: *«Вот, дак вот приедут с обыском, дак вот это в первую очередь эти самоварники (нрзб) унесут от нас. И помню как-то папину венгерку всё уносили»* [ТЗП, 1925]. Либо значимым оказывается то, что все унесли соседи: *«Всё у нас увезли, всё увезли, всё раскулачили. (...) Мы и в школу не ходили. Потому что нам не в чем было, всё увезли... унесли. Всё близкие соседи унесли и мы остались одни»* [БЭГ, 1929]. Арест отца воспринимается не только как потеря отца и имущества, но и как наступление одиночества в условиях сельского сообщества.¹⁶⁵ Это выражается также в жалобах на отношение сельского сообщества к детям раскулаченных. *«Вот и, любушка, из-за отца-то нас и в колхозе не любили. Самая тяжёлая работа вся наша»* [БЭГ, 1929].

В вышеприведенных цитатах можно увидеть, что в рассказах данной группы репрезентируется в первую очередь трагедия семьи. Автор воспоминаний говорит от общего семейного «мы». Такого типа повествования респонденты придерживаются и на протяжении всего рассказа. Даже в части, где говорится об обучении в школе: *«Учиться мы не учились, мы три класса с горем пополам, только расписаться умеем и всё»* [БЭГ, 1929]. Во всем тексте такого начального биографического нарратива мало присутствует как личностный опыт, так и опыт коллективный за счет доминирования семейного, «родового» дискурса.

В таком тексте война, заставшая респондента в подростковом возрасте, не описывается в русле всеобщей беды. В рассказе о войне присутствует мало отсылок к коллективному памятованию, к официальной версии памяти

¹⁶⁴ На основе текста нельзя установить дату события, но вероятно, что это было позднее 1929 г.

¹⁶⁵ О значимости вины соседей в крестьянских нарративах о раскулачивании пишет и А.П. Минаева, анализируя «Наивные мемуары Малькова».

о войне или к памяти об «общей военной судьбе». Великая Отечественная описывается как очередные обстоятельства, выпавшие на долю и до того много пережившего ребенка (семьи). В таких текстах не появляются эпизоды, в которых описываются события, произошедшие во время войны с третьими лицами.

В воспоминаниях респондентов второй группы 1920-х г.р. присутствуют события, связанные с историей семьи, «макроисторией» и школьным образованием. Наиболее значимыми становятся события плана истории семьи. События раскулачивания или репрессии становятся главными переломными событиями жизни, если рассказ о них присутствует в нарративе. Повествование ведется от лица семьи. Это свойственно и для тех, кого не затронули раскулачивание и репрессии (то есть первой группы респондентов 1920х г.р.).

Как мы уже отмечали, нарративы респондентов, проживающих в разных районах, различаются по форме презентации событий периода репрессий.¹⁶⁶ Для респондентов, которые столкнулись с репрессиями, но у которых нет подробного рассказа об аресте отца, темы одиночества/дружбы/помощи во время детства также становятся значимыми, однако несколько иначе. В тексте, с одной стороны проявляется устойчивое представление о сплоченности народа в войну, с другой стороны, значимым становится поиск «таких же как мы» в социальном пространстве села (последнее не свойственно «типичным» рассказам о войне): *«У нас в деревне было три вдовицы. У одной муж помер, а у второй тоже репрессирован. И наш репрессирован. И у всех по пятёрке ребят. У одной забрали на войну старшего. Но.. вот так. И все вот так, так и жили ведь. Но дружнее жили как-то, друг другу помогали. Если картошку станем садить.. Тогда не было.. и коней-то не было. Во время войны всяко было. Дак вот сегодня посадили у меня.. у нас, завтра у других»* [РАИ, 1931].

¹⁶⁶ В наших текстах событие репрессии подробно не описывается в рассказах респондентов только начала 1930-х г.р., то есть тех, кого событие войны застало в подростковом возрасте.

Если для респондентов 1920х годов рождения либо есть главное событие – раскулачивание, репрессии – либо такого события нет и разделение проходит только по периоду войны, то у респондентов 1930-х годов рождения война однозначно становится главным переломным событием детства. Жизнь ребенка резко разделяется на периоды «до войны» и во «время войны» (для респондентов 1930-1934 г.р.) и, иногда¹⁶⁷, на периоды «во время войны» и «после войны» (для респондентов, родившихся после 1934 г.)¹⁶⁸

В текстах, в которых центральной темой становится война, можно выделить две модели репрезентации памяти. Первая – тексты респондентов, в которых содержатся воспоминания о довоенном периоде, рассказанные самостоятельно либо подробно рассказанные о довоенном периоде в ответе на вопросы. Это чаще всего респонденты, родившиеся до 1935 г. Для них время прошлого делится: «до войны» и «во время войны», период «после войны» для них уже не входит в период детства. Вторая – тексты респондентов более поздних годов рождения, для которых память о себе начинается с события 22 июня 1941 г. либо с более позднего ухода отца на фронт. *«Ну что, я ведь и... первые года, ак я не помню. А только запомнила, в сорок третьем году как вот отца провожали в армию»* [ИАН, 1935].

Для многих респондентов 1930-1935 г.р. также характерно игнорирование периода детства до начала войны: *«Ну, детство. Сначала, конечно, пока не было войны, детство было более или менее. До одиннадцати лет. А в одиннадцать лет началась война, и тут, конечно, детство кончилось. Папа ушёл на фронт...»* [МНМ, 1930]. Событие ухода отца на фронт обычно подробно описывается по типу «яркого события»: *«Его в сельсовет вызвали. Нас туда не пустили. В окно смотрим: повезли и даже машина не остановились. Машина... В окно смотрим: он помахал рукой, мы помахали, я маленька, но помню»* [СВМ, 1935]. Важным событием

¹⁶⁷ В собранных нами нарративах день победы не всегда становится переломным событием

¹⁶⁸ Среди собранных нами текстов нет нарративов, в которых резко выделяются все три периода: до, во время, после войны.

становится также возвращение отца или известие о его гибели. Переломной может стать и потеря близких родственников из-за условий военного голода. Например, смерть шестилетнего брата и полуторагодовалой сестры.

Для респондентов значимо также начало активной помощи в хозяйстве. Некоторые респонденты в самом начале указывают, что «детства не было», потому что в шесть лет начала ухаживать за младшими детьми и выполнять работу по дому. *«ИАЕ: Дак, любушка, моё детство у меня закончилось в три.. в тринадцать лет, не было ещё мне тринадцати как закончилось. А если раньше, дак у меня его и раньше не было. Я с шести ча.. с шести лет уже работала. (...) А в шести лет как работала. Я в семье была первая как бы у мамы и у папы. Ну вот. А взади меня было семеро детей. Дак я в шесть лет уже была в няньках»* [ИАЕ, 1932].

Акцентируется внимание на возрасте, когда рассказчица научилась косить или пилить дрова, о чем часто повествуется в контексте описания «истории трудовой деятельности». Это событие может соотноситься с переломным событием, о котором подробно не рассказывается: *«А трудовая деятельность, можно сказать, началась у меня с тридцать седьмого года, когда мне было семь лет. Папу забрали, я была самая старшая. А тогда дрова, не теперь как трактора заготовят, пилой, электропилой спелят, а тогда была пила ручная, пилили. И вот мы с мамой, вот начинали, уж эта работа началась у меня с пилки дров»* [МВС, 1931].

Часто именно с началом войны или уходом отца на фронт ребенок приобретает навыки в ведении домашнего хозяйства, что запоминалось, вероятно, еще и потому что такой труд не считался в крестьянстве нормой для слишком малого возраста ребенка.

В описании периода войны важными для респондентов 1930х г.р. являются переезды и эвакуация. Об эвакуации во время войны подробно рассказывается. Она может стать основой для структуры нарратива. Подробно описывается сама дорога от одного населенного пункта до

другого. Описание эвакуации – устойчивый элемент меморатов о войне, такие эпизоды обладают сходными микросюжетами.

Человек использует знания, полученные им о «том периоде» после событий войны, для описания своего опыта или присоединения своего опыта к «большому нарративу»: *«И вот я... только... и з... здесь же мы... Вот как вам рассказать... У нас здесь были финны. У нас не были, вот, когда Великая Отечественная война началась, я этот уже период помню. Ошта вот которая там. Вот там стоял рубеж. Там такое историческое место. Там финн... финны не пропускали, вот там, как их остановили. И здесь, вот в этой стороне, вот по мосту как через реку ехать туда, в сторону Октябрьского может быть, не слышали, так? /МГ: Да./ В сторону Пудожа, будем говорить так. Вот там тоже были финны. И мы вот только сейчас вот уже, взрослые мы осознали, что мы тоже были в кольце в таком. Что кругом финны»* [ИАН, 1935]. *«А бомбили ещё, вот оштинска оборона-то, враг-то был унич... это... задержан на... в Оште, остановлен враг в Оште был. Дак знаете, самолёты-то летали. Самолё... Да, мы... мама на лошади меня с Вытегры-то вывезли. Впереди убило старика, на лошади ехал старик, и сзади убило. А мы в середине ехали, верно, не судьба, нас не убило»* [СВМ, 1935].

В контексте событий войны «поколением тридцатых» рассказывается и **о школе**. Для указания времени какого-либо события обучение в том или ином классе становится временным маркером. Стандартно упоминание, в каком классе училась респондент, когда началась война или отец ушел на фронт: *«Я училась в четвертом классе, помню, как мы были... Мама уехала отца провожать, а мы были... дома одни. Остались, а она поехала провожать, как война началась»* [НЗП, 1929]. *«Ну, жили, учились, я до четвёртого класса, до начала войны училась в селе Ошта»* [МВС, 1931].

Резким рубежом является перевод в другую школу из-за опасности обстрелов. *«А потом учиться мы стали, на Лемо-то четвёртый класс кончили, в Мегре была средняя школа, но она была не в Мегре, а в Понизовье.*

В центре боялись, тут, что были обстрелы. Ну и вот, это мы ходили за шесть.. за шесть километров в школу каждый день полуголодные, шесть километров. Три километра с Лемы до Мегры и ещё с Мегры до Понизовья ещё три километра. Вот надо было учиться. И вот учились. Значит, мы там (пауза) четыре, значит, там мы учились, наверно, три года, нет, два года мы в Понизовье ходили. Потом всё ж таки перевели школу в Мегру, и восемь классов я кончила уже в Мегре» [МВС, 1931].

Для данного поколения характерны повествования о войне, о том, «как жил народ», основанные на пропагандистком военном и послевоенном дискурсе, нередко взятом из школьных учебников и газет: *«Но пока он был в этом, на фронте, мама была председателем. Я помню, как женщины во время войны... это... не покладая рук работали. Боронили, на себе бороны таскали. Но хлеб государству сдавали. Молотили, вот... на фер... на... на складах молотили, и потом в ночь целая бригада этих, лошадей, обоз, хлеб государству сдавали, хлеб государству. Всё для фронта, всё для победы было. Всё для фронта, всё для победы. Женщины одни работали. Мужчин не было – все на фронте были. Молодёжь, вот в таком возрасте, молодые девушки работали очень хорошо. Молоды... вот подростки работали. Боронили, молотили. В общем, хорошо работали, все трудились во имя победы» [СВМ, 1935].*

В рассказах о военном детстве поколения тридцатых присутствуют два варианта окончания детства – это **устройство на работу в колхоз** или **дальнейшее образование**. Также значимо начало **работы в колхозе**. Отмечается и совмещение учебы в школе и работы в колхозе. Часты случаи, когда зимой учились в школе, а летом работали в колхозе. В войну учеба начиналась в конце октября, когда заканчивались все полевые работы, а заканчивалась рано весной. Как рубежная между детством и юностью описывается и проблема, продолжать ли обучение в старших классах, поступать ли в среднее или высшее учебное заведение либо устраиваться на работу в колхоз или куда-нибудь еще.

Респонденты нередко в начале самостоятельного рассказа в русле «официальной биографии» подробно описывают **хозяйство**. Это значимо особенно для детей раскулаченных, но также важно для тех, в чьих рассказах главной темой становится война – затем рассказывается о трудностях пропитания. Мир крестьянского детства восстанавливается как детство в окружении животных, позволявших выкармливать и даже воспитывать детей: *«Вот я как помню, со дня рождения, как стала я помнить, помню, корова, у нас всё время, долго корова была седая и без рогов. Да, у всех коровы вот в деревне рога, у нашей коровы рогов нет. Но ведь так она мне не нравилась! Я опять говорю: «Бабушка, почему у нас корова без рогов?» «Купим те мы корову с рогами». Ведь перед войной купили корову, год только держали перед войной красную корову. Вот такие очки на глазах, красная была, и рога вот так туда завёрнуты. Очень красивая!»* [МВС, 1931].

Итак, в нарративах респондентов 1930-х г.р. присутствует большее количество событий, чем в рассказах поколения 1920-х. Для рассказчиков значимы события плана личной истории, истории семьи, события, связанные с образованием, события локальной и глобальной истории. Более значимыми, чем в нарративах респондентов 1920-х г.р., становятся события, связанные со школой. Центральным же в рассказах выступает начало войны или уход отца на фронт.

Для некоторых респондентов середины 1940-х г.р. окончание войны и возвращение отца может представляться точкой отсчета для рассказа о всей жизни в целом. Респондент также повествует о голоде во время войны и в первое послевоенное время. *«Отец с войны вернулся.. С этого начать.. (...) Вот отец, говорю я, с войны пришёл (...) [Во время] Жили хуже, чем на фронте. Отдавали всё для народа, то есть для фронта отдавали»* [ИМТ, 1946]. Но данное событие уже не оказывает влияния на весь нарратив.

Отличие нарративов о детстве респондентов 1945-1952 г.р. от рассказов предыдущих поколений прослеживается в том, что в них нет

центрального события, воспринимаемого как единственный «символ судьбы». В воспоминаниях присутствуют события индивидуальной истории жизни, школьной «периодизации», истории семьи (переезды) и локальной истории.

В воспоминаниях респондентов 1945-1950-х годов рождения гораздо больше внимания к раннему детству. Например, упоминается, что ходили в ясли или в детский сад, присутствуют яркие воспоминания, связанные с этим периодом. Детство состоит из однородного дошкольного и разделяющегося на периоды школьного.

Если в воспоминаниях респондентов 1920-1930-х г.р. каждое яркое воспоминание встраивается в самостоятельный рассказ (или рассказывается как ответ на специально заданный вопрос о ярких событиях) только в связи с общим, «выводным» утверждением о детстве, то в воспоминаниях респондентов 1950-х присутствует много «казусов» без морализующих выводов, «микрособытий», которые «почему-то запомнились». Можно предположить, что такая структура рассказа о детстве отражает кардинальное изменение стратегий меморизации, связанное с началом радикальной трансформации личностного самосознания жителя сельской России (много факторов оказали воздействие на такой «личностный поворот», мы сейчас не будем рассматривать их возможный спектр и удельный вес каждого из них).

Приобщение к работе по дому в рассказах о послевоенном детстве также упоминается: *«И летом и на лён, и на сенокос, и везде ведь нас с маленького везде водили родители. Например, я уже с семи лет на стогах стояла»* [КАМ, 1952], но не становится настолько значимым событием, как для нарративов поколения 1930-х.

Главным временным маркером в воспоминаниях о детстве 1950-1960-х выступает **школа**. Структура некоторых воспоминаний представляет собой хронологический рассказ о периодах обучения в разных классах. События в школе могут становиться базовыми событиями, определяющими

эмоциональное восприятие периода детства. Как событие может упоминаться и смена учителей.

Для многих респондентов запоминающимся моментом становится **принятие в пионеры**, хотя это событие не функционирует в качестве временного маркера, отмечаемого в самостоятельных автобиографических повествованиях. Вероятно, как и в городе, «вступление в пионерию или комсомол было связано с чувством собственного взросления, ответственности и в то же время с будничным школьным ритуалом».¹⁶⁹

Важными событиями для «детей пятидесятых-начала шестидесятых» становятся **переезды**, которые особо значимы для жителей Ошты. Рассказ об этом событии встраивается в нарратив в любом случае, связан ли он с периодом детства или произошел, когда респонденту уже было 20 лет. В довольно длительных рассказах описывается, например, строительство дома.

М.В. Ромашова, анализируя воспоминания о городском послевоенном детстве в мемуарной литературе, пишет, что многие автобиографы отмечают как значимое событие смерть Сталина.¹⁷⁰ В наших интервью воспоминания о событии смерти Сталина не присутствуют. Как приобщение к коллективной памяти у разных поколений выступают иногда рассказы о поставленных и разрушенных памятниках, респондент может и не помнить о возможной дате сноса, указывая на широкое «после войны»: *«Я помню, в школу ходила, Сталин стоял, на постаменте Сталин стоял, памятник Сталину вот так, белый. МГ: А где он стоял? СВМ: В центре. МГ: Сейчас его уже нет? СВМ: Потом его трактором... трактором. Памятник против райкома партии, стоял памятник этому, Сталину. А потом трактором после войны-то, его трактором уничтожили»* [СВМ, 1935].¹⁷¹

¹⁶⁹ Ромашова М.В. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX – XXI веков // Вестник Пермского университета. 2005. Вып.: 5. История. С. 59.

¹⁷⁰ Ромашова. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа..

¹⁷¹ Об установке и сносе памятников говорят и в начальных автобиографических нарративах, описывая, например, пространство школы: *«Вот памятник Ленина когда тоже ставили дак, ну правда вот, вот как-то чё-то боялися, что памятник Ленина разрушат, дак как-то делали, вечером его делали. А вот теперь съездила в свою родную школу, и уже памятника Ленина нет, уже снятый»* [КАМ, 1952].

Для жителей сел значимыми становятся крупные события локальной истории, даже если они сильно не затронули жизнь ребенка, например, строительство Волго-Балтийского канала в 1960-х гг.: *«Я, например, помню вот строительство Волго-Балта когда началось, всё это помню. Вот около Волго-Балтийской водной системы жила, дак всё это помню, как, чего»* [КАМ, 1952].

Окончанием детства становится обычно поступление в среднее специальное учебное заведение, что происходит в более старшем возрасте, чем у поколений 1920-1930-х.

Как мы видим, в восприятии периода детства сочетаются события разного плана: индивидуальной истории детства, события, связанные с приобщением к домашней работе и школьной периодизацией, истории семьи, с локальной историей и с «макроисторией» страны. В крестьянских воспоминаниях больше присутствует локальная история, нежели история страны. Эти события имеют разное значение для индивидуальной истории детства и описываются по-разному в нарративах о детстве разных поколений.

У разных поколений «длина» детства различна. От поколения к поколению меняется степень насыщенности событиями, состав событий и их значимость. В воспоминаниях респондентов 1920-х г.р. конкретных событий излагается меньше, чем в воспоминаниях людей 1930х – 1950х г.р.

Как мы видим, в крестьянских текстах присутствует разное «мы»: «наше» семейное, преобладающее в рассказах поколения 1920-х, «наше» общенародное (всех возрастных когорт), присутствующее в рассказах о войне, «наше» детское в рассказах поколения 1950-х. Преимущественное присутствие коллективной или персональной памяти в автобиографическом рассказе о детстве всегда зависит от личности респондента и его отношения к ситуации интервью.

II.4. Субкультура детства в современном крестьянском биографическом нарративе

В воспоминаниях о крестьянском детстве выделяется три разных пространства для ребенка – это семья, где общение происходило с родственниками, школа и другие учреждения, где деятельность детей организовывали педагоги, и третье – улица, где дети были предоставлены сами себе. Эти темы неравномерно представлены у разных поколений. У старшего поколения больше присутствует тема семьи и родителей. У младших больше повествований о школе. Каждая тема представлена в разных типах повествования особым образом в зависимости от структуры рассказа, самоцензуры повествующего, разных стратегий меморизации, зависевших от различий в ценностных приоритетах той или иной возрастной группы. Рассказы респондентов одного поколения также различны по содержанию тем. Преобладание той или иной темы и «подтем» зависит во многом от выбранного для рассказа общего лейтмотива. В рассказах о «трудном детстве» улица и игры со сверстниками может быть совсем не представлена.

Основным предметом анализа в данной подглаве будут начальные автобиографические нарративы. Сюжеты, связанные со специфически детским опытом также во многом стереотипны, яркие воспоминания представлены редко. Сюжеты часто служат иллюстрацией к общим стереотипным утверждениям. Отдельные эпизоды часто представлены короткими рублеными фразами, они освещались иногда более подробно в лейтмотивном интервью. Поэтому для пояснения содержания начального нарратива, в этой главе мы будем обращаться не только к самостоятельным рассказам, но также, к другим частям интервью.

Семья

Рассказ о детстве в исследуемых нами текстах обычно начинается с описания пространства семьи, где ребенка окружали родители, нередко бабушки и дедушки, а также большое количество братьев и сестер. В начале самостоятельного рассказа о детстве респонденты часто подробно

описывают родителей. Тема родителей особенно широко представлена в рассказах о детстве респондентов 1920-х г.р. Описывается происхождение, образование, место работы, личные качества, связанные не только с ролью матери или отца. Для респондентов важно, например, отметить значимость отца в пространстве сельского сообщества. В рассказах респондентов 1920-1930-х г.р. воспоминания о событиях, связанных с матерью, в основном освящают ее заботу о пропитании семьи, заботу о здоровье ребенка и его одежде, указания по выполнению домашней работы. С отцом воспоминания респондентов того же возраста связаны со строгостью, например, в позволении допоздна «бегать на улице», а также с подарками, сладостями, принесенными из магазина, или привезенными из города (также с фронта). Значимы воспоминания о том, как отец занимался каким-либо ремеслом, например, рыбачил или шил сапоги. Рассказывается и о бабушках и дедушках, которые помогали в хозяйстве и пропитании, заботились о детях, изготавливали игрушки. В воспоминаниях рассказчиков 1945-1960-х годов рождения появляются сюжеты, когда мать участвует в решении конфликтов сына в школе, заботится о том, чтобы дочь была лучшей на школьных карнавалах.

Много в текстах повествований о помощи в хозяйстве. Крестьянский ребенок включался в домашнюю работу с самого раннего детства. Респонденты 1920-х г.р. обычно не помнят раннего детства, есть одно редкое воспоминание, как утверждает респондент, из четырехлетнего возраста: *«Ну, а четыре года, вот если вы хотите рассказать, послушайте, посмейтесь. Вот мне было четыре года, меня мама послала полоть морковку. Вот показала: вот такими вилочками трава - эту не трогай, остальную поли. А я вылола, что не посмотрю трава, вся вилочками, у меня чисто, гладко, хорошо. Потом веником отсегала, что я все вылола»* [ЛЗН, 1920].

Положение ребенка социальном в пространстве семьи определялось в первую очередь его соотношением по возрасту с другими братьями и сестрами. Для респондентов, которые были самыми старшими детьми в

семье, важной темой является уход за младшими братьями и сестрами. Эта обязанность описывается в контексте общей работы по дому, иногда является и подтверждением, что детства не было. Распространенный сюжет – надо нянчиться с младшими братьями или сестрами, а ребенок думает об игрушках. На эту тему много разнообразных рассказов. *«Ну и нянчила я, мама уйдёт, дак у бабушки мы оставались, но всё время б/ыла с детьми, и был у меня братец такой Коля с тридцать восьмого года был. Ну и играем, эти игрушки собираем, стружки-то все собираем, а мне надо его кормить. Вот такая длинная была это, лавка, такая скамейка от стены до стены. Я сижу, этого, беру Колю этого, что иди покушай. Кашу беру, молоко беру, начинаю его кормить, а сама гляжу, что другие-то дети игрушки-то эти всё хватают, дедушка делает, хватают, а у меня-то нету игрушек. И, [смеется] ой, Коле-то кричу, говорю: «Колька, ешь ты быстрее! [смеется] Игрушки-то ведь все возьмут, говорит, соберут». А потом Шура глядела, это двоюродная сестра моя была, она тоже в моем возрасте и тут же у бабушки тоже жила. Ну, а она говорит: «Да Тонька, что ты в ухо пихаешь Кольке-то, чего заставляешь [смеется] есть-то!» Вот такое было детство» [ИАЕ, 1932].*

Часто сюжеты строятся вокруг самого предмета зыбки. Старшие дети пытаются сесть в зыбку, вследствие чего она ломается. Распространен сюжет, когда старший ребенок оставляет малыша дома, сам выходит на улицу и качает зыбку с помощью веревки, в то время как веревка обрывается, а зыбка опрокидывается.

Быть старшей в семье – значимый момент для самосознания личности, который во многом влияет на представление о своей судьбе. Важный аспект в представлении «старших» о сравнении своей «участи» с тем, что досталось младшим – это образование. Респонденты, которые были старшими детьми в

семье, часто указывают на то, что из-за необходимости помогать родителям, закончили меньше классов, либо не получали дальнейшее образование.¹⁷²

Для «младших» тема общения со «старшими» показывается другой стороной. В их рассказах иногда повествуется о том, как обижали, обманывали, подшучивали: *«Ну играли там вот по-разному, всяко там играли, дак вот это. Я самая младшая была, дак меня всегда везде совали. И в крапиву иногда совали, а то маленькая, дак и крапивой нахлопают»* [МИЕ, 1962].

В воспоминаниях о войне становится значимой тема еды. В связи с этим особо ценны воспоминания из довоенного детства о сладостях, которые были дома или приносились отцом из магазина. Приведем в качестве примера начало ответа на вопрос о воспоминаниях, связанных с периодом до 1941 года: *«Детство до войны. Так, до войны папа работал счетоводом в колхозе и продавцом. Но тут, конечно, до войны детство было так, нормально. Помню, он приносил повидло с магазина. Это для нас в деревне, конечно, было дико. У нас же там яблонь почти не было. Ну, бублики всякие, пряники, внутри там начинка была. Вот это было, конечно, лакомство. Но сахар был, помню, большими головками, вот такие, как это, как стожок, головка стоит. Там было два дома у нас, летний и зимний. Так вот, зимой, когда в зимнике жили, а в летней комнате – там сахар. Там топорик стоял, и вот топориком тюк! - и на кусочки. Ну, сахаром, конечно, не баловали, потому что.. ну.. и денег не было тоже»* [МНМ, 1930].

Подобные воспоминания присутствуют и у респондентов 1920-х г.р. *«Яблочко, бывало, папа заработат денег по печной-то работе, бывало, конфетки вот такие длинные, мятные такие, красивые такие, и ещё и бумажками. В кармане нам... нам купит всем по конфетке. Ну, придет: «Ну, идите, ну, ребяташечки, давайте-ка подходите ко мне, конфеток дам». Вот*

¹⁷² Относительно образования оставались и представления о гендерных различиях: *«У нас у мамы два брата. Когда дедушка жил с бабушкой, они... он сказал: «Ребят нужно учить, сыновей, а дочь учить не надо». Вот мама кончила четыре класса, она должна прясть, знать готовить и уметь все делать по хозяйству. А сыновей он отправил учиться. Старшего сына, Диму, он отправил в Ленинград на летчика, он летчиком был. А младший, дядя Ваня у нас, он его отправил в техникум на... по... по связям... по телефонам... связь»* [КРП, 1935].

подходим, всем по конфетке нам. Радуемся-то, радостей-то. «У тебя там какая конфетка, покажи-ка?» Какие бумажки-то [Смеется]» [КАА, 1926].

В воспоминаниях респондентов 1950-1960-х г.р. встречаем сюжеты о том, что ребенок не любил некоторые продукты: *«Ну а потом перед школой меня решили сдать в детский сад. Естественно, я кофе, не знаю, почему, мы с сестрой не пьем ни кофе, ни какао. Вот я помню, что мне в детском саду, столик такой маленький поставили это, и я не... ни... как... как плохиш, в общем, взяла, это, вылила. «Что это, что вы тут мне дали, давайте мне чай». [Смеется] И мама потом покупала вот эти специальные, ну, там, я не знаю, на месяц поди, наверное, чай. И что, пожалуйста, девочке моей, когда у вас будет там кофе в меню или какао, дак вот вы, пожалуйста вот... ну как бы старайтесь ей это давать» [КСЛ, 1962].*

Присутствует в воспоминаниях и тема одежды и внешнего вида. Яркие воспоминания респондентов 1920-1930-х г.р.¹⁷³ связаны часто с вещами, подаренными на праздники. В 1920-1930-х гг. это была обычно одежда, привезенная отцом из города: *«Один год привез он [отец] мне пиджак. Такой вот... боковые карманы. А пиджак-то он зимний. Так я летом ходил в нем. По всей деревне [смеется]» [ЛСИ, 1927].* Покупная одежда была редкостью и особо ценилась, в основном одежда для детей изготавливалась самостоятельно родителями. Поэтому подарки из города были особой ценностью.

Отца мог «замещать», например, дядя из города. «Обноски» двоюродных сестер – отдельная тема для воспоминаний: *«Нас всё обеспечивал этот дядюшка. Он потом женившись, он женатый был, у них была дочка Муза, [...] То обноски привезёт эти Музины. Ну вот. А так оттуда всё. Купит, и нам привозил, дак у нас, всё мы носили вот это вот дядюшкино. Он у нас был вместо отца. Вот» [МВС, 1931].*

¹⁷³ Яркие эпизоды респондентов 1945-1960-х г.р. связаны большей частью с экскурсиями, поездками, пионерской организацией. В рассказах респондентов 1930-х г.р., чья репрезентация детства больше склонна к лейтмотиву «было трудно, но весело и хорошо» яркими представляются воспоминания о выступлениях в художественной самодеятельности.

Родственники из города выступали и «информаторами», а также могли привозить особую редкость – заграничные вещи: *«Он [дядя] летал в Германию, везде, он только сказал, когда приезжал последний раз, сказал: «Настя, у нас будет война, война с немцем. Вы думайте, живите и собирайте, что война будет с немцем». Он уже знал. Ну да, он привозил ей шторы. Привез. У нас в деревне ни у кого не было штор плюшевых. [...] Я помню, вот мне он привез туфли, ботинки такие. Я их носила не знаю сколько, они так и сгорели у нас потом. Помню платишки мне привез, прислал красивый такой коротенькие платишки. Ну, так же не носили тогда такое. Мы ж носили во, холщевое»* [ВЕД, 1928]. Иногда подарки из города или из Германии оказывались настолько «хороши» для села, что осуждались детским сообществом.

Приезжающие из города в село дети были примером для подражания. В воспоминаниях присутствуют эпизоды, когда дети сами пытались переделать себе одежду: *«Ну вот. Ну, приехали у нас ленинградские пацаны, они все в шортах. А как же, нашим ребятам так хочется, пацанам, тоже поди шорты. Он приходит, говорит: «Рая, как я хочу иметь такие штаны короткие». А я говорю: «Сымай. А мы сейчас обрежем твои» – вот эти вот, с брезентухи. Ну, он снял. Мы поискали, поискали ножны, нигде не нашли. Я говорю: «Ложки на чурку». Он положил на чурку. Я, говорю: «Положи туда палочку» – положили. Я говорю: «А топором буду рубить это». Ну, он положил штаны, это снял, положил палочку, я топором хлясь, хлясь, хлясь – всё, отрубили мы с ним штанины. Он одел, одна длинная, другая короткая. «Давай другую подравняю». Мы эту опять, эту подравняли. Одел, стал в коротких штанах. Вдруг приходит мама с работы, а у Саши... она на него смотрит: «Это что такое?» Я говорю: «Он ребят [неразб. – увидел?], приехали, у них у всех короткие штаны, а Саша тоже хочет короткие штаны». Как она нас била вот этими отходами штанами! [смеется]. Вот эти штаны, которые остались, она и меня и его, и меня и его этими штанами. «Да в чем же он пойдет в школу! Да ты понимаешь, мне больше*

не с чего шить! Последняя юбка, больше всё... Что ты наделали вы, вы думали головой!» Вот сидим мы с Сашей, плачем и шиваем вот эти штаны с ним. [смеется]» [КРП, 1935].

Девочки тоже стремились быть похожими на тех, «кто побогаче», некоторым удавалось изготавливать из подручных средств туфли на каблуке, следуя «городской моде»: *«Бедно жили, ничего не было. Вот. А другие-то дети жили побогаче. Вот. И надо было.. туфли захотелось на высоком каблуке, не было. Ну и вот, и что. Я говорю.. мы.. двум подружкам я говорю: «Давайте сейчас придумаем себе тоже туфли на каблуках». Ну были какие-то у нас босоножки по-моему. Ну вот к этим босоножкам (ведь надо додуматься!) вот эти [взяла в руку катушку ниток] [смеется]. Вот эти были как-то приделаны каблуками. Вот эти, катушки. Так вот катушки вместо каблуков. Ну, потешно было, обшивали, обшивали тряпкой, чтобы.. так ведь видно» [МВС, 1931].*

Проблема социальных различий выражалась и в наличии/отсутствии покупных игрушек. *«Ну, дак вот приехали в соседний дом к нам, семья приехала, и вот такой шарик у них был [показывает] такой величины ярко-ярко-розовый. А у нас-то игрушек не было, а у меня в этом доме жила подружка как бы мы девчонки дружились с этой девочкой, звали её Шура. И вот я рас прихожу туда, дак этот шарик на стене вот так, как бы вот тут повешен этот шарик. И я потом в каждый день бегала туда глядеть только на этот шарик. И всё думала, что [смеется] если б у меня хоть один бы такой шарик был бы, я бы только на него любовалась! Вот так [смеется]» [ИАЕ, 1931].* Игрушки могли дарить родственники или соседи в деревне: *«Вырезал, там у нас дед был такой, рядом жил. Он вырезал нам, и куклы вырезал там, и собак вырезал, помню, и зайчика вырезал. Дарил нам» [ВЕД, 1928].*

Но чаще всего в рассказах о войне присутствуют утверждения, что «игрушек не было» и «все делали сами». *«Ну а до войны какое-чего я помню. До войны игрушек у нас никаких не было. Игрушки, летом играть охота*

было, дедушка у нас был, строгал, посуду делал деревянную. Ак вот это стругу строгал, дак мы вот эти вместо игрушек вот эти стружки все собираем, тогда такие красивые стружки нам казались» [ИАЕ, 1932]. Формула об «отсутствии игрушек» означает отсутствие фабрично изготовленных, купленных в магазине игрушек. Функция производства игрушек для детей (внуков) лежала на дедушках, и в целом, вероятно, на всех стариках деревни.

Если в воспоминаниях респондентов 1920-х г.р. значимыми подарками для детей были предметы одежды, то в рассказах о «довоенном» детстве яркими воспоминаниями становятся эпизоды о подаренных игрушках: *«Яркие воспоминания – мне мячик купили [смеется] резиновый. Ни у кого не было мячика, у меня мячик. Папа привёз мячик» [МНМ, 1930].*

Проблема «покупное или изготовленное дома» могла возникать и для еды, для детей порой важнее был внешний вид продукта: *«А хлеб пекли нам дома. Вот это всё было до войны. Хлеб пекли нам дома. Вот круглой буханки. Мы в колхозе работали, давали мукой. Вот, а люди-то, вот которые, родители у которых детей-то, работали, ак ведь деньги были. [...] Вот, и я говорю, дай, бабушка, денег, и я пойду куплю хлеба. Ну, бабушка мне дала. Копейки тогда хлеб-то был, я не помню, сколько копеек. Ну и вот, и я пошла. Принесла эту буханку хлеба, ребятам говорю: «Ребята, у нас сегодня будет праздник!» А они говорят: «Какой праздник?» Ну вот, я говорю: «Я купила магазинного хлеба». Радость какая была на буханку магазинного хлеба! Вот, люди, видишь, видела, что едят подружки, а у нас всё круглый, а мне охота длинного» [МВС, 1931].*

Если в 1920-1930-е предметом зависти были покупные игрушки или платья, то для младших поколений социальные различия определялись другими вещами. Свидетельством относительного благополучия (для 1950-х), а вскоре и «необходимого» для «полноценного» детства предмета, выступал велосипед, для детей постарше – мотоцикл: *«Большого богатства изобилия же не было раньше. Но в то же время вот то, что надо нам,*

всегда было. Вот велосипеды, например, уже мотоциклы... вот брату-то ковровец такой небольшой, помню, подростком был уже куплен [ЕЛС, 1945]. Если в доме не было велосипеда, то это отмечается, дети могли брать велосипеды на прокат: *«Велосипедов не было, были дорогие. Брали за прокат велосипедов 15 копеек в сутки. Ну, катались»* [ВНВ, 1960].

Школа и другие образовательные учреждения

Заметно представление респондентов об обязательном наличии в биографическом рассказе темы образования. Рассказы о школе присутствуют во всех начальных биографических нарративах, но значимость пространства «школьного» и ценность его содержания в жизни ребенка для разных поколений разная. В некоторых рассказах респондентов 1920-х годов рождения только вскользь упоминается о сроке обучения. В рассказах респондентов 1950-х г.р. события, происходившие с ребенком в школе, могут стать центральными событиями в воспоминаниях о детстве. Особенности репрезентации темы школы в каждом отдельном воспоминании тесно связаны с общим лейтмотивом рассказа и центральной темой нарратива. Отдельные сюжеты, связанные со школой, например, особо устойчивы в меморатах о войне, когда повествуется о трудностях военного времени респондентами 1930х годов рождения.¹⁷⁴

Если рассказчик в воспоминаниях о детстве 1930-1940-х гг. переходит на более подробное повествование о школе, он часто дает ее внешнее описание. Иногда указывает количество зданий и тип построек. Для обозначения начальной школы в целом может служить название «деревянная школа». Респонденты 1920-х г.р. не забывают упомянуть о том, что специально построенное здание отсутствовало, а для занятий был выделен какой-либо жилой дом. *«Сначала в деревне школы были у нас, не было школы выстроены, просто в домах. Пусты квартиры были дак мы училися»* [ФВК, 1921].

¹⁷⁴ Такие как «одна обувь на всех детей в семье». Устойчивы отдельные упоминания, не развивающиеся в длительные рассказы, например, о том, что писали в школе на книгах и газетах.

В рамках устойчивого представления о том, что «раньше и детей в селе было больше, и веселее было» значимым становится само количество детей в школе. *«Ну мы учились, школа у нас, правда, была, в Гуляево ходили. Большая школа. Было начальная, но до четырёх классов, но в каждом классе было по два. Первые два и так далее, два вторых, два третьих, два четвёртых. Очень много было детей»* [ИАН, 1935]. Здесь проявляется дискурс современного «угасания» деревни. *«Молодёжи-то много, сто двадцать учеников было, когда я училась. А теперь и школы нет дак. Теперь и школы нет, девочки. Вот в Маринской школе сто двадцать человек было, когда я училась»* [СВМ, 1935]. Такие утверждения характерны и для респондентов 1950-х г.р. *«Ну, в классах ведь много было у нас ребят, помногу ребят было, чем теперь. Классы-то были большие тогда. Даже по два класса было, «А», да «Б» классы, а теперь одного класса они набрать не могут»* [КАМ, 1952].

Наличие школы в своей деревне или в соседней немаловажно для крестьянского ребенка. Школа была местом экстраординарным, добраться до нее составляло серьезную проблему. В воспоминаниях обязательно упоминается, насколько далеко была школа в километрах. Перечисляется, что было по дороге в школу. В воспоминаниях респондентов 1930-х г.р. дорога до школы описывается в контексте сложных жизненных условий в войну. Единственная фраза о школе в нарративе может звучать следующим образом: *«В школу не.. школа была от нас далеко. Вот мы жили.. как бы отсюда тридцать километров ещё туда, к Ленинградской области. А в школу надо было вот в Нижнюю Водлицу идти, отсюда десять километров. Обуть нечего было...»* [ИАЕ, 1932]. В связи с удаленностью школы важным становится событие начала посещения семилетней школы: *«Ну это, значит, сорок второй год. Четыре года я училась в этой деревне, в Сюрге. Четвёртый класс закончила, перешла в пятый класс. В пятый класс надо было три километра. Зимой, мороз, метель, иногда и дороги нет, мне приходилось на лыжах ездить через болото. А лыжи какие? Тяжеленные,*

широкие такие, охотничьи, путних лыж-то не было. И купить негде, и не на что было купить» [МНМ, 1930].

Для 1950-1960-х также сохраняются воспоминания об удаленности школы как важная характеристика данного учреждения. *«Ну чего сказать, школа, школа у нас рядом, а у него (у мужа) вот школа, школа далеко, а у меня, например, рядом школа была» [КАМ, 1952].* Но о далекой дороге до школы в нарративе о послевоенном детстве может говориться уже и с положительной стороны: *«Ну а чо, детство, я вспоминаю, не плохое было, неплохое, иг... вес... весёлое. Школа далеко была, зимой отец на лошади в санях даже нас возил. Деревенских насадит многих и свезёт, потому что метель иногда, дороги замело. Всё, так что жили хорошо» [ЕЛС, 1945].*

Процесс обучения, предметы, оценки в школе респонденты всех опрошенных поколений сельских жителей редко описывают, объясняя это тем, что не было ничего специфического. *«В школу ходили, дак в школе, там занятия; так же, как и сейчас всё было, и хорошо, и всё нам нравилось» [ИАН, 1935].* Некоторые респонденты считают нужным упомянуть в одной фразе об успеваемости. Для респондентов 1920-1930-х г.р. характерно, что речь в этом случае идет не об одном лице, а о нескольких либо целой недифференцированной группе. Не всегда ясно, говорится ли о детях в семье, либо подразумеваются еще большие группы: *«А в школу ходили, дак ну что, учились нормально мы» [ИАН, 1935]. «Учиться мы не учились, мы три класса с горем пополам, только расписаться умеем и всё. А потом уж просто так по науке» [БЭГ, 1929].* Показателем образованности или хорошей учебы для респондентов 1920-1930-х г.р. часто становится красивый почерк.

Для респондентов 1920-х г.р., большинство которых закончили только начальную школу, воспоминания о школе ассоциируются с личностью учительницы, которая вела уроки одна все четыре года. *«В одном всё помещении. Всё одна бедненькая. Такая хорошая, Анастасия Алексеевна. Я так ее помню, она самостоятельная женщина была, румянькая, щечки. И*

вот столько нас было народа» [ВЕД, 1928]. С учительницей связаны эпизоды с обучением, с играми, с хозяйственными работами. «А летом вот, ещё учительница, дак, ходили в колхоз, пололи яровые, там, овёс, ячмень, этот, какой тебе, пшеницу. Ходили с учительницей, вот артелью, идем всем классом, полем. А это, (нрзб) большая, дак у нас у каждого по ножкику» [РАИ, 1931].

Тема труда в школе и поддержки работы школы в сложных военных условиях активно затрагивается в воспоминаниях респондентов 1930-х г.р. Жители помнят о том, как заготавливали дрова для школы. *«Плохое детство было. А потом даже заготавливали дрова для школы. Вот с Зоей и с Изотовой. Сами ходили, для школы заготавливали дрова. МГ: Школьники? СВМ: Школьники. Ходили, заготавливали дрова для школы. На санках возили. На санках возили дрова, чтобы школу натопить. Вот, девочки» [СВМ, 1935].* Этот момент может стать для рассказчика и иллюстрацией к общему заключительному выводу о детстве в конце интервью: *«А детство-то было, – на себе дрова носили. Дома и в школу, и поленили... поленицами» [СВМ, 1935].* В воспоминаниях о периоде войны рассказ о школе позволяет респонденту показать помощь взрослым со стороны «поколения детей» в условиях всеобщей беды. Упоминается, например, что на уроках труда изготавливали одежду для фронта.

«Школьные работы» отложились и в памяти о детстве 1950-1960-х гг.: *«А зимой дак.. зимой тоже, когда собираемся.. школа.. так всё больше мы в школе, всё в школе, вот школьные работы всё исполняли вот там. Скажут, школьную работу исполняем. Школьную работу, а так.. В бригаде работали, сначала лагерь был, потом бригада, работали в бригадах, пололи картошку, пололи гибрид. В школе.. вот как мы в школе» [МИЕ, 1962].* Школа репрезентируется как место учебы и обязательного труда. Стереотип школы – места принудительного труда складывается еще для поколения 1930х и продолжает транслироваться на протяжении всего изученного периода.

Респондентом поколения 1950х гг. отмечается эстетическое впечатление от пространства вокруг школы, создаваемого самими детьми: *«Но школа дак вся в цветах была, всё цветы, всё ухаживали летом, около школы цветов. И сейчас-то вот ездил, дак цветы у школы есть, очень даже хорошо»* [КАМ, 1952].

В рассказах о школе 1920-1950х гг. обязательно присутствует также такой важный сюжет детских воспоминаний, как еда. *«А когда мы.. поступила я уже в седьмой класс, это очень запомнилось, школа, очень хорошо. Нам, как большая перемена, в школу придут, по чашке чая принесут и по кусочку хлеба. Это был сорок-то седьмой год тяжёлый»* [КВТ, 1933].

Важная проблема для детей 1920-1930-х г.р. – что одеть в школу. Распространенный сюжет: одна обувь на всех детей в семье. Такие сюжеты являются предметом воспоминаний в ситуации общения между самими жителями деревень: *«У нас в прошлом году встреча выпускников была. Юбилей школы был. (...) Ну, они приезжали, и мы вспоминали, как это жили-то. За подснежной клюквой ходили весной. Говорю, как нас родители отпускали за подснежной клюква... клюквой – нечего было обувь. Босиком. Только снег сошёл, и вот ходили. А он вспоминал: «Валя, - грит, - помнишь, у нас одни валенки были, на трёх детей одни валенки. Лида в Андому уйдёт, а мы, - говорит, - обувь нечего». Босиком с Юркой бегали. Валентин и Юрка – два брата. Вот в Маринскую школу. Под себя, говорит, подвернём ноги, и так на уроках сидели»* [СВМ, 1935].¹⁷⁵

Отношения с одноклассниками мало присутствует в текстах всех трех поколений. Респонденты ограничиваются общими утверждениями «мы были дружными», выражающимися, например, в том, как большой группой вместе ходили из деревни в школу. Тема отношений со сверстниками в школе может стать важной в рассказе того респондента, для которого значима тема

¹⁷⁵ Ср.: Катриона Келли. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху; Анна Тихомирова. Микки-Маусы на майках: детская одежда в СССР, 1950-е-1980-е гг. // Теория моды. Вып.8: Детство, 2008.

этнокультурных отношений.¹⁷⁶ *«И такая у вепсов была кликуха – «кайван» дразнили, «кайван». А культурная назывка, но так не называли, – «белоглазые. (...) Прибежали в класс ко мне на большой перемене и сказали, что вот, кайван, твою сестрёнку остригли, твою сестру остригли. Ну а я бы прибежал туда, к ней в класс, ну я в пятый, она в третий класс ходила. Сидит на парте, там её там тыкают: «Ты кайванка». В общем, я тут, короче говоря, ну отбил сестру, короче, чтобы не дразнили там, там не тыкали. В общем, стул сломал одному об голову, в общем, натворил тут. Но отбил» [ИМТ, 1946].*

Школа представляется местом, где было массе ребят «весело и интересно», где на переменах с детьми играли учителя. *«А в школу ведь вот ходили. Теперь не знаю как, а тогда, что. В школу придешь, перемена, а учительница с нами в коридоре играет какую-ни игру. В общем, жили плохо, но было весело и радостно» [РАИ, 1931].* Однако в начальном автобиографическом нарративе редко присутствуют подробные описания игр. Женщины-респонденты поясняют об играх в школе только в лейтмотивном интервью. Мы видим, что игры в школе были наполнены символикой крестьянской работы: *«Так и игры вот, кругом собираемся и вот это, или вот одна сторона там, или как, и с этой стороны дак вот, например: «А мы просо сеяли, сеяли». Подходишь и это, а они поют: «А мы всё вытопчем, вытопчем». Опять наша сторона, например, поёт: «А чем же его вытоптать, вытоптать?», а они говорят: «А мы коней выпустим, выпустим». – «А мы коней в плен возьмём, в плен возьмем». Опять они поют: «А мы коней выкупим, выкупим». – «А чем же вам выкупить, выкупить?» – «А у нас девица есть» (смеется) Забыла уж» [РАИ, 1931].* О такой игре помнят и респонденты из Ленинградской области. Рассказчица вспоминает, как игра заканчивается: *"А чем же вы вытопчите, вытопчите?" - "А мы коней выпустим, выпустим", вот такая ерунда была, потом в плен*

¹⁷⁶ Ср. общее представление о детстве респондента: *«Короче говоря, всё.. всё детство.. почему и это... Иногда рассказываешь... даже со смехом, а так дак. Всё.. Дак всё всё.. Ну всё детство было сопротивлением. Чему-то надо было сопротивляться, отстаивать себя, за сестёр» [ИМТ, 1946].*

возьмут там чего-то. Потом даем выкуп девчонку, скажут какую девчонку или мальчишка. И поем: "В нашем полку убыло, убыло", а там: "Прибыло, прибыло", и ихнем. Так все играли, это мы на перемены играли да» [ИЕИ, 1926]. Респонденты 1930-х г.р. отмечают также, что «в школе играли в ручейки. Потом, в колечко играли: «Колечко, колечко, выйди на словечко». Вот так» [СВМ, 1935]. В воспоминаниях младших поколений 1950-1960-х гг. игры также разделяются на «уличные» и те, в которые играли в школе.

С представлением о школе, как месте, где «интересно и весело», тесно связаны воспоминания об участии в общественной деятельности школы, в художественной самодеятельности. Яркие единичные воспоминания респондентов 1930-х г.р. больше всего связаны с участием в школьных постановках. *«Ну потом уже поболь.. побольше я стала, война идёт, мы в школу ходили, выступали в школе, война началась когда. Я выступала, помню хорошо, стихотворение рассказывала. «Вороне, где-то там, говорит, человек, послал кусочек сыру... (...) Вот так, сценки играли песни пели» [КВТ, 1933].*

Важное место в околошкольной жизни детей занимал местный клуб. Если в деревне не было клуба, а школа не уделяла внимание культмассовой работе, дети могли сами организовывать концерты в приспособленных помещениях. *«И концерты ставили, мы сами артисты были всей деревней. Девчонки соберёмся, и вот эти кто-то там, или библиотекарь, или завклубом, они нам... руководят нами, и такие концерты ставили. И под баян, были парни, которые играли. И вот концерты ставили, песни пели, стихотворения говорили, стихи читали, частушки пели, пьесы ставили. Всё, всё было, сами. А пока клуба там не было, в церкви, где-то на квартире, вот дом там, ещё в той деревне дак целый стоит. Вот Карпина Антонина Ивановна-то рядом с магазином. Дак вот попросимся, у кого такое, пустует там половина, вот и там намоем всё сделаем и концерт... занавески каких-нибудь там навесим, и всё, и концерт. И вот как-то было,*

заинтересованность такая, что нас никто не заставлял, а вот мы всё хотели делать» [ИАН, 1935].

Отсутствие клуба и внеклассной работы в школе могло замещаться другими детскими учреждениями. Например, дети, жившие в семье, проводили время в детском доме. *«Всё время туда ходили к ним на всякие там с... у них там спектакли, ну всё было у них там, кружки всякие. Вот у меня тётя работала поваром в этой, в детдоме. Дак я всё время туда ходила, и нам очень нравилось. Мы-то же этого не видели из школы» [ИАН, 1935].* У детей войны осталось представление о том, что в детских домах дети жили лучше, чем во многих семьях. *«Детдомы раньше были – это не такие, как сейчас детдомы. Вот у нас, я и говорю, был детдом, дак они были с иголки все одеты. И все обутые, одетые. Всё там у них было дак. Против нас они были... шикарно ходили» [ИАН, 1935].*

Участие в самодеятельности для респондентов 1945-1960-х г.р. также важная составляющая воспоминаний о детстве. Такой опыт становится важным для саморепрезентации рассказчика: *«Любила очень выступать в художественной самодеятельности с детства. И здесь сорок лет была на сцене, пела, ходила в народный театр, вместе с мужем ставили спектакли, есть очень много фотографий, и есть большая кассета, где праздновали мне юбилей – тридцать пять лет на сцене» [ЕЛС, 1945].* Художественная самодеятельность могла стать тем центром, вокруг которого структурируется рассказ о всей прожитой жизни.

Школа в восприятии респондентов представляется как место для самореализации. Рассказчики нередко описывают свое активное участие в жизни школы. *«Что помню ещё. В школе училась, была активной. Доклады писала, тоже всё писала. (...) Так в школе интересно было, не как сейчас. Больше у нас было, как бы сказать, всего, вот, стремления к чему-то, как-то жили будущим» [ВНВ, 1960].* Респонденты помнят событие принятия в пионеры через память о внезапной трансформации обычного школьного интерьера. *«Ну, я скажу, что вот в пионеры принимали, дак такое костёр*

электрический у нас делали. Такой костёр электрический был в классе. Нас принимали где-то, наверное, на двадцать первое, на день рождения, кажется, Ленина. Вот костёр такой электрический, помню, был. В классе и у костра принимали. Очень даже. (...) «День пионерской организации тоже хорошо помню это» [КАМ, 1952].

Школьное здание преобразуется и во время бала-маскарада: «На карнав... в школе очень часто устраивали, каждый год карнавальные эти вот бал-маскарады. Она (мама) меня всегда наряжала, и я занимала всегда призовые места в школе. Да, и даже было, ездила на районные, вот этот бал-маскарад и там занимала призовые места» [ЕЛС, 1945].

Во многом определителем благополучного детства в 1950-1960-е гг. является возможность осуществления в детстве поездок из села в город, проводить лето в пионерском лагере. «Ну, ездить ездили. Я, например, родителей в седьмом классе в первый раз.. ну, не в Питер, а в Ленинград в первый раз меня отправили, я вот ездила. А потом в Белоруссию ездила в первый раз вот, наверно, в классе в котором.. наверно, в девятом классе в первый раз в Белоруссию ездила» [КАМ, 1952]. «И вот сколько, до десятого класса вот меня мама зимой... каждую зиму в зимние каникулы, или весной, в крайнем случае, я всегда ездила в Санкт-Петербург. Ну тогда Ленинград был. То есть все вот эти кунсткамеры и Эрмитаж – это всё вот у меня со школ... как бы со школы ещё у меня осталось» [КСЛ, 1962]. «Была возможность в пионерские лагеря отправлять детей. Мы ездили вот. Вот сосед у нас ездил в «Артек» даже» [КСЛ, 1962].

Для тех, у чьих родителей не было такой возможности, поездки и экскурсии становятся значимыми в связи со школой. О них также рассказывают в ответе на вопрос о ярких воспоминаниях. «И: А помните какие-то самые яркие воспоминания из детства? Р: Ну.. мне.. как-то раньше не запоминались. Мы.. у нас таких, чтобы ярких-то, не было такого, чтоб запоминать там что-то. Ну там, если вот когда от школы ездили, то, например, ездили мы в Ульяновск, в Волгоград по путёвкам. Вот они вот

поедут, вот учителя нас собирали вот группами и возили вот. Дак вот такие воспоминания, что вот поглядели вот города, а так дак. Москву, да вот Ульяновск, да Волгоград, да вот в такие нас города возили. Что.. дак и то с учителями» [МИЕ, 1962].

Другим значимым видом досуга для детей были походы в кино. В организации просмотров школьники также принимали участие именно как служащие школы. *«А в кино ещё как было. Это, как его, у нас было организовано, сами пропускали, сами продавали билеты, это было с этого, со школы организовано» [КАМ, 1952].* Респонденты вспоминают, что ходили в кино каждый день, упоминают любимые фильмы. *«Ну что ещё. В кино мы ведь всё время ходили. Помню, билет был детский пять копеек, взрослый – двадцать копеек. Вот, не помню, наверно до восьмого класса мы как дети всё ходили, а потом уже как постарше стали, стали проситься у родителей на... ну на взрослые сеансы, вот по двадцать копеек. В кино ходили. И это, понедельник у нас только был выходной в клубе. А вот каждый день мы всё в кино ходили. Или мультики, или... очень любили индийские фильмы двухсерийные, шли в клубе» [КСЛ, 1962].*

Пространство улицы

После занятий в школе и выполнения всех работ по хозяйству в доме, главным стремлением ребенка было «побегать на улице». Крестьянский дом не предполагал отдельного пространства для детей в доме. Социализация ребенка проходила во многом среди сверстников вне дома и вне школы. субкультура детства обязательно включала в себя «улицу».¹⁷⁷ Сельские жители вспоминают в основном уличные подвижные игры: «лапта», «рюхи», «гонять попа», «чижик», «классики», «прятки», «жмурки», «магазин», «салки», «чехарда», катание на качелях, хождение на ходулях. В воспоминаниях респондентов всех поколений отличительным свойством деревенского пространства представляется его разнообразие и безграничность. *«Ну а прятки, дак у нас сараев, да деревьев, да всего, дак у-*

¹⁷⁷ См.: Шлюмбом Ю. Школа жизни: размышления о социализации подрастающих поколений в доиндустриальной Германии // Развитие личности, 1, 2007. С.81-106.

у-у, в деревне интересно было» [ЕЛС, 1945]. Пространство для игр не ограничивалось, как в городе, двором. «И: И места не было, вот куда, например, родители не пускали детей без старших? ВЕД: Нет. И: В лес какой-то или..? ВЕД: Нет. Всё... что-то мы как-то сами по себе всё бегали» [ВЕД, 1928]. Осваивались ближайšie поля, посадки, дороги до других деревень. «Безграничность» окружающего пространства отложилась в эмоциональном восприятии игр: «За два километра убежим по дороге – это папа гоняли. <...> Такой городок, напилим этих, таких круглых и... один бросит, потом второй бросат дальше, потом опять третий. И так... молодежи-то много... » [СВМ, 1935]. Ограничивалось родителями лишь время для гуляний, что может стать одним из ярких воспоминаний о детстве: «Папа, вон девчонки кричат, на улицу, в лапту поиграть, можно сходить?» Он меня вот так возьмёт за руку, вот так вот (показывает, берет за руку): «Пойдём, Настенька». Под.. подведёт меня к часам, старинные часы такие, три гири и три этих, шесть, с боем. Под.. подведёт меня к часам и говорит: «Ну, вот, Ася, вот, смотри, вот эта стрелка, вот раз обойдёт кругом, два обойдёт, три обойдёт, а маленька как будет вот на девяти, на девять – чтобы быть дома. Не будешь дома вовр/емя, ну, дак, знай, что будет завтра утром. Вот, ремень сниму. (...) А мама-то выйдет в сени-то и говорит (шёпотом произносит): «Ася, если вдруг забегаешься, загуляешься, так, у меня на дворе будут ворота открыты. Тихонечко зайдёшь по двору». (Смеётся). Или скажет: «На кухне будет крючок снят с окошка». Это летом дак, с окна. «Так тихонечко зайдёшь, чтобы тихонько, чтоб отец не слышал». (Смеётся). А какое, разве в девять придёшь, с девками-то заг.. за.. забегаешься, загуляешься. То на качели там качаемся, то в лапту играем, то в рюшки, там, всё играем» [КАА, 1926]

Лапта, рюхи, качели – наиболее часто упоминаемые игры респондентов 1920-1930-х г.р. Наличие предметов для игр – значимый момент в воспоминаниях. В описании игр изготовление предметов бывает важнее описания правил игры. Одним из самых необходимых предметов был мячик,

изготавливавшийся из различных средств: *«Не было ничего, дак вот мячик даже из шерсти, не было мячей, дак из шерсти делали. Вот с коров начешем шерсти и вот такой мячик сделаем, и вот в лапту играем»* [СВМ, 1935]. *«Потом, повзрослее когда уже стали, стали играть в пороха/а, на крыше вот делать, мячик кидать. Мячики шили. Ткут кросно, лён вот ткут, когда на половики, там на матрасы, на всё, дак пух под.. валится, дак там пуху собираем вот этого и нашъём крепкие-крепкие. Вот в эти мячики, тряп/ушные были мячики, играли, в пороха водили»* [КВТ, 1933]. Респонденты 1950-1960-х г.р. упоминают уже другие игры с мячами: *«Да играли в разные игры. То в футбол играли, то в баскетбол, то в волейбол, вот такое у нас всё было как-то детство, вот так»* [МИЕ, 1962].

Большое количество детей – значимый аспект в воспоминаниях о детстве, что противопоставляется современным наблюдениям рассказчиков. *«Собиралось нас... Вот у всех семьи были большие. Собиралось нас, как его, с деревни, дак у одной семьи пять человек, у другой семьи, вот у нас, например, тоже была.. много. Вот так соберёмся и побежим там вечером играть»* [МИЕ, 1962]. *«Ну, больше дружили этими, как его, как сказать, больше в семьях было детей-то дак. Больше семьями дружили, больше ребят, чем теперь вот. Ну что вот, один внук, дак чем ему заняться? Надо ему компания, или садик, или что-то. А у нас ведь побольше ребят было. Пойдёшь на улицу, ак всё общее, все вместе»* [КАМ, 1952]. Большая компания устойчиво ассоциируется с ее дружностью: *«И гуляли, все были дружные, скопом. Никто не обижали. Рожь растёт такая, идём туда по полянке, все в обнимку девочки»* [КВТ, 1933].

Кроме игр было много и других развлечений. Зимой дети также все свободное время проводили на улице. *«Прыгали раньше с этих, съезд. Со съездов прыгали в снег, в сугробы»* [СВМ, 1935]. Дома изготавливали лыжи, были и коньки: *«На лыжах катались, на коньках катались и всё, досуг проводили, дак всё равно хорошо»* [ИАН, 1935]. Самое распространенное зимнее занятие – катание с горки: *«Зимой вот на санках. То на маленьких.*

Маленьких там не было. Мало санок было. А вот всё большие санки. <неразб.>, а там стоял такой двор, мы как об угол-то садимся, мы как эти все мыши все, с этих саней падаем все кувырком» [ВЕД, 1928].

Летом отдельным пространством для детских развлечений были водоемы. Купание в реке – одно из самых распространенных видов летнего времяпрепровождения детей, и другой стороны, одно из самых опасных. *«И вот, через реку всё время бегали. Вот здесь сплавная река, дак вот бегали туда, по брёвнам вот так. Брёвна тонут теперь, дак мы детей не смеем отпустить. А в один ряд там брёвна стоят, дак мы бежим туда. И выкупаемся иногда так. Ак видно все боялись родители, что кто-то утонет, а род... дети одни в деревне, все родители на работе. Видимо не судьба, все выжили» [ИАН, 1935].*

В 1950-1960-х гг. для детей, проживавших в Вологодской области, принципиально разделялось купание в озере, которое находится в деревне, или поездка к Онежскому озеру. Последнее становится уже оформленной формой досуга, которую специально устраивают родители. *«У нас... ну, тут, как детство, самое приятное впечатление – это Онега у нас. И вот помнится, всё время, как мы только приезжаем туда, день рыбака особенно. Это у нас вот такое, знаете, как море. Онежское наше озеро» [КСЛ, 1962].*

Потребность детей в своем пространстве выражалась в самостоятельном строительстве игровых избушек. *«Избушки строили. У нас вот была избушка построена своя из досок, из досок такая. Оклеим всё там. Газетами, обоев не было¹⁷⁸, газетами наклеим, да книгами старыми» [СВМ, 1935].* Главными занятиями в домиках, по воспоминаниям деревенских жителей, были игры с куклами, «походы в гости» друг к другу. Для детей 1920-1930-х годов рождения игра в «клетки» предполагала также упражнение

¹⁷⁸ Интересно, что в рассказах о «клетках» также видны элементы представления о трудностях военного детства. Присутствуют фразы «ничего не было»: обоев, еды для домиков. Больше всего о таких домиках вспоминают респонденты 1920-1930-х г.р. В воспоминаниях респондентов 1950-х г.р. эпизоды с играми в домиках присутствуют реже. Такие игры восстанавливаются в полном объеме примерно во второй половине 1960х годов, хотя в рассказах о детстве они присутствуют неравномерно. Индустриально изготовленные игровые домики вошли в детскую субкультуру только в постсоветские времена.

в приготовлении пищи из найденного в окружающем природном пространстве. *«Цветы, кошечьи лапки, вот цветы может быть, а сами кошечьи лапки. Росли на болотине, на таком, на мху. Вот этих насобираем, толкушкой натолкём, водой зальём, и варили это пиво. И пили. Тогда не было не.. ничего в клетках не было, хоть чего-нибудь. Собирали всякие вот цветы тоже. Какой (нрзб) черепок. К одному в клетку придём, что как в гости, ко второй как в гости и к третьей. (...) Это всё съедим, сидим, трав каких-нибудь наклodём, всё из себя выкинем. Пива, этого вина попьём и вот так дру.. от одной ко второй, к третьей»* [КВТ, 1933].

Отсутствие игрушек восполнялась богатством фантазии и окружающей природы: *«На улице будку сами делали, с любых досок, каких нашли там. Делали посуду глиняную, из глины лепили мисочки, тарелочки, сковородки, чашечки чайные, чайнички, всё лепили сами с глины. Ну и вот в эти игрушки играли, вот эдак»* [ИАЕ, 1932]. *«С глины делали, доченька, игрушки. С глины. Ничего не было. Игрушек-то ведь не было. Лепили. У нас там такая была это... дырка выкопана, большой... большая гора, и у горы там это, глину нашли. Тогда и сами делали горшки. И вот мы все игрушечки эти все сами делали <смеется>»* [ВЕД, 1928].

Респонденты упоминают, что в избушках играли в куклы, которые изготавливали самостоятельно. Одежда для кукол могла изготавливаться из растений: *«И: А куклы мама не шила, сами? Р: Сама, маме некогда, сама, то тряпочную что-нибудь сошьём, а летом дак с этого же щавеля, или вон с этого подорожник большой найдем, дырку сделаем, оденем. И: Это как платье? Р.: Платье да, подорожник вот так вот сорвешь, и вот так потом сдернешь это корень, там таким этим... ручеечком или как там получится, красиво»* [ИЕИ, 1926]. Респонденты 1920-х г.р. вспоминают, что с куклами играли в колхоз: *«Куклы шили сами. Сошьешь, и глаза нарисуешь [смеется], нарисуешь, и играли, играли в колхоз. Во что мы больше играть, в колхоз, на работу, на дойку, коров доить. А коровы у нас были, я помню это все, вот этот такой конский щавель растет, он, я вон скосила тут вот, его вот*

один или два таких как сосочка сцедим [смеется] – молоко. (...) Ромашку таскали - лен был как будто, у нас там лен в колхозе сеяли, мы... так и было» [ИЕИ, 1926].

Дети сами и по-своему решали военные проблемы с пропитанием. «Мы летом занимались... еду себе искали. Вот летом, чтоб пожрать – жрать нечего – мы выходили на речку, вот сымаю рубашку, завязываю вот здесь вот у рубашки, двое пацанов держат эту рубашку, а третий загоняют рыбку в эту рубашку. Вот загоним штук десять, пятнадцать, там сколько, вытаскиваем, чистим, немецкие каски – полно их было после войны – ставим на костер, вот эту рыбку, там украдем две картошины – украдем у хозяйки там огорода или как, вот варим суп. Мы наедемся [КРП, 1935]. «Грачи делали гнезда. Вот мы сейчас полезли по гнездам. Собираем яички. Они вот такие яички. Вот мы эти яички ложим в каски немецкие, варим, сидим, едим. Мы вечером приходим, мама сидит: «Ой, чем же вас накормить?» – «А не надо, мы уже наелись» [КРП, 1935].

Походы за ягодами упоминаются вместе с перечислением игр. «В основном в лапту, да в рюхи, в это, в городки. В лес ходили. Вот всё за грибами, да за ягодами. Чтобы выжить, лето, дак в лес ходили. А зимой на санках катались, на лыжах катались. Вот это не отнимешь» [СВМ, 1935]. И для младших поколений походы за ягодами и грибами были скорее развлечением, нежели обязанностью. «Ну что, вот, грибы, ягоды. То есть мы как бы... Я не знаю, нас никто не заставлял, вот мои родители, например. Мы сами, вот, как только ягодная, грибная пора – нам уже в лес надо» [КСЛ, 1962]. «Помню, дак бегаем, убегаем. То.. яблони только созрел.. ну, там, например, поспели яблоки, мы уже и яблочку украдём там, сходим в огород. Ак ругались, что зачем воруете. «Ну мы не ворует, мы (нрзб) хотим яблоков, дайте нам, дяденька, яблоков» [МИЕ, 1962].

Желанным и ожидаемым для ребенка 1920-1930-х гг. было включение в молодежную субкультуру или возможность присутствовать на свадьбах, на молодежных гуляниях, посиделках, танцах, святочных гаданиях. Дети также

стремились по примеру взрослых «собирать веселинки» [РАИ, 1931]. Эта тема редко раскрывается в начальных автобиографических нарративах, но в самостоятельных рассказах с преимущественным представлением о детстве, как о периоде, когда «было трудно, но весело и хорошо», танцы и «беседы» эмоционально описываются. *«А плясали.. мы.. беседы были, плясали, маленькие были.. и большие были. Большие девочки большие, а мы на маленьких были, дак мы на бесёдах плясали. Играли под язык: «Ать-кать-куд-кать-куд-кать-куд». Вот эдак. (смеется) Вот, Зоя Павловна, у нас под язык играли. ТЗП: А у нас балалайка была. КВТ: Ну вот, у нас не было балалайки. Балалайка и гармошка была у старших, а это у маленьких, у нас маленькая беседа была»* [ТЗП, 1926; КВТ, 1933].

Детская субкультура тесно была связана с мифологическими представлениями и знаниями о запретах, воспринимала их от взрослых, переосмысливала и даже актуализировала. Такие «потайные знания» могут быть очень значимы среди воспоминаний о «практиках детства», особенно если воспоминание связано с избеганием или, наоборот, навлечением опасности для жизни ребенка. Именно в связи с произношением запретных слов могут объясняться произошедшие с ребенком события. Так для одной нашей респондентки одним из особо ярких воспоминаний о детстве оказывается следующий нарратив. *«И вот: «Бабушка, я пойду за рыжиком (за засоленными грибами в соседнюю деревню к родственникам)». «Куда ты пойдёшь?!» А сто пятьдесят грамм хлеба было. Вот, значит. «Как поедешь без всего?» «Я талончик с собой возьму». Там, значит, вот, там, эти, карточки вот тебе.. отдашь талончик, и хлеба дают на один день, там, если поехала. Хорошо, решили.. И она потом никак не отпускала, я всё равно своё. А она: «А неси тебя леший!». Вот бабушка мне сказала. Хорошо, одну сторону шли – ничто, будто бы и хорошо. А на второй день метель...»* Далее подробно рассказывается о следующих друг за другом неприятностях, сначала о том, как украли талончик. Затем о последующих неприятностях в дороге: *«Ну и значит, поехали с Тонькой. А метель, замело. На прямую*

дорогу не поехали. Была объездная и прямая, мы на прямую с Тонькой решили, что на одних санках повезём. На одних санках положили, значит, две, две бочки рыжиков, поехали. Поехали, не проехали, пятнадцать километров, потому что фабрика была картонная, там она с (нрзб) была, сколько будет. Слышно было, я уже ехать не могу. Не могу идти. Она меня тащила, сколько могла, меня тащить, да рыжики тащить, да.. Тонька, я говорю, давай, ты оставайся. Я говорю: нет, бабушка, и главное, бабушка меня выругат, где я потом, я останусь. Хорошо, останусь, ты поезжай, скажи, где я останусь, я тебя буду ждать. Вот так. Вот так метель стала такая. Я ходила, ходила и уснула. Села за кочку вот эту, за бочонок-то, ну бочонок, как тебе сказать, примерно там ведра четыре. Села за него и, значит, и так и уснула. Вдруг слышу, пр-р-ру, значит лошадь. (...) Нет, говорит, Тонька, нету Верухи, (в том месте) где Тонька наказывала. Это Веруха я дак. Значит, а та, я, видно пискнула, ещё жива была, что где я есть. Вот меня, дядя.. как его дядя Стёпа вёз, дядя Стёпа. Дядя Стёпа приехал, меня на санки поло.. это, на сани положили, повезли. Я спать хочу! А (нрзб) мне спать не даёт. А мне уже снился сон, что вот, я хочу подняться, значит, но ноги хочу на печку поднять, а не могу ноги поднять. Это снился.. снился.. ну как, замерзала видно. Вот, а ну что, пятнадцать километров, а лошадь ведь. Не сено вожено, сыта дак. Быстро приехали. Потом все каникулы пролежала на перине (2нрзб), все каникулы проболела. Вот тебе и сказала «неси тебя леший». Больше сама не говорю никому такого слова и детям своим всем наказала, что не говорите таких слов» [ЕВП, 1931]. Именно с произношением запретных слов, а не с возможностью действительной опасности связано объяснение произошедшего события. Событие не объясняется ни «стечением обстоятельств», ни «трудностями войны».

* * *

Итак, в данной главе мы проследили способы репрезентации детства в крестьянских биографических нарративах крестьян трех севернорусских областей 1920х, 1930х и 1945-1952 годов рождения. Можно заметить, что

проявляющиеся в крестьянских рассказах стратегии меморизации указанных возрастных когорт, с одной стороны, обладают такими общими чертами как формульность, доминирование коллективной памяти над индивидуальной, стереотипное отношение к детству как малоценному периоду в жизни человека, а с другой, - имеют очевидные различия. Рассказы о детстве родившихся в 1920е и 1930е годы имеют в своей структуре центральный эпизод, который выступает символом детства и – нередко – всей судьбы человека. Воспоминания родившихся после войны уже не содержат такого центрального эпизода, иерархия эпизодов в их рассказах о детстве гораздо более полицентрична и личностна. У «поколения двадцатых» мы видим центральным повествованием в рассказе о детстве сюжет, связанный с раскулачиванием, репрессиями либо Отечественной войной. «Поколение тридцатых» уже ставит на первое место только войну. «Поколение конца сороковых – начала пятидесятых» обращает внимание на более частные сюжеты, имеющие отношение к конкретной личности рассказчика. У этой возрастной группы впервые индивидуальная память начинает репрезентироваться независимо от коллективной, приобретает более широкий по сравнению с официальной памятью характер. Вероятно, и концепт «детства» у представителей данной возрастной когорты уже не включает в себя обязательное перечисление «общих трудностей», пережитых «страной», но продолжает еще включать в себя представление о «народе», идентификацию себя с типичными представителями такого «народа». Наоборот, изучая воспоминания «поколения двадцатых» мы видим зарождение «общего нарратива о детстве», связанного с «общими судьбами» и «общими тяготами». Среди данной возрастной категории выделяются группы, обладающие разным каноном коллективной памяти о детстве конца 1920х – 1930х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной работы мы поставили рассмотреть особенности саморепрезентации возрастных периодов в крестьянских рассказах о себе на

примере повествований о детстве в биографических рассказах крестьян Вологодской, Ленинградской и Новгородской областей.

Для этого мы рассмотрели общие жанровые и стилевые особенности крестьянских биографических рассказов о детстве. Мы увидели, что в крестьянском биографическом нарративе в большом количестве присутствуют стереотипные формульные суждения. Подчас отдельный рассказ придерживается какого-либо одного общего лейтмотива, взятого из коллективной или индивидуальной памяти. В любом случае в биографическом нарративе, получаемом в процессе глубинного качественного интервью, мы видим тематизацию рассказа, произведенную самим рассказчиком.

В воспоминаниях респондентов 1920-1930-х г.р. часты стереотипные утверждения, что *«никакого детства мы не видели»* [БЕС, 1927]. Может быть реконструировано два вида отношения к такому представлению об опыте детства у представителей данной возрастной когорты. Для одних это опыт, отрицательно повлиявший на последующую жизнь. В их рассказах подробно освещаются темы голода, труда, отсутствия одежды, рассказывается об общем опыте всех поколений или всей семьи, мало присутствует тем о детской субкультуре (хотя в лейтмотивном интервью они могут появляться). Для другой группы рассказчиков детство воспринимается как *«преодоленные трудности»*. В конце рассказа респонденты вспоминают о других, счастливых периодах своей жизни. В таких воспоминаниях автобиограф, отмечая особенности своей личности, порой обращается к своему детскому опыту, не связанному с трудностями времени.

Еще одну распространенную лейтмотивную формулу в рассказах о детстве 1930-1940-х гг. можно обозначить словами респондента *«Жили плохо, но было весело и радостно»* [РАИ, 1931]. В воспоминаниях помимо *«сложностей войны»* выступают также значимые темы дружбы и активного участия в общественной жизни. К опыту детства обращаются для подтверждения силы и стойкости человека в жизни вообще.

В воспоминаниях о детстве респондентов 1945-1964 г.р. опыт детства также может выступать как «преодоленные трудности», но лишь когда в рассказе большей частью повествуется о конфликтах. В большинстве воспоминаний о детстве 1950-1960-х гг. дано представление о детстве как о счастливом периоде. Центральным в рассказе становится личность рассказчика, подкрепление биографическим нарративом ощущения не зря прожитой жизни. Человек обращается к опыту детства, как «стартовой площадке», обусловившей дальнейшее течение жизни, характер и интересы человека.

В другой группе нарративов о детстве 1950-1960-х гг. детство выступает скорее как «потерянный рай». Базовым в рассказе становится сравнение современного детства с тем, которое было у рассказчика. Человек обращается к опыту детства как к счастливому, но оставшемуся в прошлом времени, иногда ассоциируемом с ушедшей в прошлое советской повседневностью. В воспоминаниях последней группы представлен больше опыт «нашего общего детства» (советского, крестьянского), в отличие от «нашего времени» в воспоминаниях респондентов 1930-х г.р., в которых повествуется большей частью об опыте всех поколений, переживших войну.

Для понимания особенностей саморепрезентации крестьянской культуры мы рассмотрели структуру стратегий ценностного запоминания опыта детства (стратегию меморизации) и его присутствия в нарративах разных возрастных когорт (стратегию репрезентации). Мы увидели, что в рассказах о детстве людей разных возрастных когорт сочетаются события разного плана: индивидуальной истории детства; события, связанные с приобщением к домашней работе и школьной периодизацией, истории семьи; с локальной историей и с «макроисторией» страны.

Воспоминания разных возрастных групп имеют и явные отличия. Рассказы о детстве родившихся в 1920е и 1930е годы имеют в своей структуре центральный эпизод, связанный с раскулачиванием, репрессиями или войной, который выступает символом детства и – нередко – всей судьбы

человека. Воспоминания родившихся после войны уже не содержат такого центрального эпизода, иерархия эпизодов в их рассказах о детстве гораздо более полицентрична. Рассказчики 1945-1960 г.р. обращают внимание на более частные сюжеты, имеющие отношение к конкретной личности рассказчика. Мы увидели также, что стратегии ценностного запоминания могут отличаться у жителей разных районов.

Можно заметить, что на автобиографический дискурс в крестьянской культуре влияет и традиционная устная культура, что прослеживается в особенностях жанра и стиля в нарративах, в особенностях презентации событий; и городское представление о биографическом как линейной последовательности определенных событий.

Во второй главе мы рассмотрели также особенности репрезентации субкультуры детства в биографических рассказах крестьян. Мы увидели, что репрезентация субкультуры детства зависит от структуры рассказа, самоцензуры повествующего, разных стратегий меморизации, зависевших от различий в ценностных приоритетах той или иной возрастной группы.

Особенно различаются при сравнении воспоминаний людей из разных возрастных когорт те яркие эпизоды детства, которые описываются в форме развернутых сюжетов. В воспоминаниях респондентов 1920-х г.р. по преимуществу представлены т.н. «характерные события». Они в основном связаны с родителями и обязанностями ведения хозяйства, с подарками в виде одежды. В воспоминаниях о военном детстве эти темы также остаются актуальными, в особенности в рассказах с общим представлением о детстве как периоде «преодоленных трудностей». В рассказах респондентов 1930-х г.р., чья репрезентация детства больше склонна к лейтмотиву «было трудно, но весело и хорошо», яркими представляются воспоминания о выступлениях в художественной самодеятельности, присутствуют темы еды, игрушек в качестве подарков. Яркие эпизоды респондентов 1945-1960-х г.р. связаны большей частью с экскурсиями, поездками, школой, пионерской организацией.

Сделанные утверждения носят, конечно, гипотетический характер и требуют привлечения большего корпуса источников. В исследовании крестьянской культуры особо важно учитывать локальные особенности каждого отдельного региона, поскольку крестьянство гораздо менее гомогенно, чем городская культура.

На наш взгляд, крестьянские устные биографические нарративы о детстве дают перспективы для различных направлений исследований понимания крестьянами себя и своей культуры. Начальные автобиографические нарративы позволяют изучать то, что было значимо для ребенка в крестьянской культуре, что значимо для сельского жителя в опыте его детства сегодня, а также стереотипные представления о нормативном детстве и о том, что должно включать в себя автобиографическое повествование. Интерес представляет исследование крестьянского понимания автобиографического и детского в контексте общей советской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 - 1932 гг. / Ин-т рос. истории и др.; Отв. ред. А.К. Соколов; Сост.: С.В. Журавлев и др. - М.: РОССПЭН, 1997. - 326 с.: ил. - (Социал. история России XX в.)
2. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. – М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Козлова Н.Н. Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. - М.: Гнозис: Рус. феноменол. о-во, 1996. - 255 с.
4. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 232 с.
5. Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 528 с.

II. Литература

6. Артог Ф. Время и история «Как писать историю памяти»? // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002. С.147 – 168.
7. Астафьева Е.Н. и др. Биографическое интервью. М.: Изд-во УРАО, 2001.
8. Астафьева Е.Н. Межличностные конфликты в воспоминаниях о детстве // Вестник Университета РАО. 2002. № 3. С.125—146.
9. Баранова В.В. Устные воспоминания крестьян о войне // Фольклор Великой Отечественной войны: Сб. науч. трудов / Под ред. О.Е. Лебедевой и М.В. Строганова. — Тверь: Золотая буква, 2005.
10. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века. – Москва-Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004.

11. Безрогов В.Г. Автобиография и социальный опыт // Социальная история: Ежегодник. 2001/2002 / Под ред И. Ю. Новиченко. М., 2004. С. 529-550.
12. Безрогов В.Г. Виды коллективной памяти в автобиографиях // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / Отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 39—61.
13. Безрогов В.Г. и др. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: Изд-во УРАО, 2001.
14. Безрогов В.Г. Коллективное и персональное в автобиографии // Человек. № 5, 2003, С. 26 – 37.
15. Безрогов В.Г. Память текста: автобиография и общий опыт коллективной памяти //Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций /Отв. ред. Е.А.Вишленкова. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 5—38.
16. Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Воспоминания о детстве как объект междисциплинарных исследований // Вестник УРАО № 2 (20), 2003.
17. Белановский С.А Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология 4М, 1991, №2.
18. Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001.
19. Бергер П. И. Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. Пер. В.Ф.Анурина. М.: Академический Проект, 2004.
20. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - нач. XX вв.: половозрастной аспект традиционной культуры. - Л., 1988.
21. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Под ред. В.Воронковой и Е.Здравомысловой. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997.
22. Биографический метод: история, методология, практика. Под ред. Мещеркиной Е.Ю.,Семеновой В.В.-М.:ИС РАН,1994.

23. Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 1, 2002. С.75-84.
24. Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб.ст. Ред. И.С. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2004.
25. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. 150 с.
26. Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал, 3, 1994. С.103-109.
27. Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности // <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm>
28. Виноградов А.В., Плейжер А.Л. Нарративные источники в исследовании менталитетов // Современные проблемы российской ментальности/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции/ Отв. ред. В.Е. Семенов. СПб., Издательство «Астерион», 2005. С. 23.
29. Виноградов Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999.
30. Виноградский В.Г. Жизненные круги Любы Курановской // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 100-109.
31. Виноградский В.Г. Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // Социологические исследования, 2002, №1. С. 61-76.
32. Виноградский В.Г. Крестьянские общества сегодня // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И. Заславской. Вып. III. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 448 – 458.
33. Виноградский В.Г. Крестьянские семейные хроники // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 130-144.
34. Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России, 1996, №3, С. 3-76.
35. Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор: социологический преданализ // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 54-60.

36. Воробьева И.В. Из исторического опыта семейного воспитания на народных традициях // Проблемы семьи и семейной педагогики: теория и практика, история и современность: материалы Международной научно-практической конференции памяти П.И. Петренко, 26-27 октября 2005 г., г. Пятигорск / Ред. Анжела Владиславовна Бабаян и А. Ю. Гранкина ; Кол.авт. Международная академия наук педагогического образования и Пятигорский государственный лингвистический университет . – Пятигорск: 2005. - 311 с.
37. Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. Вступ. статья, сост. В.А. Кошлева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударагина. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
38. Гарри М., Маннинг Ш.Г., Лофтус Э.Ф., Шерман С.Д. Воображаемые события детства: инфляция достоверности // *Psychonomic Bulletin and Review*, 3:2, 1996. P.208-214 (tr. by V.Nurkova).
39. Голикова Н.В. Воспитание детей в крестьянской семье Олонецкой губернии второй половины XIX – начала XX веков: учебно-метод. пособие / Н.В. Голикова. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – 42 с.
40. Голоса уходящих поколений (анализ женских биографий). Ред. С.Шакирова. Алматы: Центр гендерных исследований, 2002.
41. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // *Социологический журнал*, N1,1995, С.71-89.
42. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.,1989.
43. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2002.
44. Грил Рональд. Слушайте их голоса: два примера интерпретации устно-исторических интервью // *Хрестоматия по устной истории* / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 296-322

45. Громько М.М. Мир русской деревни. - М., 1991.
46. Давыдов Ю. Н. Память и культура //Социологические исследования. 1987. № 6.
47. Данилов В.П. Из истории перестройки: переживания шестидесятника-крестьяноведа // Отечественные записки, 2004, № 1 (16)
48. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. Население, землепользование, хозяйство. - М., 1977.
49. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. Социальная структура, социальные отношения. - М., 1979.
50. Данилова Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С.34-39;
51. Дейк Т ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск, 2000.
52. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab imperio*. 2004. № 1. С. 44 – 71.
53. Дубин Б. В. Между всем и ничем // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. Под ред. Левады Ю., Шанина Т. М: Неприкосновенный запас, 2005. С. 249-250.
54. Дубин Б.В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Лица. Биографический альманах. Вып.6. М.-СПб.: Феникс, 1995. С.7-31.
55. Дубин Б.В. Слово-письмо-литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001.
56. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология 4 М. N 3-4, 1993-1994. С.34-43.
57. Заславская Т.И., Беленькая И.И., Лучник И.Б. и др. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ. - М., 1980.
58. Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

59. Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 3.
60. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. №8.
61. Ильина Т. А. Устное воспоминание – исторический источник // Советские архивы. 1973. № 2.
62. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. - М., 1988.
63. Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытки типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1—2. С. 103—116;
64. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
65. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // НЛО. 2003. № 60. С. 218 – 251.
66. Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 385- 410;
67. Келли К. «Школьный вальс» // Антропологический форум. 2005. № 1. С. 104-155.
68. Киблицкая М.В., Масалков И.К. Методология и дизайн исследования в стиле кейс стади. М.: Социологический ф-т МГУ, 2003.
69. Киселева И.П. Информативно-целевой анализ текста свободного интервью // Социологический журнал, 3, 1994. С.110-116.
70. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
71. Козлова Н.Н. «Наивное письмо» и производители нормы // Коллаж. Социально-философский и философско-антропологический альманах. Отв. ред. В.А.Кругликов. М.: ИФ РАН, 1997. С.7-32.

72. Козлова Н.Н. «Слабое место» социальной реальности // Социологические исследования, 1993, № 2.
73. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. - М.: 1996. – 215 с.
74. Козлова Н.Н. Заложники слова? // Социологические исследования, 1995, № 9-10.
75. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт анализа биографии // Социологические исследования, 1994, № 6.
76. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14-26.
77. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 22-32.
78. Козлова Н.Н. Противоречия народной культуры и общественные отношения // Перестройка общественных отношений и противоречия в культуре. М., 1989. С.56-72.
79. Козлова Н.Н. Российские реформы глазами «маленького» человека // Российский монитор. Архив современной политики. М.: Центр «Индем», 1993. Вып. 2.
80. Козлова Н.Н. Согласие или общая игра// НЛО, 1999, № 40
81. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология: учебник. - М.: Ключ-С, 1999. - 187 с.
82. Кознова И. Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социологические исследования. - 2004. - N12.-С. 74-85.
83. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. - 2003. - N2.-С. 23-32.
84. Кознова И.Е. Власть в памяти крестьянства России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 116 – 122.

85. Кознова И.Е. Традиции и новации в поведении современных крестьян // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей. / Под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишкова и А.Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 1997. С.359-382.
86. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000.
87. Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988.
88. Кон И. С. Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.:1988.
89. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
90. Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ, 2002.
91. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М., 1997.
92. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996.
93. Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5 / Т. Шанин, А.М. Никулин, В.П. Данилов и др.; Под ред. Т. Шанина, А. Никулина. - М., 2006. - 432 с.
94. Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. - М., 1999.
95. Крисань М.А. Образ пана в крестьянской среде Царства Польского конца XIX века // http://www.ruthenia.ru/folklore/au_krisan1.htm
96. Крюкова С.С. Российский сельский мир в проекции и перспективе // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб.статей. М.,1997. С.384-387.
97. Культура исторической памяти. Материалы научной конференции (19-22 сентября 2001 года). Под ред. А.В.Антощенко. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского госун-та, 2002.

98. Кузин И.И. "Вот я все это хотел запечатлеть..." // Живая старина, 2000, N 4. С. 17-21.
99. Культура исторической памяти: не востребованный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции (Петрозаводск, 25-28 апреля 2003 года). Под ред. А.В. Антощенко. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского госун-та, 2003.
100. Ланщиков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. - М., 1990.
101. Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории: Материалы из цикла семинаров при поддержке TACIS. М.: ИВИ РАН, 1996. С.191-206.
102. Лопатина Н.Л. Герменевтический опыт истолкования углубленных интервью свидетелей коллективизации, родившихся в 1906-1928 гг. // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции «Социокультурная герменевтика: теоретико-методологическое обоснование в контексте развития толерантности». Кемерово: Кемеровский госун-т, 2002. С.42-45.
103. Лукина М.М. Технология интервью. М.: Аспект-Пресс, 2003.
104. Маслинский К. Заросшая усадьба // Отечественные записки, 2003, № 5 (14)
105. Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.). - М., 1996.
106. Методика сбора устных исторических источников. Барнаул, 1992.
107. Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. - 2002. - N7.-С. 61-67. - Библиогр.: С. 67.
108. Мещеркина Е.Ю. "Драгоценные" моменты жизни и автобиографический метод в психотерапии// Ежегодник Российского психологического общества. "Методы психологии". Материалы 2 Всероссийской конференции по психологии (25-27 июня 1997г.).т.3, вып.2, Ростов-на-Дону, 1997,с.297-300.

109. Мещеркина Е.Ю. «...Я была домашним, дворовым ребенком» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2-3, 2004. С.87-93.
110. Мещеркина Е.Ю. Автобиографическая память и феномен «интервала самоидентичности личности» // Институт «Открытое общество» Программа «Высшее образование» Материалы Конференции Соросовских аспирантов-97, Москва-Голицино 13-15 марта 1998
111. Мещеркина Е.Ю. Автобиографическая память с позиций различения эпизодической и семантической системы // Международная конференция студентов и аспирантов по фундаментальным наукам "Ломоносов-97". Секция: Психология. Тезисы. М.,1997.
112. Мещеркина Е.Ю. Биографический метод: история, методология, практика. (Под совм. ред. с Семеновой В.). Москва: Институт социологии РАН, 1994.
113. Мещеркина Е.Ю. Методы исследования автобиографической памяти // Вестник УРАО, Сентябрь 1999
114. Мещеркина Е.Ю. Социологическое измерение возраста // Вестник Российской Академии Образования. 2000, № 2, с.53-63.
115. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988
116. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., 2001.
117. Минаева А.П. «Наивные» мемуары М.В. Малькова: опыт контент-анализа // <http://www.ruthenia.ru/folklore/minaeva1.htm>
118. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал, Сибирь в ХУП - XIX вв. - Челябинск, 1997.
119. Мир детства и традиционная культура. Вып. I (Сост. Айвазян), М., 1995
120. Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Под. Ред. А. Б. Островский. В 2-х частях Л. 1991.
121. Нора П. Память, история // 50/50. Опыт словаря нового политического мышления. М.,1989. С. 441.

122. Ноэль Э. Массовые опросы. М., 1993.
123. Нуркова В.В. Образование как автобиографический факт // Индивидуально-ориентированная педагогика. М.; Томск, 1997. С. 58—68.
124. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии, 2, 2004. С.77-87.
125. Нуркова В.В. Свершенное продолжается. Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.
126. Опыт историко-социологического изучения села “Молдино”. М.,1968.
127. Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века. М., 2004.
128. Покровский Е. А. Детские игры. Преимущественно русские. М., 1895
129. Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. Под ред. К.Аймермахера, ФюБомсдорфа, Г.Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2002.
130. Природа ребенка в зеркале автобиографии: Учебное пособие по педагогической антропологии / Под ред. Б.М. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. – М.: Изд-во РОУ, 1998. 432 с.
131. Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1990.
132. Пушкарев Л. Н. Словесные источники для изучения ментальности советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2001. № 4.
133. Радина Н.К. Прошлое, настоящее и будущее в «историях жизни» выпускников детских домов и интернатов // Мир образования – образование в мире. Научно-методический журнал. 2(14), 2004. С.134-142.
134. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001. – 376 с.

135. Разумова И.А. Семейные военные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны: Сб. науч. трудов / Под ред. О.Е. Лебедевой и М.В. Строганова. — Тверь: Золотая буква, 2005.
136. Райкова И. Н. Воспоминания о детстве в контексте традиционной культуры (по полевым материалам Муромского края). // Традиционная культура, 2006, № 3.
137. Рассказы о своей жизни. Жизнеописания эстоноземельцев. Сост. Рутть Хинрикус, Волига Паклар. Таллин: Aleksandra, 2005.
138. Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. 1982.
139. Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. Пер. Ю.В.Ткаченко. М.,: РГГУ, 2002.
140. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998.
141. Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Под ред. Л.П.Репиной и В.И.Уколовой. Вып.3. С.5-14.
142. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
143. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований современной России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2002. 592 с.
144. Рикер П. Память, история, забвение. Пер. И.И.Блауберг и др. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
145. Робертс Б. Конструирование индивидуальных мифов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2-3, 2004. С.7-15.
146. Роганова О.Л. «Воспоминания о детстве» в фольклорно-этнографическом наследии Н.Е.Ончукова // Мировая словесность для

детей и о детях. Вып.4. Под ред. И.Г.Минераловой. М.: МПГУ, 1999. С.29-33.

147. Розенталь Габриэль. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – С. 322-356.

148. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. В границах памяти: провинциальная идентичность в устных историях // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Материалы Всероссийского научно-методического семинара. Под ред. О.А.Оберемко и Л.Н.Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос.ун-т, 2004. С.15-27.

149. Ромм М. И. Устные рассказы. М., 1990.

150. Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III всероссийской конференции. (Пенза, 25-29 июня 1995 г.) Книга 1. Пенза, 1996.

151. Россия сельская. XIX – начало XX века / Отв. Редактор А.П. Корелин. – М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004

152. Роцин С. К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1990. № 5.

153. Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 1, 2002. С.7-24.

154. Рыбников Н.А. Биографический метод в изучении детства // Педология. 1928. №2

155. Рыбников Н.А. Биографический метод в психологии // Вопросы литературы и жизни, 5, 1918.

156. Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Автобиографическая память // Социологический журнал, 2, 2002. С.13-30.

157. Сальникова А.А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода // *Ab Imperio*, 3, 2002. С.321-352.
158. Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в 20 столетии. Сборник статей.* Челябинск, 2004. С. 413-430.
159. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // *Культурно-историческая психология*, 2, 2005. С.63-74.
160. Сарджвеладзе Н.И. Метод монологического интервью // *Вопросы психологии*, 2, 1984. С.127-130.
161. Семенов В.Е. Метод изучения документов в социально-психологических исследованиях. Л., 1983.
162. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
163. Сергиева Н. С. Время в автобиографическом дискурсе. // *Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов.* - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. - 298 с.: ил. - Библиогр.: с.296-298
164. Симуш П.И. Мир таинственный. Размышления о крестьянстве. - М., 1991.
165. Советская жизнь 1945 – 1953. Сост. Зубкова Е.Ю., Кошелева Л.П., Кузнецова Г.А, Минюк А.И., Роговая Л.А. – М.: РОССПЭН, 2003.
166. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный библиографический указатель книг, публикаций в сборниках и журналах/ Рос. гос. б-ка, Гос. ист. б-ка; Сост.: Е.А. Акимова, Г.С. Герасимова, О.А. Горбатенко, Н.П. Дробышевская, В.И. Мордвинова. – М.: Индрик, 2006. – Т. 6. (Культура. Наука. Просвещение.) – 604 с.
167. Современные проблемы российской ментальности/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции/ Отв. ред. В.Е. Семенов. СПб., Издательство «Астерион», 2005.
168. Соколов Э.В. Культура и личность. 1972.

169. Соловьев Г.Е. Личность, биография, судьба. Методики биографического исследования личности. Уч.пос.по спецкурсу. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2002.
170. Соловьев Г.Е. Судьба человека как антропологическая проблема. Очерки по педагогической антропологии. Ижевск: Издат.дом «Удмуртский ун-т», 2003.
171. Соскин В. Л., Осташко Т. Н. Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири //Археографический ежегодник, 1973 г.
172. Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / Отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань: Мастер-Лайн, 2001.
173. Социальная идентификация личности. Под. ред. В. А. Ядова. Ч. 1—2. М., 1994;
174. Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: УРСС, 2001.
175. Судьбы людей. Россия XX век. (биографии семей как объект социологического исследования). Под ред. Семеновой В.В., Фотеевой К. - Москва: Институт социологии РАН, 1996.
176. Тернер Р. Контент-анализ биографий // Сравнительная социология: избранные переводы. М.: Академия, 1995. С.173-189.
177. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003.
178. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии, 1-2, 1993. С.129-138.
179. Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 110-146.
180. Тонкин Э. Повести о нашем прошлом. Социальная конструкция устной истории // Европейский опыт преподавания истории в постсоветской России. М.: ИВИ РАН, 1999. С.159-184.

181. Тонкин Э. Социальная конструкция устной истории // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – М., ИВИ РАН, 1999. – 313 с.
182. Требст Ш. «Какой такой ковер»? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 41 – 77.
183. Трубина Е. Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема. Дисс. Екатеринбург, 1996.
184. Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Материалы к спецкурсу. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 104 с.
185. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 272 с.
186. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УО РАН, 1995.
187. Туровский В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. Ред.коллегия: Н.Д.Арутюнова, Н.Ф.Спиридонова. М.: Индрик, 2003. С.345-350.
188. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989.
189. Устная история и биография: женский взгляд. Ред.-сост. Е.Ю.Мещеркина. М.: Невский Простор, 2004.
190. Феннето Э. Интервью и опросник: формы, процедуры, результаты. СПб.: Питер, 2004.
191. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 56 с.
192. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

193. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии, 2, 1989. С.35-40.
194. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3(40-41). С. 8-27.
195. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М.: Изд-во УРАО, 2000.
196. Хоффман А. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод в социологии: история, методология и практика. Под ред. Е.Ю.Мещеркиной, В.В.Семеновы. М.: Ин-т социологии, 1994. С.42-50.
197. Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – 396 с.
198. Хубова Д.Н. Устная история “*verba volant...?*” Методическое пособие. М.: РГГУ, 1997.
199. Цветаева Н. Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал, 1999. № 1/2.
200. Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи. // Социологический журнал, 2000, № 1/2.
201. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002.
202. Чередникова М.П. Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне // Сказка и нескладочная проза. Межвузовский сб. научн. Трудов. М. , 1992. С. 90 – 109.
203. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101-116.
204. Шанин Т. Сельская Россия // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И. Заславской. Вып. III. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 440 – 448.

205. Шанин Геодор. Крестьянства нет, крестьянский вопрос есть // Политический журнал. - 2005.
206. Шанин Геодор. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. - 2003. - N1.-С. 116-121.
207. Шевченко В.Ф. И.И. Кузин "Вот я всё это хотел запечатлеть..." // <http://www.ruthenia.ru/folklore/popova1.htm>
208. Шлыкова Ю.Б. Возможности изучения смысловой сферы личности посредством автобиографического текста // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции (Москва, 19-21 мая 2005 г.). Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С.148-151.
209. Шлюмбом Ю. Рождение индивидуальности: Воспоминания о детстве в «Практической психологии» Карла Морица и развитие автобиографии // Вестник Университета РАО. 1999. № 2 (8). С. 114—131.
210. Шютце Ф. Биографическое исследование и нарративное интервью // Neue Praxis, 13:3, 1983. S.283-293 (uebers. von E.Mescherkina).
211. Щербинина О. Д.Е. Сидорова. Фрагменты дневника // <http://www.ruthenia.ru/folklore/sidorova1.htm>
212. Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12.
213. Юсупова Л. Н. Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны в Карелии: опыт интерпретации «устных» воспоминаний // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004
214. Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003 /2004. М., 2005. С. 345 – 351.
215. «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю.Неклюдов. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 248 с.

216. Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4М, № 1. С 14-31.
217. Bartlett R. P. J. (ed.). *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. New York: St. Martin's Press, 1990.
218. Eklof B., Frank St. (eds.). *The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation culture and Society*. London et al.: Unwin Hyman, 1990.
219. Engel B.A. *Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
220. Engel B.A. *Peasant Morality and Pre-Marital Relations in Late Nineteenth Century Russia* // *Journal of Social History*. 1990. Vol. 23, No. 4.
221. Frank St., Steinberg M. D. (eds.). *Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
222. Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
223. Mutschler, S. *Ländliche Kindheit in Lebenserinnerungen. Familien- und Kinderleben in einem württembergischen Arbeiterbauerndorf an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert*. Tübingen, 1985.
224. Schuetze F. *Biographieforschung und narrative Interview*. // *Neue Praxis*, 3, 1983.
225. Worobec Ch. D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Список респондентов

Респонденты, проживающие в Вытегорском р-не Вологодской области (2006, 2007, 2008 гг.)

1. АИФ, 1921 г. р., муж., Родился и проживает в д. Марино. Образование – 8 классов. Работал бухгалтером, механизатором в колхозе.

2. БАИ, 1930 г.р., муж., м.р. с. Рокса Вытегорского р-на Вологодской обл., 6 классов, работал бригадиром в колхозе, на бульдозере на лесопункте, родители – в колхозе. обучался в ФЗО.
3. БЕС, 1927 г.р., жен., м.р. – п. Шимозеро Вытегорского р-на Вологодской обл., проживает в Оште с 1980 г. Работала в колхозе. Образование – 4 класса.
4. БРИ, 1934 г.р., муж., Родился в д. Мельгачево Ковжинского р-на Вологодской обл. Работал с 12 лет; 12 лет в Леспромхозе, инвалид с 1961 г. Слеп.
5. БЭГ, 1929 г.р., жен., Родилась в д. Гришино Ковжинского р-на Вологодской обл., образование 4 класса; работала в колхозе, санитаркой в больнице, 16 лет работала в леспромхозе. Проживает в д. Депо с 1959 г.
6. ВНВ, 1960 г.р., жен., родилась в д. Белый Ручей Вытегорского р-на Вологодской обл.. проживает в д. Девятины.
7. ЕВП, 1931 г.р., жен., родилась в д. Белый Ручей Вытегорского р-на Вологодской обл.. Образование 10 классов
8. ЕЛС. 1945 г.р., жен., родилась в д. Великий Двор Вытегорского р-на Вологодской обл.. Образование: Школа, педучилище, пединститут. Проживает в п. Белый Ручей.
9. ИАЕ, 1932 г.р., жен., родилась в д. Корбоозеро, проживает в Оште с 1952 г., образование 4 класса, работала в колхозе
10. ИАН, 1935 г.р., жен., Образование – 8 классов, окончила заочно техникум. Работала бухгалтером. Поживает в дер. Гонево Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
11. ИМТ, 1946 г.р., муж., плотник, строитель. Проживает в Оште
12. КАА, 1926 г.р., жен., родилась в д. Крюково Вытегорского р-на Вологодской обл.. образование 6 классов; Копала окопы, прокладывала трубы. Сейчас на пенсии. Проживает в д. Белый Ручей
13. КАВ, 1926 г.р., жен., родилась в с. Девятины Вытегорского р-на Вологодской обл.. Образование 7 классов, кулинарное училище, работала в столовой. Проживает в д. Белый Ручей
14. КАМ, 1952 г.р., жен., м.р. – пос. Девятины Вытегорского района Вологодской обл., образование - 10 классов, торговое училище. Родители работали на производстве. У респондентки двое детей. Живет с мужем.
15. КВТ, 1933 г.р., жен., Училась на зоотехника, затем на бухгалтера, работала главным бухгалтером. Поживает в дер. Михалево Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
16. КМН, 1964 г.р., муж., м.р. – пос. Курвоши Вытегорского района Вологодской области. Образование 10 классов, училище. Профессия – слесарь, учился на телеграфиста. Работал слесарем, охранником.
17. КСЛ, 1962 г.р., жен., Образование – Вологодский Педагогический Ун-т (историк). Профессия – учитель (раньше работала в пожарной охране). Поживает в дер. Гонево Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
18. ЛРИ, 1930 г.р., жен., Образование - 7 классов, училась на зоотехника и работала по специальности. Поживает в дер. Андома Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
19. МАИ, 1949 г.р., жен., Образование – 8 классов. Работала в доме быта швейей. Родители работали в колхозе.
20. МВС, 1930 г.р., жен., родилась в д. Кургино Вытегорского р-на Вологодской обл., 4 класса в школе, 4 класса в вечерней школе. библиотекарь в избе-читальне. Ошта.

21. МЕД, 1926 г.р., жен., м.р. дер. Сюрга Шимозерского с/совета Оштинского района Вологодской обл, проживает в Оште с 1950г., образование 6 классов, няня в детском саду.
22. МИЕ, 1962 г.р., жен., м.р. – с. Ошта Вытегорского р-на Вологодской обл. образование - 10 классов. работала в колхозе, сейчас в школе техничкой. Родители работали в колхозе. В семье было 11 детей, самая младшая. Живет с мужем. Двое детей.
23. МНМ, 1930 г.р., жен., м.р. д.Сюрга Шимозерского с/совета Оштинского района Вологодской обл. Образование - 7 классов, с/х техникум, работала преподавателем основ производства в школе.
24. ПАП, 1919 г.р., муж., род. в д. Девятины Вытегорского р-на Вологодской обл. Образование 7 классов и техникум. Работал начальником гаража. Проживает в д. Белый Ручей.
25. РАИ, 1931 г.р., жен., Родилась в д. Коштуги Вытегорского р-на Вологодской обл. Проживает в п. Ошта
26. СВМ, 1935 г.р., жен., Образование – 10 классов, библиотечный техникум. Работала заведующей Андомской библиотекой. Поживает в дер. Марино Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
27. СВН, 1926 г.р., жен., м.р. с. Пустынка, образование – 5 классов. Работала заведующей столовой. Проживает в п. Ошта
28. ТЗП, 1925 г.р., жен., Образование - 7 классов, педучилище. Работала в колхозе, в детском саду в Андоме. Поживает в дер. Трошигино Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
29. ФВК, 1921 г.р., жен., Образование – 5 классов. Работала дояркой, конюхом в колхозе. Поживает в дер. Марино Андомского погоста Вытегорского района Вологодской области.
30. ФФА, 1931 г.р., муж., родился в д. Великий Двор (Пудожский р-н Вологодской обл.). Образование 4 класса, кузнец, пастух, работал в леспромхозе механиком. Проживает в п. Ошта.

Респонденты, проживающие в Приозерском р-не Ленинградской области (2004)

31. ИРТ, жен., 1932, д. Лобаски Козловского р-на Мордовии, родители колхозники, образование три класса; четверо детей, информантка младшая, русская
32. ЮТА, жен., 1938, Ленинград (до двух лет, потом – деревня), папа – профсоюзный лидер (умер в 1942 г.), мама – домохозяйка, в колхозе работала на полеводстве, трое детей, один мальчик. Информантка – младший ребенок, русская, замужем с 1958, есть сын. Образование – десять классов (семь классов – в Мельниково, 8–10 – в Приозерске), живет в селе.
33. ЛЗА, жен., 1937 г. (переехала в пос. Мельниково в 1948 г.), место рождения д. Жирно, Пороховской район, Псковская обл., Мать – доярка, свиарка. Папа – председатель сельсовета, позднее работал в свиарнике. Шесть детей, информантка – младший ребенок, русская, замужем, четыре класса
34. БРС, 1930, жен., д. Челпаново Козловского р-на Мордовии (в Мельников приехала в 1946 г.), отец погиб в Финскую войну, мать вышла замуж во второй раз, работала в телятнике (в Мельниково). семеро детей (двое детей - от первого брака матери, двое - от второго), информантка – старшая среди детей матери; еще было трое детей у второго отца от первого брака, они старше. Русская. была замужем, трое сыновей, неграмотная (ничего не заканчивала, умеет расписываться и считать).

35. КРП, 1935 г. жен., (переехала в пос. Мельниково в 1950 г.), д. Поливаново, Андреевский район, Смоленская обл., Отец – председатель совхоза, завхоз. Мать – колхозница, Трое детей, информантка – единственная девочка, русская, замужем, четыре класса,
36. СВФ, жен., 1932, д. Ергино Середкинский р-он Псковской обл. (в Мельников приехала в 1950 г.), отец служил во флоте, в магазине, был председателем к/з, трактористом, мама – колхозницей, две девочки двойняшки, русская.
37. НЗП, жен., 1929, с. Покровское Каменск-Уральского р-на Свердловской обл. (все живут в Екатеринбурге (Свердловске). отец - агроном, мать – домохозяйка, шестеро детей (три девочки и три мальчика), информантка – старший ребенок, второй раз замужем, от первого брака один сын; от второго брака – дочь, русская, семь классов, живет в городе.
38. МВА, муж., 1928 г. (переехал в пос. Мельниково в 1954 г.), д. Борискино Тверской обл, Папа – главный механик завода, мама работала на фабрике, потом была домохозяйкой. Девять детей. Русский. Вдовец, семь классов
39. АИК, жен., 1920, хутор Великолуцкого р-на Псковской обл, папа – председатель колхоза (в Великих Луках), плотник (в Мельниково), мама работала в колхозе (в Великих Луках), домохозяйка (в Мельниково), Восемь детей, информантка - вторая, первый мальчик умер маленьким, поэтому информантка фактически была старшей, была два раза замужем, дети от первого мужа: четверо, двое из них умерли. Русская, четыре класса.
40. ТНК, жен., 1929, д. Бочкари Великолуцкий р-н Псковской обл, мать – колхозница, отец – бригадир, семеро детей, русская,
41. ИЕИ, жен., 1926, д. Ивановщина Новосельский р-он Псковской обл, мать – колхозница, информантка - единственный ребенок, была замужем, четверо детей, старшая дочь умерла в раннем детстве, вторая - дочь, два мальчика, русская, пять классов.

Респонденты, проживающие в Хвойнинском районе Новгородской области (2005 г.)

42. ВЕД, жен., 1928, д. Спирово , Ефимовский район, Ленинградской обл. отец – председатель колхоза, мать – колхозница. пятеро детей (+ один умерший в раннем возрасте). Русская, замужем, две дочери. Образование – торговый работник
43. ГЕД, жен., 1917, д. Заозерье, Отец – председатель сельсовета, председатель колхоза; мама – не работала, в семье было четверо детей, своих двое детей, русская, образование: начальная (один триместр),
44. НАИ, жен., 1919, д. Устрека Мошенской р-он, отец – в деревне единоличник, в Хвойной – печник, плотник, два раза была замужем, есть дочь и внук, четыре класса, курсы повара
45. НАН, жен., 1914, д. Баслово (Звягинский с/с Хвойнинский район), родители единоличные крестьяне, четверо детей, Николаева А.Н. – старшая, была три раза замужем, от каждого брака - по сын, в школе не училась, работала в буфете, русская
46. СЕВ, жен., 1921, д. Маслово, Опеченский сельсовет, мама работала в пекарне, отец – рабочий, пять детей, респондентка - старшая, замужем, трое детей, русская
47. ЯНГ, муж., 1925, д. Стиньково Подсосненского сельсовета, Хвойнинского района, Женат, две дочери, отец – колхозник, потом конюх, мать – домработница, ФЗО, русский

48. НАД, муж., 1940, д. Пески Хвойницкий р-он, папа – работник лесничества, мама – домохозяйка (неграмотная), двое детей, информант младший, русский, женат, после 40 лет заочно получил высшее образование
49. ДНГ, жен., 1933, д. Прокшино Звягинский с/с, , отец – столяр, мать – колхозница. Русская, замужем. среднее (с 1 по 7 кл. – школа, опять 7 кл. и с 7 по 10 кл. – вечерняя школа), работала на телеграфе
50. ЛЮИ, жен., 1928, Аргуново Кушаверский с/с, папа – умер, когда информантке было 7 лет, в семье было 7 детей (все, кроме информантки умерли в раннем возрасте), замужем, двое детей, русская, семь классов
51. ИОА, жен., 1930, д. Трошово, родители развелись, мать второй раз вышла замуж, в семье было 5 детей, информантка старшая, замужем, есть сын, русская, среднее специальное
52. НДН, жен., 1923, д. Мышино, Жилоборский с/с, мама – стряпуха, в семье 8 детей, русский, пять классов
53. ВАТ, жен., 1933, д. Кленово Курковского сельсовета Хвойнинского района, родители колхозники, семь дочерей, респондентка – младшая из них; из семерых двое девочек умерло в раннем детстве, вдова. Есть дочь. Русская, четыре класса – работала с 13 лет
54. МВВ, муж., 1925, д. Демидово Остахновского с/с., папа – рабочий, мама – почтальон, в семье 3 сына, информант старший, женат, было двое детей (дочь умерла в 1 г., сын умер в 28 лет), русский, образование – школа.
55. ЛСИ, муж., 1927, д. Аргуново Кушаверского сельсовета Хвойнинского района, мать – свинарка, отец – председатель колхоза, одиннадцать детей (старшая сестра умерла в пятилетнем возрасте), русский, женат, пять классов
56. ННФ, жен., 1935, д. Шестерня Ямский с/с, папа погиб на фронте, мама работала на лесозаготовках, информантка – единственный ребенок в семье,
57. НПК, муж., 1933, д. Терebut Ямского с/с, Хвойнинского района, тринадцать детей (девять из них умерло в детстве в различном возрасте), женат, двое дочерей, двое внуков, русский, семь классов; работал на железной дороге
58. ИАВ, жен., 1927, д. Терехово, папа – кровельщик, мама – домохозяйка, замужем, есть сын, внуки, правнук, русская, среднее специальное

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Фрагмент интервью с КАА., 1926 г.р.

Детство было наше босо... босоногое. Раньше же ведь пионеры, комс... эти, как его, пионеры были, и октябрята были в те годы. Тогда же ведь коммунисты были. Ну. (Пауза) Я сама вот с Анфимова. Анфимова слышали деревню?

МГ: Это где-то здесь, в Вытегорском районе?

А вот они, как с Девятин, по прямой дороге, это, идти, прямо вот, мимо школы. Вот, прямая дорога эта. Но я-то, у нас сейчас в деревне, общее Анфимова считается, а я с... с деревни Крюково. У нас раньше, такая деревнюшка была, как ну как, небольшая такая, несколько домиков было. Так, раньше же был... была Мариинская система, до Волгобалта-то. Дак вот прямо к речке у нас, по ту сторону домики и по другу домики. Наш дом был са... пер... самый первый деревня Крю... деревня Крюково. Вот.

(Улыбается) Небольшие домики. Эти, деревнюшечка была. И вот я в этой деревне Крюковой родилась. (Пауза). Вот, это, как её. (Пауза). Родители мои такие были. Мама работала всю жизнь в колхозе. За трудовни раньше работали. Трудодень. Обжинали вот поля. Это ведь тогда ни комбайнов, ничё не было, всё вручную делали. Коров доили тоже вручную женщины в колхозе. Колхоз... колхоз у нас очень богатый был, колхоз был имени Ленина. В Анфимове вот. Ну вот. И ов... овечек держали. Очень много было этих, как его, лошадей. Ну, в общем, богатый был колхоз. И даже... капусту садили, картошку, поля целые, было, знаете это как. До войны-то я говорю. Детство наше такое было. Ну вот. (Пауза) В общем, жили бедно, но жили сытно и хорошо. Но раздеты, конечно, все были. Ничего не было. В школу ходили, у нас школа была в Анфимове. На... до четырех классов, начальная. А раньше ведь семь классов надо было кончать. Не как теперь вот одиннадцать, да двенадцать, говорят, будет еще. Ну вот. (Пауза) А война помешала, у меня токо шесть классов кончено. В седьмой класс перешла, а не в чем было идти. Не на... не на ноги ни обуть, ничего, раздетая, раздет... Раньше как, вот, например, у меня было одно платье. Вот, видите, кака семья была, семь детей было дак, у матери, у отца. Одно платьишко, вот это... в этом платье я и дома, в этом платье я и в школу хожу, целую неделю. Спецовки... эти, как их, формы ведь не спрашивали раньше, никаких. Вот. Бывало, со школы, в субботу вот, например, придем со школы, вечером мама: «Давайте, раздевайте платье». Платья разденем, она вот так (показывает) все их выстир... настирает. В деревянном кор... деревянные корыта были такие, в деревянном корыте. Так повешает к печке, там, на ухват, или на (смеется) хлеб садят на лопатку или на чего? Утром мама встанет, вот такой вот, был вот такой валик круглый, (?)палица, так, р-р-р, платье: «На, Настенька, одевай». Да я в этом платье опять всю неделю хожу. Потому что отец, папа один токо работал у нас на производстве. Да как на производстве. Он был всю жизнь печником. Печки ложил. Ну, везде, и в деревне, у кого, там, лежанку, у кого русскую, у кого какую голанку, у кого... у кого какие. А и потом работал отец у нас папа (Пауза). Он так у нас хо... ходовый такой был, ну, не то, что грамотность была у него, а просто грамотная находчивость (улыбается). В колхозе был вот выбран этим, как его, в комиссионной ревизии, раньше комиссионная ревизия была. Вот, ну, собрание там, выступали там. Ну, папа там, ну ту(?), как был тоже в ревизионной этой комиссии выбран. Теперь, в Вы... работал в Вытегре, и на колбасном заводе. И это, как её, на пе... на пекарне у нас в Анфимово печ... печки ложили, ложил тоже. В общем, специалист хороший был. Но не один у нас он в Анфимове был мой от... папа печником. Был ещё один Семён Матвеевич такой, теперь, Василий Воронов, Василий Дементьевич, которого знаю-то я. Вот. Теперь, был Обрядин Николай Ефимович. Вот их три печника, самых лучших считались у нас. У нас же много в Анфимове ра... было т.. как... знаете ли, богатых людей, раньше жили. Очень многих раскулачили ведь в те годы. Но мы-то ещё небольшие, конечно, были сами, ребяташки. Ну, как потом-то подросли-то так, всё же мы ещё, бывало вот у нас. У нас мама через два года, на третий у нас ребёнок. Мама, через два года, третий, ну, семеро детей. Ни аборта не было у мамы, ни выкидыша не было, ничего. Вот как семерых детей родила. И в роддоме не... не была ни одного р... дня, в больнице. Всех бабушка приняла, роды все. А бабушка – это папина мать, Нина Николаевна. Вот. Всех нас, и в деревянном корыте всех (смеется) накупала, и тут, грыжу, значит, заговорит, и пуповину отре... отгрызет и всё са... всё сама. Ну, знала дела дак. Ну, и над скотиной, там, знала. Вам не холодно? (Разрыв записи) Такие дела, дорогушенька моя. Вот так что детство вот такое наше было. Как говорят, босоное, голодное. Конфеток ведь мы, нам свободно ничё не было, чтобы слатость была вот как теперь детям. Это самое. Только что свободно нам было? Хлебушко – мама сама каравай пекла раньше. Ну вот. Хлебушко свободный был. Не закрывали от нас. И теперь, масло, вот, не растительное называлось, а вот раньше как-то вот по-другому-то называлось, забыла я. Не конопляное, как-то вот другое. Ну, типа, вот, растительного, но только чтоб по-иному оно называлось. Теперь значит... И что ещё было? Вот, ма... этот, хлебушко не закрывался,

масло не закрывалось. Ну, соли-то, это уж само собой. А чего, молоко, дак мама не разрешала. А молоко, что вот коровушка у нас одна была. И то, государству надо было всем налоги сдать. Вот. Если вечерний у... удой несем на маслозавод, сдаём... Большие были раньше эти, как же(?ведь) эти, коммунисты-то, большие налоги были. Ну. Дак нам уже вечером по чашечке молока нету детям, нету уже. Так уж кое-чѐ нам дадут покушать, и всё к ночи. Вот. А если утром удой, у это, весь удой уносят, поскорей надо выносить-то, то тогда вечером нам по чашке дают молока. Вот такие дела (улыбается). Ну а чѐ, и не знаю, как мы и выросли, даже уди... удивляемся. Бывало, гороху вот мама на... наварит. Летом же мяса нет, какое мясо летом. Это зимой, когда, там, овечку убьют, или, там, мало ли вот так вот. Дак ещё и мы мясо, суп мясной, там, сварят. А летом дак, щавель, да всякого всего вот так насобираем да, супу наварят, да вот. Вот, вот такие вот. Ну. Не знаю ка... как. Яблочко, бывало, папа заработат денег по печной-то работе, бывало, конфетки вот такие длинные, мятные такие, красивые такие, и ещё и бумажками. В кармане нам... нам купит всем по конфетке. Ну, придет: «Ну, идите, ну, ребятишечки, давайте-ка подходите ко мне, конфеток дам». Вот подходим, всем по конфетке нам. Радует-то, радостей-то. «У тебя там какая конфетка, покажи-ка?» Какие бумажки-то. (Смеется) С сестрёнками-то. Нас три сестрёнки. Дак и вот. Потом было семеро детей-то дак. Два мальчика у нас умерли. Вот. Пятеро нас (в-?) живых-то всего осталось. А теперь вот мы токо две сестры. Одна в Москве вот живет, а другая вот (улыбается), а другая вот где, старшая. А та (?одна) младшая, остались. Вот недавно у меня сестра ведь умерла. Заболела, вот в Вытегре жила, Сидякина Тамара Александровна. Вот семьдесят... она на три года меня моложе. (Разрыв записи). С теперешним мужем, бывало, с которым, это, дружила, года три или четыре они даже дружили. Серёжа приехал, значит, это, как его, «Тамара, поехали в Вытегру», а в Вытегре раньше, знаете, тоже не так, как теперь. Теперь всё уже пере... перестройка, перестроилось. Раньше же там театр такой был, как в... это, во дворе таком, ну, в деревянном таком здании. Это театр назывался. Ну, кина немые, да всякие показывали раньше же ведь. И поехали, да поехали в Вытегру, поехали, да поехали, это, в кино. Ну, поехали. А тогда даже и автобусы не ходили вот, эти, перед войной такие, назывались как шалманы. Такая, ну, закрытые такие машины. И сзади такие, ну как, ступенечки, подниматься-то туда, вот это. Ну, брезентовы, так об... так обтянутые, вот такие были автобусы, назывались, в Вытегру ехать. Ну это. А то большинство всё пеши ходили. А дороги-то не асфальтированы были, грязи-то по колёно, вот так идёшь, бывало, о-о-ой. Ничѐ мы не видели хороше детство, (нрзб) да нечего говорить, не было детства нашего. Ну. Бывало, я старшая, была из сес... из дочек-то. Мама, бывало, скажет: «Настенька, придется тебе в город ехать, съездить». Там, по каким там делам, мало ли отправит. Ну. Вот перед войной как раз, лет мне дак тринадцать, двенадцать было. Видишь, какие ещё мы дети-то были. Война началась в сорок первом году, мне было пятнадцать лет дак. С двадцать шестого я года, считайте. Ну. Ну что ж. Бывало, ой... «ой, мама, как не охота, в такую... по такой грязи... грязи-то идти». А чѐ, об... обуви-то нет, кое-какие башмаки на... на этом. «Ну ладно, давай, любушка, тепло, дак это, где сухо, дак сними, да босой беги». – Мама-то, бывало, скажет. Ой, да всяко было. Ой. Может, кто-нибудь поедет, да как его, в Вытег... в город, дак кто-ни может, и подвезѐт тебя. А ну надо идти в город, любушка, некогд... мне дак некогд... надо идти трудодень зарабатывать. Какой-то лишний килограмм хлеба получишь зерна дак, ведь это большое дело – день пропустить. Вот меня и отправит, бывало. Ну вот, да как же, то, другое, да, а в Вытегре там, раньше там магазины, магазины, всё подряд, подряд, подряд. Ну. А я така тоже любопытна была (нрзб)-то, (смеется) интересн... интересно поглядеть-то (?на это) где что. А денег-то, какие деньги, там мама даст ес... если на чѐ. Там, в аптеку отправит или, мало ли за чем вот по делам каким. Ну вот. Ну, скажет: «Там хоть купи себе булочку-то, булочку-то себе, покушай». (Смеется) Или пряничек купи. Ой. Всяко бывало. Ну а чего так-то в основном? Ничѐ не было хорошего. Раньше же ведь наш дом, избы большие были, дома. Вот и сейчас у нас (нрзб) большие дома, которы остались люди-то.

Полы были некрашенные, белые, о-о-ой. Вот я-то пошеркала полов, да помыла, люблюшка. Это теперь так ой на... что ты, разве белые полы, како дело, скорей давай дак красить. Вот, а тогда дак о-ой. Ну а чего ещё в особенном. В особенности вот. Вечером, конечно, весело было. Это, девчонки, день-то ведь, мы, нам работы, мама, бывало, надаёт, задаст кому чё делать. Вот, ребятам, например, парням, два парня у нас дак, ребятам – чтобы вода была на... натаскана. Бочка большая така стояла в избе. Скотину, да на хозяйство, да посуду мыть, да всё да. Ну вот. Ребятам воду, накатать дров к печкам принести. Это утром мама разр... это как, наряд дает всем. Ну. «А тебе Настя (?Ася), старшей как...». Еще бабушка-то была жива дак, ещё нам легче было. Бабушка у нас на девяносто шестом году умерла, папина мать-то. Она там уже горшки намочет, там это всё сделает. Ну вот. А это, как его. А когда бабушки не стало, всё на мне. Я сама старша, всё мне, до с... всё мне. Эти ещё небольшие. Эта на три года меня моложе, а та ещё маленька совсем сестрёнка. О-ой. Бывало всего. Ничё мне... я хорошего не видела, ничего. Как вспомнишь, дак. Ну вот. Теперь, значит, что. (Пауза) Ой, как, как еще Вам, чего бы ещё-то рассказать..

МГ: Ну вот, вы говорите, задания Вам давали...

Да, вот-вот. Мы вот обычно, утром встаём, «ну, ребята», вот, ну покушам там что есть, попьём чайку там, или там, молочка по чашке даст, или по чаю, когда молока нет. Ну там покушам, что там сготовит. Ну и вот, сразу и говорит: «Ну вот, ребята, вам вот, сами знаете, кака работа, парням вот. Ну. Виктору и Владимиру. «Вам такая работа, сами знаете». А теперь ещё, ведь ра... (Конец стороны А касс. № 76)

Касс № 76 Сторона В.

Четверть такая, эти, как его, ну как, четверть такая стоит, стеклянная ба... бутылка, в этой, в корзиноч... в корзинке такой. Вот. «Вот деньги, керосину чтоб было к вечеру привез... принесено». «Сходите в магазин в сельпо». У нас «сельпо» магазин назывался (улыбается). Вот. Лавка, лавка раньше, лавки назывались. Лавку, в лавку. «Вот сходите в лавку, купите бен... это, киросину. Принесёте, к вечеру, чтоб был керосин. Иначе будем в потёмках сидеть. Нету, керосин кончился в лампах». Ну ладно. Теперь что. Ну а мне... а нам как. Мне дак как старшей дак, бабушка когда была жива дак ещё, мне первым долгом: «А тебе, Асенька, избу всю подмести». Опахать веником, веники берёзовые, раньше ведь не было метёлок как теперь. Ну вот. «Веничком, избу везде под.. вымести хорошенечко». Ну. «За девчонками смотреть. Вечером телёночка загнать. Овечек встретить». Там, когда если огород дак, «в огород сходить, пополивать грядки». Ну вот так вот. Вот так всё это такое. Или скажет: «А ребятам дак воды накатать, там, во дворе убрать, там». После-то скотины, после коровушки-то. Ну. Ну и вот тоже вот, кое-кому, кому чего даёт.. надаст работы. Ну вот. Ак чё, парни дак. Они раз-раз, быстро. А мы. Я дак чего, я вообще-то всю жизнь тихо делаю. Ну. Да ещё у меня этих-то две. Я и за няньку тут, и за всё. (Смеётся) И делать надо, и нянчить надо. Вот. Ну а в субботу, как обычно. Там, самовары чистим, полы моем. Там уж как помоем. Ну, я-то правда, такая, это, полненькая така была, но мыла, всё это-то делала. Бабушке помогала, там это всё это как так уже.. Ну. Ой-ой-ой. А сенокос настанет дак, меня уже первым долгом. На сенокос. Их, этих маленьких... А я-то уж. Подошла девчонка дак. Мне надо уж. Папа утром уже это, как его: «Ася, ну-ка, давай, вставай, помо.. помоги, помоги матери чё там, и давай на сенокос готовься. Всё, грабли уме.. умеешь держать и грабить будешь, там». Вот так вот. МГ: И сколько Вам лет было? А? МГ: Сколько лет Вам было? Да лет, наверное, тринадцать или двенадцать, может, было. Вот такая я была. В так.. таком возрасте. Уже везде меня, везде, везде, везде. Мне не было покоя. Я и говорю, что если не дома, дак уже мне дел дадут. Ну. Что-нибудь да всё же. Вот. Теперь, значит, что. Ну, мама-то меня жалела, конечно, всё время крик, ой, бедна ты. А вечером, значит, вечер настанет. Вот, в другой раз бы и лечь поспать, там, или что. Ну вот. Девчонки покоя не дают, соседки. Бегут, под окнами кричат: «Ася, выходи в рюшки играть! Выходи в лапту играть!». А как выходи-то. У нас папа строгий был, очень даже, нас не отпускал, не давал нам воли, чтобы вот так бегать. Парни, парни парнями. Парни, там, уйдут, и убегут, и без спросу, и всё и.. и парней, это, не ругал, не запрещал. А

девчонок, ну, знаете, как. Не, не з.. это, не хотели позору, ведь всякие и раньше были, всякое. Ну вот. Дак я-то говорю: «Мама, можно сходить с дев.. девчонками побегать-то». А мама скжт: «А для мамы дак, как папа-то(?)». А я смотрю, если папа в настроении, всё дак, подхожу, говорю: «Папа, вон девчонки кричат, на улицу, в лапту поиграть, можно сходить?» Он меня вот так возьмёт за руку, вот так вот (показывает, берет за руку). «Пойдём, Настенька». Под.. подведёт меня к часам, старинные часы такие, три гири и три этих, шесть, с боем. Под.. подведёт меня к часам и говорит: «Ну, вот, Ася, вот, смотри, вот эта стрелка, вот раз обойдёт кругом, два обойдёт, три обойдёт, а маленька как будет вот на девяти, на девять – чтобы быть дома. Не будешь дома вовр/емя, ну, дак, знай, что будет завтра утром. Вот, ремень сниму». Такой у него был с гражданской войны, с медной пряжкой всё носил. «Вот, сниму ремень, и всё, попадёт хорошо, (1нрзб) будет». Так, мама поб.. побе.. это, отпустит отец, так побегу. А мама-то выйдет в сени-то и говорит (шёпотом произносит): «Ася, если вдруг забегаешься, загуляешься, так, у меня на дворе будут ворота открыты. Тихонечко зайдёшь по двору». (Смеётся). Или скажет: «На кухне будет крючок снят с окошка». Это летом дак, с окна. «Так тихонечко зайдёшь, чтобы тихонько, чтоб отец не слышал». (Смеётся). А какое, разве в девять придёшь, с девками-то заг.. за.. забегаешься, загуляешься. То на качели там качаемся, то в лапту играем, то в рюшки, там, всё играем. (Пауза)

Фрагмент интервью с МНМ, 1930 г.р.

(Говорит медленно, с большими паузами между фразами) Родилась в тысяча девятьсот тридцатом году, первого февраля. Деревня Сюрга Шимозерского сельсовета, тогда назывался Оштинский район, а теперь называется Вытегорский. Ну, детство. Сначала, конечно, пока не было войны, детство было более или менее. До одиннадцати лет. А в одиннадцать лет началась война, и тут, конечно, детство кончилось. Папа ушёл на фронт. Нас осталось двое, мама родила третьего. Отец и не знал, кто родился, родилась девочка, он и не знал, он не получил от нас ни одного письма. В семье осталось нас двое(?), дед.. дедушка, бабушка, мама и ещё дядя с нами. Вот такая большая семья. Ну пока хозяйство вели.. Ну что там, корова была, овцы, поросёнок. Более или менее жили так. Ну а потом уже хлеб стали давать по карточкам. А карточки, что там – двести грамм. Но детям войны давали по четыреста грамм. Но нас трое детей, поэтому. А потом случилась у нас в сорок втором году беда. Мы все заболели корью. Я, брат Лёша, ему шесть лет, Аннушке ещё только годик исполнился. Да где годик, не было, в августе родилась, а первого мая умерла, так не было ещё, десять месяцев, кажется. Вот эта корь и у меня братика и сестричку отняла. Тогда не было никаких прививок. Вот меня еле спасли, достали пенициллин через военных врачей, а им уже больше не было пеницилина. И поэтому я болела воспалением лёгких, а у брата была сильная ангина, а лечили в больнице от воспаления лёгких, и вот он умер от удушья. Ну а сестрёнка, конечно, маленькой была, она не вынесла высокой температуры и вот. Так первого мая умерла сестрёнка, пятого мая умер брат, а двенадцатого мая умер дедушка. Видите, какое тяжёлое было. Ну, тут уже началась, конечно... как сказать, уже голод начинался. Хлеба-то не хватало. Ну, приходилось.. собирали головки клеверные, кислицы, костёр, всё это толкли, и вот пекли такой хлеб, который нужно было есть. Ну, нам, детям, конечно, меньше давали, оставляли побольше этого. Ну а хлеб тоже пекли какой, сырой. Возьмёшь килограмм, а там чего? Половина воды. Ну это, значит, сорок второй год. Четыре года я училась в этой деревне, в Сурге. Четвёртый класс закончила, перешла в пятый класс. В пятый класс надо было три километра. Зимой, мороз, метель, иногда и дороги нет, мне приходилось на лыжах ездить через болото. А лыжи какие? Тяжеленные, широкие такие, охотничьи, путних лыж-то не было. И купить негде, и не на что было купить. Одежды тоже путней не было. Сапожки все залатанные, валенки – то же самое. Пока дедушка у нас мог, он был котовал, вот до сорок второго года он всё катал валенки. Так вот ещё за счёт этого ещё жили. Он.. на

селе(?) он работал, он делал, и приносили.. привозили когда картошки, когда хлеба немножко, зерна. Вот и так, кое-как жили. Ну в школу я пошла, конечно, очень тяжело было. Пятый, шестой класс я всё ездила на лыжах. Потом в седьмой класс пошла. Хлеба мало. А у меня(?) брата жена работала в сельпо, она говорит, что вот у меня работница одна выходит замуж, есть место, может, ты придёшь в качестве счетовода? А я говорю, да я же ничего не.. не толкую, на счётах считать не умею. Я, говорит, научу. Ну и вот, я решила идти, я говорю, маме хоть немножко подмога. Ну там я поработала около двух лет. Пришёл из фронта, вернулся мой учитель, Степан Яковлевич Гаврилов. И говорит: «Нина, тебе тут не место, ты должна учиться». Я говорю: «Я уж пропустила столько, и в математике не очень-то». У нас учитель такой был, приезжий и несерьёзный, часто выпивал. «Ничего, у нас теперь новая учительница по математике, и ты догонишь. Ну и вот, я закончила в сорок восьмом году седьмой класс. Куда поехать учиться? Отец всё мечтал, что я буду врачом, хирургом. А у нас же не было десятилетки. Поэтому куда с седьмого класса, какой хирург?! Ну вот, а учиться куда-то.. в десятый класс – это было только здесь в Оште или в Вытегре, или в вознесении. Но у мамы какие средства? Она работала дояркой. Ни денег, ничего. Ну я приехала в Петрозаводск. Там двоюродный.. отцу двоюродный брат был, Николай Иванович Богданов. Он тоже вот занимался вепским языком, филолог был. Ну и вот, он говорит: «Ладно, поживёшь пока у нас, а будешь учиться в библиотечном». Я вроде хотела. Но в библиотечном пока не было квартир, в общем, общежития не было. Ну я говорю: «Ой, у вас и так большая семья, я, наверное, пойду, где общежитие». И вот я поехала в Сортавальский сельскохозяйственный техникум. И там четыре года проучилась. Закончила в пятьдесят втором году. Послали меня в Олонек. И вот, в Олонце я проработала три года. Потом из Олонца решила я поехать. Тяжело было там работать, десять колхозов, столько было инфекционных заболеваний много, и очень я устала там. Вот. «Поеду я учиться». Я написала заявление в сельскохозяйственный институт Пушкинский и поехала туда. Поехала туда, один экзамен сдала, физику, на тройку без подготовки. Я говорю: «Нет». А профессор говорит: «Химию-то я буду принимать, тут я те поблажку сделал, а вот химию-то я не буду делать поблажку, у нас много приехало якутов». Ну и я решила: «Ай, не буду учиться!» Документы взяла и поехала, не стала учиться, в общем, испугалась, что.. да не сдала бы я, конечно, без подготовки. Ну и вот, встретила в Пушкине своего супруга. Вот, думаю, ладно, год я поживу с мамой, мама уже здесь жила, переехала оттуда, а потом буду учиться дальше. Ну вот встретила и.. Я домой приехала, он там ещё пожил и говорит: «Я приеду к вам». Он приехал. В сентябре приехал, и сыграли свадьбу. И вот, остались тут. Остались-то не тут. Мы.. он служил ещё. Два года мы прожили в Ропше. Он служил, а я.. там работы не было, военный городок, работы нет. Ну пожили там два года, он говорит: «Буду демобилизовываться, поедем в Москву». Он из Москвы. Ну вот, поехали в Москву, комнатка маленькая, пятнадцать метров с половиной, а там ещё кроме нас трое. Да у нас ожидался ещё шестой человек. Вот, ну, конечно, я бы не рискнула уехать оттуда, но получила телеграмму, что мама в тяжёлом состоянии, но телеграмма была фиктивная. Они просто захотели меня увидеть, соскучились. Вот я приехала, месяц пожила, а он не выдержал, сзади. Вот так. С пятьдесят седьмого года здесь живём. А ещё какие там вопросы?

МГ: А можете поподробнее рассказать о детстве до войны?

Детство до войны. Так, до войны папа работал счетоводом в колхозе и продавцом. Но тут, конечно, до войны детство было так, нормально. Помню, он приносил повидло с магазина. Это для нас в деревне, конечно, было дико. У нас же там яблонь почти не было. Ну, бублики всякие, пряники, внутри там начинка была. Вот это было, конечно, лакомство. Но сахар был, помню, большими головками, вот такие, как это, как стожок, головка стоит. Там было два дома у нас, летний и зимний. Так вот, зимой, когда в зимнике жили, а в летней комнате – там сахар. Там топорик стоял, и вот топориком тюк! - и на кусочки. Ну, сахаром, конечно, не баловали, потому что.. ну.. и денег не было тоже. Одежды вообще

не было. Обувя. У нас были с братом одни спортивные тапочки, раньше назывались «спортсменки», белые с пуговкой. И вот это мы делили. «Вот сегодня я одеваю, завтра ты одеваешь». Я говорю: «Лёша, тебе же велики». «Ничего, нога ещё вырастет». (смеется) Вот так.

МГ: Ну а ещё что помните?

Ну что. Приходилось... Да, вот все уходили на сенокос. Я оставалась дома вот с Лёшей, он ещё маленький был. Я его закрою, мне надо идти за водой, мне надо идти бельё стирать. У нас речка далеко, и озеро далеко. Речка, наверно, метров триста, если не четыреста. Вот узел белья завязываю, туда кусок мыла, и вот, иду стирать бельё. Стою в воде, огромный такой камень, вот со стол такой плоский камень в речке. И вот на этом камне все малыши, и я, и другие девчонки стирали бельё. Воду таскать надо огромными вёдрами, маленьких ведёрок не было. Вот несу ведро, оно волочитя по земле. Ещё оно такое не.. как вот шас алюминиевое, не такое, тяжёлое какое-то, железное. Дно то ли приковано, то ли.. Я как вспоминаю это ведро, так и у меня рука как будто отвисает, два-то ведь тяжело, а одно ведро до чего доволокёшь. Бабушка говорит: «Нина, зачем ты полное-то ведро берёшь, ведь ты вытянешь все жилы». «Ну, бабушка, мне же два раза надо ходить, да три». А самовар огромный, десять литров, медный такой самовар, на большую семью.. да, такой самоварище огромный. Вот это огромное ведро надо если полное, так ещё хватит, а если полведра, надо два раза ходить. Вот я и волокла это ведро. Вот так, детство было какое у нас.

Фрагмент интервью с МВС., 1930 г.р.

...потому что была война.

МГ: Ну вот расскажите с самых Ваших первых воспоминаний и до того, как Вы думаете, детство Ваше закончилось.

Дак вот детство-то как закончилось. Родилась я, значит, э.. в селе Ошта, деревня Кургино шестого марта тридцатого года. Жили.. вот тут за мостом мы жили, вот мост-то тут большой есть. Вот сразу за мостом наш с того краю был второй дом, вот туда едешь так. Ну, потом не было ни одной, во время войны всё сожжено село было. Вот. Ну, жили мы, была у нас мать, отец, бабушка. Вот мы жили трое детей, и.. два брата и я. Я самая была старшая и два бр.. два брата. Ну, жили, учились, я до четвёртого класса, до начала войны училась в селе Ошта. Ну, детство как проходило, как обычно у всех детей. Играли, веселились. Всё. По полям ходили. Но у меня была такая привычка, я вспоминаю, что мне надо было что-то, вот.. по.. дарить, всё время дарить, в общем, людям всё. И у меня это в крови так осталось, что я теперь стараюсь всё, что смогу, что отдать людям. Вот, всё помню, бабушке то цветов нарву, то этого, ягод соберу. Вот. И всё это я своей любимой бабушке. Ну вот, а потом в сорок первом началась война. Война началась, я девочкам уж это всё рассказывала. Значит, нас стали эвакуировать. Вот, нас мама повезла.. Да, папу в тридцать седьмом году у нас репрессировали. Вот, потом мама нас воспитывала одна. А трудовая деятельность, можно сказать, началась у меня с тридцать седьмого года, когда мне было семь лет. Папу забрали, я была самая старшая. А тогда дрова, не теперь как трактора заготовят, пилой, электропилой спилят, а тогда была пила ручная, пилили. И вот мы с мамой, вот начинали, уж эта работа началась у меня с пилки дров. Ну и тут помогала ведь по хозяйству. Ну и вот, война началась, значит, мы эвакуировались. Вещей мы никаких не взяли, думали война скоро кончится. И нас мама повезла на лошади.. трёх детей и бабушку, и с собой взяли корову. Мы с коровой не расставались. Вот, поехали мы, значит, в деревню Копово. Там были родственники. Там мы жили недели, наверно, две. Вот, потом пришли финны. Здесь не немцы были, здесь были финны. Вот, пришли финны. Ну вот, и они уже тут стали просить молока. Стали в колхозе.. колхоз не успел эвакуировать скот, стали забивать они скот колхозный, уносить к себе на территорию. Ну вот. Ну нам тут.. финны пришли, нам делать нечего, мы взяли и шапку в охапку, как

говорится, и поехали в лес, там, в избушку. В этой избушке жили мы пока там съели мы.. у лошади был жеребёнок, мы этого жеребёнка скушали. Две семьи. Ну вот, корова была, ак молоко питали. Ну, муки у нас не было. Было у нас зерно. Вот это зерно мы там варили. Вот такая жизнь пошла моя. Вот это зерно мы.. и зерно эти.. по два мешка у нас было, мы съели, больше у нас есть нечего. И вот мы поехали из этого опять с лесу в Курвоши, вот здесь Курвоши есть. Вот в Курвоши мы приехали, месяц мы здесь пожили, и нас партизаны всех оттуда уволили. Финны уже приблизились. Вот, здесь остановлен враг, гра.. видали? Тут про..

МГ: В Оште, да.

Вот, уже финны здесь в Левино жили. Ну и вот, стали делать уже обстрелы, уже Ошту, ну вот. И мы уехали в Курвоши, с Курвош нас выгнали. Потом нас.. мы поехали в Коштуги, как говорится, в Коштугах был район. Вот моё такое детство было. В Коштуги приехали мы. Мы там жили тоже месяц самое большое. Там карточки были, по карточкам хлеб давали уже. Ну вот, ну там жить было негде, в Коштугах, ну переехали мы в Мегру опять. Опять на этой лошади, эту коровушку всё взади волочили. Приехали в Мегру, и там в Мегре, в колхозе сначала жили в деревне Лутоно, затем в Верховье, потом в третью деревню переехали. Это всё одного сельсовета, в Мегре. Переехали, значит, было два колхоза: «Труженик» и «Муравейник». Вот, мама всё работала в колхозе. Ну вот, и.. и опять моя трудовая деятельность началась, работать в колхозе «Муравейник», опять, питаться-то надо. Двести грамм-то хлеба давали ка.. талоны, дак это мало. И вот, стали прирабатывать. И я учиться опять начала, четвёртый класс уже на Леме кончала, четвёртый класс. Ну вот, потом летом мы стали работать в колхозе, зарабатывать, подрабатывать, навоз возили, боронили на лошадях, в общем, всё, что смогли делать. А то была война. (Плачет) Без слёз вспомнить не могу. Вот, потому что мы. (далее более спокойно). А потом учиться мы стали, на Лемо-то четвёртый класс кончили, в Мегре была средняя школа, но она была не в Мегре, а в Понизовье. В центре боялись, тут, что были обстрелы. Ну и вот, это мы ходили за шесть.. за шесть километров в школу каждый день полуголодные, шесть километров. Три километра с Лемы до Мегры и ещё с Мегры до Понизовья ещё три километра. Вот надо было учиться. И вот учились. Значит, мы там (пауза) четыре, значит, там мы учились, наверно, три года, нет, два года мы в Понизовье ходили. Потом всё ж таки перевели школу в Мегру, и восемь классов я кончила уже в Мегре. Ну тут уж окончательно в колхозе помогала работать. Потом вот теперь засчитали это в трудовой стаж, как ветеран Великой Отечественной войны, не ветеран.. как не участник войны, а ветеран. Вот у меня удостоверение есть, дано. Ну и вот, а потом (пауза) в сорок восьмом году я кончила восемь классов, дальше поступать учиться было нет возможности, мать одна, трое детей, бабушка. Ну и вот так мы.. я осталась неучёная, пошла работать потом уже себе зарабатывать настоящий кусок хлеба с сорок восьмом году в управление сельского хозяйства. Вот так моё прошло детство. Вот како детство – война! Дети войны. Вот так. Ну и потом и так и началась у меня трудовая.. а с.. до сорок девятого года мы жили в Мегре, вот в этой, всё на Леме на этой мы жили. Ну а затем я этого, в сорок девятом году мы решили переехать обратно сюда, на свою родину. И вот в сорок девятом году мы сюда переехали. И вот с сорок девятого года здесь мы живём. Вот. А в пятьдесят девятом году построила дом, вот этот дом построили с мужем вдвоём, сами лес заготавливали, сами на лошади трелевали. Всё, и вот построили, в новый год будет в мае месяце пятьдесят лет этому дому, и как я здесь живу. И пятьдесят лет моей коровушке, пятьдесят два года как я держу коровушку. Вот. И собачка тоже живёт с первого дня в этом доме. Ну, собачек было много, да всё давили, да всё. Вот такое моё детство. Детство почти я не видела, детство прошло всё в войне.

Интервью ЕЛС, 1945 г.р.

14 июля

Ну я родилась, значит, в тысяча девятьсот сорок пятом году, здесь, в Девятинском сельском совете, деревня Великий двор. Может быть, вы в той деревне и бывали, они там от Депо недалеко. Так, значит отец всю жизнь у меня, значит, работал председателем колхоза, председателем сельпо, председателем сельского совета. В семье было, кроме меня, два брата. Один брат старше на четырнадцать лет, а один брат на полтора года младше. Тот, который на четырнадцать лет старше, дак мы с ним очень мало росли, потому что он в Ленинград уехал в ремесленное, и мы вдвоём вот с братом с этим воспитывались больше. Значит, по району поездить пришлось, потому что отца переводили, раз он выборная должность была. Даки жили в Вытегре, жили в Анхимово. Но основную-то жизнь прож... прожили здесь. Ну что, училась я в Белоручейской школе, там и закончила. Ну так... э... Ну запомнилось что. Воду мы носили из колодца. Мы любили очень разные... в детские игры играть: салки, лапту, в пятнашки, в прятки везде. Трудиться нас заставляли постоянно. У нас... мы держали скотину: корова, телёнок, поросёнок. Всегда были огород. Кроликов много, поэтому на лето нам было задание уж всегда с братом – носить веники для кроликов, вот если там траву это всё, значит, э... Я с пятнадцати лет, закончив... значит... девять... восемь классов, вернее, раньше восемь. Была семилетка и десятилетка. А потом сделали одиннадцать классов, поэтому родители сказали, очень долго учить, выбирай, надо... получать специальность. Короче говоря, после восьми классов я уехала в город Сокол Вологодской области и поступила в дошкольное педагогическое училище. Закончив его, четыре года училась после... раз восьми... летняя. И меня отправили сюда же, в Белоручейский леспромхоз, в детский сад, где и проработала двадцать два года. Вот, а потом перешла в школу, и до сих пор работаю в Девятинской школе. Что из детства. Мать была строгая, отец был не строгий, а мать была строгая. И за любую провинность и шалость, да, наказывала крепко. И помню и тряпкой, и в угол... в углу стояли, и, в общем... доставалось, чтоб не рвали одежды, не пачкались, всё это было очень всё строго. Потому что большого богатства избытка же не было раньше. Но в то же время вот то, что надо нам, всегда было. Вот велосипеды, например, уже мотоциклы... вот брату-то ковровец такой небольшой, помню, подростком был уже куплен. Оде... мать сама шила и вязала, поэтому хорошо меня одевала, как бы единственная дочка всё равно уже считалась, нарядная была. На карнав... в школе очень часто устраивали, каждый год карнавальные эти вот бал-маскарады. Она меня всегда наряжала, и я занимала всегда призовые места в школе. Да, и даже было, ездила на районные, вот этот бал-маскарад и там занимала призовые места. Любила очень выступать в художественной самодеятельности с детства. И здесь сорок лет была на сцене, пела, ходила в народный театр, вместе с мужем ставили спектакли, есть очень много фотографий, и есть большая кассета, где праздновали мне юбилей – тридцать пять лет на сцене. Дом культуры прямо отмечал, был полный битком зал народу. Вся задарена была... подарками от всех организаций, и от людей, от всего. Ну а чо, детство, я вспоминаю, неплохое было, неплохое, иг... вес... весёлое. Школа далеко была, зимой отец на лошади в санях даже нас возил. Деревенских насадит многих и свезёт, потому что метель иногда, дороги замело. Всё, так что жили хорошо. И студенческие годы прошли хорошо. И семья у меня хорошая. Так что жизнь я прожила свою, считаю, неплохо. Работа любимая. С работы до сих пор не отпускают. Что вроде здоровья-то бы уже и надо, это, уходить. А потому что я ребят очень люблю, и вот интересно с ними, все там это... вспоминая своё детство, тоже рассказываем смешные истории, всякие придумываю игры, праздники красивые устраиваю на фольклорном материале. Вот в муз... на базе музея, я девочкам папку показывала, у меня вот есть папка, я могу тебе показать, щас Вам, что там проводила и масленицу, и под рождественской звездой... значит, вот такое мероприятие. Потом, день равн... какого-то равноденствия. В общем, всё-всё на фольклоре, много лет работала, это было мне тема по самообразованию. Так что и сама всю жизнь не выхожу из детства. Вот. Ну чего, может вопрос какой, зададите, я не знаю даже.

МГ: А ещё какие игры помните из детства, можете поподробнее рассказать?

Ну вот, например, в детстве какие игры, вот забыла, уж как оно называется-то вот, вот такая вот досочка, чижик такой деревянный. Вот стукнешь по одному концу, этот чижик далеко отлетает, и, значит... как-то интересно вот искали чего-то мы, забыли, забыла я. Потом, вот квадрат, игра. Чертим с одной стороны, команда, и с другой мячом выбиваем. Ну, классики эти же. Ну а прятки, дак у нас сараев, да деревьев, да всего, дак у-у-у, в деревне интересно было. Ну какие ещё-то игры...

МГ: А что вот это с квадратами, Вы говорите?

А вот квадрат такой вот, перебежать надо. Вот например, с одной стороны команда и с другой стороны, вот мячом кидаешь, надо перебежать, чтоб мяч не попал. Вот. Если кто... в кого попадёт, этого человека, там, эта команда забирает. Ну и вот так вот как-то, интересно. И забыла уже тоже давно дак.

МГ: А как она называлась?

А вот ка... вроде как «квадрат». Круги вот эти вот тоже чертили, занимали места как-то в кругах. Тоже мячом выбивали и перебегали из круга в круг, видимо, одному... Я так понимаю... представляю, что человеку одному не было круга. Вот надо успеть, вот мяч когда летит, тут перебегают, вот надо место занять... в круге, а кто-то, значит, тот уже вот будет бить этим мячом.

МГ: А эта игра как называлась, помните?

А вот по моему вот это вот... «выбей из круга» или «круг»... круг... ой! Слушайте, давно всё это, мне уж шестьдесят два года, дак чо-то всё припо... позабыто. Катались с горок всё время. Там такие горки, на... на этих, на картонках, на досочках. Всё это... Хорошо! Весело жили.

МГ: А Вы не помните, Вы не делали тайники в детстве?

Ну как же, тоже тайники делали. Даже вот интересно то, что, например, курицы... Бывает так, что... ну хозяйка проверит, хоть мать, что вот яичко должно быть сегодня у курицы. Яйц нет, вот заставляли эти гнёзда искать. А у нас в сарае там всякие... лазы тоже дак... были случаи, что найдём гнездо, дак там уж, наверно до полсотни яиц. К Паске-то всё раньше не было ведь так в магазинах свободно, ак старались в корзину и в подвале хранить до Паски. Мало раньше яиц ели, ведь теперь так наварят.

МГ: А Вы хорошо отмечали Пасху?

Хорошо отмечали. У нас хоть отец и коммунист был, но он не запрещал матери. Мать-то не... такая более боговерн... с... православная. Иконы всегда в доме были. Но (ну?) (как утверждение). И отмечали Паску обязательно. И яйца красили, и куличи пекли, и эти всё. И Паска такая, что «Христос воскрес», вот таки буквами тоже выпекалось. Но... (как утверждение) по настоящему.

МГ: А вы, дети, чем в Пасху занимались, помните?

Как же не помню, с яичками ходили из дома в дом. Вои... «Христос воскрес», они та... там отвечали «Воистину(о) воскрес», обменивались яйцами. Бились, у кого больше вот это... кто больше насобирает яиц-то, крепко яйцо если долго, дак он много наберёт яиц этих битых. Всегда в деревнях угощали. А ведь в святки всё время маскированными по избушкам тоже ходили. Нарядимся кой чем и... и вот там коляда-то, колядовали, песенки, колядки эти пели...

МГ: А не помните вот эти песенки?

Есть, вот я Вам могу даже вот эти колядки, у меня сохранились. С детьми-то уже я проводила в школе дак. *(Затем респондент рассказала, что часть записей – по памяти, часть – из литературы)* Да. *(Далее поет)* «Пришла коляда, открывай ворота... Я Вам с... скажу сейчас.

МГ: А можете рассказать, как помните сейчас?

Так... так и было, что соберемся ребяташками, договоримся, что прямо с краю деревни пойдём, и где уж пустят и... Иногда ведь и не пускали старушки ряно... ряно... рано там лягут спать, но большинство пускали всегда. Раньше же не было, теперь вот воры, да

всякие там бандиты, да всё, а раньше... никого с собою не пускали. Дак вот, зайдем в деревню, ну вот в дом прямо, и плясн... пляшем с колядками, приговариваем, просим, что... там... слова специальные, что «Да если дашь пирога, дак будет... целый дом добра, а не дашь, дак... кол тебе», там как-то. Ну есть складные вот слова, скажу. И вот, хозяйева, корзиночки у нас на руках, и дают, кому конфетки, пе... там, пирожок. И даже просто хлебушка ли чего-то. Угощали нас, как же, мы так из дома в дом и... А если не пустят или чего дак мы и... то подопрём дверь, то там воды холодной леном, чтобы дверь примерзла за ночь, или там натопчем угли там. Ну в общем, по... повредим, поленицу дров раскатим, чтобы вот наперед уже хозяйева знают, что надо пускать.

МГ: А еще что делали, помните?

Ой, не знаю, чего еще... Такие в деревнях полатья были вот под потолком, такие вот как... спать забирались с печки прямо, дак любили тоже всякие вот истории, стра... страшилки всякие, пугать друг дружку вот рассказывали. Да вот такое все.

МГ: А помните какие-нибудь страшилки?

Ночевать потому что друг к дружке ходили вот родственники или одноклассники, дак вот. Ну всякие, сами придумывали всякие страшилки, не знаю.

МГ: Ну например одну, вспомните?

Ой, да ну например, там как-то в черном-черном чё-то там доме, стоял черный-черный стол, на столе лежал черный-черный гроб там. Вот такое чего-то, зашли и этот гроб там открылся, там стал, ой, там ааа, кнеш(нрзб) (конечно?) чё-нибудь, все закричат, зави... уй, за... под одеяло и... ну типа этого что-то такие, всякие.

МГ: А сколько вам лет было, вот когда Вы так рассказывали?

А это наверно лет с пяти. Я помню себя хорошо. У нас... с нами жил отец... от значит дедушко, отец отца, он умер, много лет ему было, под девяносто, он бы прожил ещё долго, но у него обеих ног не было. Гангрена, все время отрезали ноги, поэтому. Вот дед нам много всего, целыми днями сидел ведь, никуда не двигался, дак он тут нам все, тоже про старину иногда рассказывал, про войны, да про всё, что... Не знаю, чего еще.

МГ: А что вам дедушка рассказывал, помните?

Ну так вот он рассказывал, у него было девять детей, вот мой отец и еще значит, четыре или пять сыновей и четыре дочери. Вот в котором доме мы жили в Великом Дворе, он сам построил в двадцать четвертом году. И жили два брата, с одной стороны мой отец, с другой – другой брат. Тот другой брат погиб на войне. Жила жена, да трое парней. Дак вот памятник, который в Великом Дворе поставлен, вот, с Ленинграда, тот сын собрал у народа деньги все на пожертвования, и сделали памятник. Потом ну что, Череповых уш... в общем, мужчин ушло сорок, а вернулось только, по-моему, тринадцать, двадцать семь вот в деревне мужчин погибло. Вот этот памятник увековечил. В основном Череповы жили, Тимошины, Череповы, вот фамилия повторяется. Чё, всё рассказывали, всё вот, как... на войне у него погиб значит, много братьев у нашего дедушко погибло, и вот, сын один, по-моему, Павел Константинович. Остальные сыновья вернулись с войны. А он уже был старый, так, видимо, на войну не ходил, я так поняла. Ну, чего рассказывал... В деревне дак... *(Далее резко повышает голос)* Рядом братья все жили, вот, дома рядом: сестра – первый дом, потом вот два брата, потом третий брат, на следующем конце деревни ещё брат. В общем, все так и старались жить в одной вот деревне. Вот. Кто уж только умер, молодой тут один, Вася умер дак, его не было.

МГ: А у Вас было такое, что вы родней часто собирались?

А как же, обязательно, любые гости, они собирались вместе, всегда. Не было такого, чтобы вот, не знали, не признавали братьев, или, там, сестёр они...

МГ: А по каким случаям обычно собирались?

Ну, собирались, в основном-то вот, и в такие, и в православные праздники собирались. Троица, например, то вместе идём на кладбище. Уже, там, в Паску, в Троицу, в Рождество. Ну и так, ведь бывают похороны, поминки, там, свадьбы. Вот ещё там всякие вот эти вот. Сватовство там ещё дак. Всё вот своими вот старались, если из своей родни кто-то дак.

Например, вот я знаю, что двоюродный брат, за стенкой который жил, мать уехала к сыну, в Пушкине тот учился, а он был уже с женщиной, сгулял, девочке уж три года, ею.. его девочка-то, а мать была против. И вот, он выбрал момент, она уехала к сыну, он мою маму, вот родственников, сестру вот, значит, тётку уже его, ещё другую, там, позвал, (*далее тихо*) что, пока матери нет, пойдёмте, помогайте сватать, да её и приведем, потом она (*мать*) никуда её не денет. Так и вышло, вот эту Алевтину, они сходили и с этой девочкой, с трёхлетней, всё и... Та пришла, а хозяйка в доме, но тётка такая была хитроватенькая. Она, значит, ну поняла, что уже, чего, дак: «Ну молодая хозяйюшка», там поклон ей отбила, что давай теперь, хозяйничай, значит. Всё. И мы-то смеялись Женьке, что давно надо было так, а то до тридцати лет тянул всё эту резину, всё. Но, конечно, жена умерла рано, шесть ребят ему нарожала после этого, и с шестым и умерла, и ребёночек умер, и она умерла при родах, там чё-то случилось. И вообще в семье очень... такая семья очень трагичная. Вот в.. муж погиб на войне, перевернулась машина, на острове Рыбачьем служил, где и мой отец, на Севере, в Мурманской области. Там и похоронен, и потом сын-то был очень такой грамотный, в Смольном работал в Ленинграде. Дак и разыскал эту там могилу, увековечил памятник. Вот потом, значит, второй сын по... третий вернее, служил в Германии, там погиб, там и похоронен, тоже землю возил этот, отсюда туда, чтобы офицерские жёны поминали да всё. Вот это у среднего умерла жена при родах, и вот эта бабушка, которая не пускала-то её, потом воспитывала пятерых ребят. Сын не женился больше, и вырастили этих пятерых ребят. Сын теперь тоже умер рано в шестьдесят два года, кажется, или в шестьдесят четыре. К жене похоронен, а дети вот эти пятеро, бабка долго жила, в восемьдесят семь лет умерла, дак она их всех подняла. Две девки, значит, Пушкинский институт закончили, одна Череповецкий медицинский, в санатории работат медсестрой, паренёк лесотехникум закончил, девочка последняя закончила пятая Политехнический в Вологде, а работает где-то в архитектурном проект... там, ну, в горисполкомах, в отделе в архитектурном. Так что всех они ребят, всё-таки успела она поднять и выучить.

МГ: А почему так происходило, говорили о причинах что-то?

Да вот, не знаю. Она потому что, Татьяна Васильевна такая... они, конечно, современные люди, я не скажу, никакие. У них по тем временам была библиотека такая шикарная, хотя жили без отца и нищенствовали, можно сказать, но деньги последние, но тратили на книги. У них библиотека была такая, что вся деревня брала. Ну, в тетрабочку записывали естественно, кто чё брал всё, и отдавали. И я, мы вот за стенкой были, дак мы никогда никуда не ходили, и что нужно вот, «Война и мир», что по... даже произведения школьные, если какие нужно, все брали мы у них. Но она такая была немножко как бы злобная, вот может быть вот это вот, что зло вер... возвращалось. Ну, такая, любила, вот, например, такие случаи. Мы с братом же подру... полтора года у нас разница, мы любили подраться, там, пои... ну всё. И вс.. и она любила, ну раз мать у нас строгая, она любила ей всё рассказать, чтоб она нас полупила. Вот ей это даже нравилось, видимо. Вот. Мы-то всегда: «Тётя Таня, не говори, не говори, мы уже помирились только», там, всё. Скажет: «Не скажу». Всё равно расскажет. Вот. Ну тк я не знаю, в чём причина, ну. Да, у них очень, конечно, много было вот этих трагедий в семье.

МГ: А Вы общались хорошо со своими двоюродными братьями, сёстрами, да?

Да, да, да, да, да, очень хорошо. И сейчас, вот, у меня, например, вот брат, который старше-то на четырнадцать лет, они в Выборге жили. Я всё время ездила к ним, и они умерли уже, брат, и жена брата умерла, а с... её племянник с дочкой всё время, и в Петрокрепости живёт сын. Ну в общем, и вот, с... двоюродные уже, как ихние дети к нам ездят, и мы, в общем, родственные узы у нас очень тесные. На любую дату мы их приглашаем, они приезжают, мы к ним ездим на всякие. Вот свадьба-то была в прошлый год у сына, все абсолютно приехали. И с его стороны. Его родня, конечно, здесь, в Череповце. А мои все в Питере, там, в той стороне живут.

МГ: Расскажите, пожалуйста, а как вам давали имена в семье, почему Вас назвали Людмилой?

А вот, значит, меня хотели назвать Соней. Имена просто, знаете, давали, не знаю, как сказать. Вот им, их имена, конечно, давали, вот, как вот по православному, если что. Вот, например, сейчас я восемнадцатого июля пойду на кладбище, у меня отцу день рождения в Сергии, он Сергей был, Сергей Константинович, я Людмила Сергевна. Вот, видимо, Анна, мама Анна Иванна в декабре. Там Анна Сретенская какая-то. Им давали так, уже ближе, как бы вот, ну, наверное, их крестили, да всё. Меня тоже крестили, я помню. Ой, я очень хорошо запомнила, нас только крестили брата младшего, он-то уж, конечно, не помнит, он уже, мне немножко было лет, а ему тем более. Но крестили в доме, не в церкви. Церквей-то раньше тоже мало было. В Белозерске, вон, церковь, да в Вытегре, она уже не действующая, наверное, была, что музей раз, теперь там отвели уголок, да действует. Ну вот. А помню, на лежанке мы сидели в какой-то избушке.. Эт.. Монашку, монашка была, была позвана. И вот всё вот, как нас вот так вот брызгали, вот это вот представляю. Я крещёная, мы с братом крещёные.

МГ: А сколько Вам лет было, когда Вас крестили?

Маленькая, маленькая, в школу не ходила, но я запомнила. Может, пять, может, шесть лет, вот так примерно. А имена вот как, я не знаю, имена, наверное, просто так, не то, что вот. Меня, когда я родилась здесь, в Девятинах был роддом, раньше всё здесь было, я в Девятинах родилась. И говорит, мама говорит, что мы лежали там с женщиной с какой-то, и значит, родственники-то, что назови Соней, Соней. Она говорит: «Ну, буду я девку Соней называть!» А тут, у которой рядом лежала в палате женщина, уже рожана была девочка, Людой названо. Вот, мне, говорит, нравится имя Люда, я Людой. Только ту звали Люсей, а меня, вот, Людой. Вот, Людмилой. Так, в Калининград там, ну, та уже уехала, (нрзб) где-то живут. Так что вот так вот меня она назвала. Ни как-то, по-моему, так просто они, не.. не именно, что к какой-то дате, или к какому числу там. Потому что в сентябре Людмилы. Я знаю, что именины в сентябре Людмилам. И я, знаете, не знала, это узнала два года назад. Когда была в санатории, отдыхала. Я отдыхала как раз в сентябре. И там какой-то отмечали, ну, вечера там всякие отмечают в санаториях. И вот день каких-то именин. И вот, сказали, встаньте все Людмилы. И нас встало токо две, в санатории. Я думаю, Господи, зачем. А вот, сказали, что вот, сег... теперь уж даже и число опять забыла, ну знаю, что мы, я жила там с двенадцатого сентября по третье октября, три недели был санаторий. Дак вот, где-то ближе к концу сентября, в двадцать каких-то числах, не знаю. Дак вот, знаю, что всё. Ну, а я в августе родилась, дак уж тут никак. Просто так. Не знаю.

МГ: Ну, почему, очень близко.

Ну может быть, может быть даже это, поэтому.

МГ: А Вы можете подробнее рассказать про крещение?

Ой, дак я плохо помню-то, я и говорю, что вот, чё-то, мы сидели, пришла такая чёрненькая во всём одета старушечка. Что уж она там говорила, там, с баночкой или чего, там, у ней така кисточка или веточка, не знаю что. И нас тут всё побрызгала, одела крестики вот. Ну я не помню, вот уж о чём она говорила, этого я не помню. Вот такое.

МГ: То есть не окунали никого, младшего брата...

Нет, нет, тут не было купели. Так, другой немножко обряд крещения. А вообще, вот у меня сына, сын у меня крещёный, дочка нет. Дочка вообще в Бога... Я ругаюсь, что хоть немножко-то (*с улыбкой*), она никак. Ага. А внучка тоже крещёная, но внучка... в таком, подростком её крестили здесь в Вытегре. Возили родственники, не я сама. А вот сын, сын перед армией окрестился. Тоже поехал, вот, который, уехали сейчас они в этот, в Калининград-то, поступать там. Мама увезла её. Дак в университете работает её одноклассница, доцентом, вот они почему туда уехали-то, она говорит, привози, Света прос... Света, говорит, Валя, привози, я постараюсь, на хорошее отделение, и всё там, значит, её. Пропихнуть, куда-нибудь короче говоря (*смеётся*). Ну вот, дак с её мамой.

Мама уже старая, но была не крещёная у ней. А вот которая доцентом-то работает, она очень боговерка ведь. Вот в университете, у-у-у, у ней... она и муж. Всё время из церквей не выходят, и, в общем, очень, очень она. И вот, значит, видно, матери своей, что надо креститься. А моему парню надо было идти в армию. А мой-то парень, дак, и Нина Иванна говорит, давай Руслана, Русланом зовут-то, поедem к... со мной вместе. Так я только спросила у них, а Руслан, долго они были, очередь была, и всё там. Потому что там воду крестили, много пот... требы, требы называются, там венчали и крестили, и вот эту воду освящали. Так поэтому они долго, помню, ездили. Так я спросила, а говорю, чего, как это? А говорит, вот так до колен мне велели закатать там, ну, специальным маслом-то, ладаном вот этим дымили да, елейно какое-то масло-то так, везде, вот, помазание-то, миропомазание-то делали да. Везде ходили, говорит, вот так вот по руг.. по кругу да, водили, да всё. Вот он по-настоящему был. И имя ему, Руслана нету такого, как такового в правосл... Рустик так его как-то записали-то, там записали всё. Вот, его имя Рустик, такое. И иконку, по-моему, я не помню уж, купила или нет. Все, это, есть, все, Женя, и Евгений, и Людмила, и всякие. Чего такое... И крест сразу там на шея, и одели, освя.. освящённый.

Интервью с ЕЛС. 15 июля 2007

Вот фольклорная. За кого в святки, за кого девушка выйдет замуж, гадание такое было, поверье. Мы, значит, надевали мальчиков, девочки завязывали глаза, кто вот желает, раскручивали ее. А тут стояли три мальчика, один в шубе одет, как бы, что богатый, второй так это, обыкновенно, а третий совсем в майк... в одной майке, ну, как бы, гол... такой, нищий. И вот, кого... за кого она ухватится, значит, за того и замуж выйдет. За бедняка, или середняка, или вот за богача. Вот такая игра была. Потом, русская народная игра «ищи». Потом, тоже, как-то там, что за пьяницу или нет, с водой там было связано, разольют если воду да. В общем, тут не знай, есть описания или нет игр.

МГ: Скажите, пожалуйста, а Вы откуда брали эти игры?

А игры, которые из воспоминаний, там вот, кто знает. Ведь разговариваешь со старыми людьми, вот с музейными работниками, и всё. А некоторые, вот, тоже, где-то вычит... читала или в журналах, там брала, или что-то такое. Вот.

МГ: А журналы тоже основаны на местной традиции?

Да, да, на местной, на местной у нас большинство. Я езжу в Вытегру иногда в читальные залы, специально вот это. (...) (Разрыв записи)

Что пожалуй, на улице, на улице. В доме тоже играли, в куклы, там, но на улице больше. Вот, подвижные разные игры. И конечно, и... И творческие вот эти игры, магазин любили устраивать, там вот всё. Ве... весы дак тоже делали, досочку, да камушки, вот гирьки. А тут что-то вон, трава такая длинная от одуванчика, селёдка, например, всё тоже также раскладывали по этим, по отделам. И вот это вот, с девчонками играли. Ходили часто, вот лето встречали. Нак... наберём еды, на природу, там, костёр, всё варили. На... патефон даже с собой брали.

МГ: Это сколько лет Вам было?

Да... может, в начальных классах, вот так вот. Помню уже хо... неплохо себя. Так что вот, тоже двоюродные, и не только двоюродные, подруги, одноклассницы, и просто деревенские. У нас-то так парни с парнями, а кучки... а девчонки с девчонками, дак вот мы это ходили везде в лес, и по ягоды и... Потом, у нас там, раньше же Мариинская система по... около нашей деревни прямо протекала. Дак... было много... такие отдельно, ручей глубокий, мелкий считался, потом, такое вот, заливчик, староречье называлось. Ну отходило, видимо, вот, когда купались на камнях, на... огромные валуны были. Видимо, во время, вот, когда потепление-то шло вот, ну давно-то (?) эти камни нанесло дак. Вот такие камни. Занимали эти камни, кто первый добежит, что. Горячие они накалятся и вот после холодной воды разлягемся на эти горячие камни, аж пар идёт от этих, и лежим. Ну, в общем, вот такая жизнь протекала, инте... интересная.

МГ: Скажите, пожалуйста, дни рождения Вы отмечали?

Да, и ёлки отмечали, и дни рождения отмечали. Обязательно, пироги родители пекли, приходили, чаёвничали, с ребятами играли. А вот ёлку, например, дак устраивали, ну, кто побогаче, так более... жил... вот, мы, например, ни... жили по сравнению с другими, что у нас ребят всё-таки мало было, ведь у других семьи такие, дак ничего жили, дак всегда мать отмечала. Тоже из газет или из бумаги кульки сами склеивали для гостиниц. Туда она напечёт печенюшек, ну, каких-нибудь немножко конфеток, небольшие такие. И отец одевался Дедом Морозом, просто шапку зимнюю, да завесит такой тюлевой какой-нибудь занавеской лицо, с корзиной на руках уже в конце выйдет, что вот раздавать-то эти гостиница. А мы хороводы водили около ёлки, ёлка украшена, в дальней комнате, которая считалась залом, зал считался такой он, значит, типа в гостевую комнату не... там не спали и ничего. Вот, в этой комнате всегда, да, праздновали это всё.

МГ: Вы и родней собирались?

Ну, и родня, и подружки. Нет, для детей они делали именно.

МГ: В сам Новый год, в Новогоднюю ночь или как утренники?

Нет, нет. Например, на зимних каникулах, в любой день. Она же до девятнадцатого до Крещения, четырнадцатого Старый Новый год, с тринадцатого на четырнадцатое, потом. А иногда ёлку даже до Крещения, до девятнадцатого. Да, вот в любой в этот день, в святочный, не обязательно, там. В какой день родители свободны или на выходной выпадало. На каникулах именно, что не... не в новогоднюю ночь.

МГ: И это родители организовывали для вас?

Да, родители, родители.

МГ: Именно Ваши или в других?

И в других семьях было. Не только что. И вот мы ходили, например, вот если у меня отметили, потом, там, на... при... пригласят в другой дом ходили, да. Потому что раньше же мало, вот как теперь ведь, раньше, в домах теперь культуры ёлки, да там в организациях может быть это. Тогда тоже уже начиналось вот, но как-то не так, а по домам... А теперь вот это всё забылось. А раньше это очень было принято, даже пусть и жили не богато, а всегда многие отмечали вот так вот для детей.

МГ: А когда это закончилось, чтобы по семьям отмечали?

Ой, по семьям, вот, например, уже у меня дети росли, у меня уже этого не было. Да. Так что это закончилось лет, может, тридцать-сорок назад. Тридцать, дак это точно. Вот. Ещё у Светланки, у маленькой, я чё-то ещё пыталась, к ней приходили ещё девчонки вот. Что у меня разница между детьми-то десять лет. Да, ещё у дочери что-то у меня было, вот такое. А уже вот у Руслана я не помню, чтоб такое тут сборище было, да ёлка да. Но я, мы, правда, когда де... дочка росла, дак у нас и квартира была большая шикарная, потом дом сгорел тот. Вот видите, звонят. (Конец записи).

Касс. № 80 (А)

Сломалась?

МГ: Нет, все нормально.

Иконы были. Икона была и в кухне, и икона была в дальней комнате, вот считалось залом. Да, мать-то, наверно, молилась перед сном, там она спала дак. Я.. мы не молились. (*тихо*) А они нас ан не приучали. (*обычная громкость*) Не приучали, потому что, ну, такое время было. А вот невестка, например, старшего брата жена, ездила в Болгарию уже потом по путёвке. Да, вот она матери в подарок вот эту привезла оттуда (*достает икону*). Иконочку, помню, подарила. Эх, что-то обломалась (*об иконе*). Ну она уж потом мне как бы по наследству перешла. Да, всё-таки всё равно чё-то было. Видите, всё-таки она... старушки, дак всё раз та верила, дак всё-таки привезла вот в подарок не что-то, а именно вот. Да, не знаю (*уносит икону*). Ну отец у нас такой вот, у отца веры я и говорю, что не было, но он не запрещал ей ничего.

МГ: А Вы помните, Вы себе Бога представляли как-то в детстве?

Ну раз вот к Уразовым мы ходили, а там бабушки-то были бо.. более богомольные. Вот и тётя Люба и сейчас, дак она очень в Бога верит и всё. Так как-то всё равно разговоры шли,

дак и думали, что кто-то на небе есть. Живёт и что-то как-то действует. Раз уж.. я раз заблудилась тогда, да вспомнила, да всё, дак значит.. Тоже что по.. кричала, что «Господи, спаси, помоги». Вот этого. Да и сейчас, что как прижмёт, дак живо Бога-то вспоминаем. Это пока вроде всё хорошо, дак и не очень. И вот и раньше, что как случится, дак молим Бога, чтоб всё хорошо было. Заболеем, или, там, экзамены, бывало, или что-то дак. Ну а представляли, вот у меня дак такое представление, что он... на небесах где-то там, да вот какой-то ореол или нимб вокруг, да (1нрзб). Что-то такое вот. Светлое и седое и вот.

МГ: А святых каких-то в детстве Вы знали?

Ну, знали от людей. Да вот я любила читать дак. У-у, я читала всё. Дак поэтому как же, Перта, Павла, там, вот этих, всяких вот... Сергия Радонежского, да всяки, как же, знали. Из рассказов и людей и.. Главно, я читать, я люблю даже не столько вот книги, литературу тоже очень любила, но и.. периодич.. периодическую-то печать, вот эти всякие. Дак раньше, видите, мало печаталось-то этого всего. Вот в чём дело-то. Хотя, конечно, я историей всегда увлекалась и всем дак, знать знала. (Пауза). Ну а так вся классика, всё перечитано, да конечно, какие-то откладывались.

МГ: А журналы детские помните какие-то.

Ну, журналы.. Раньше вот, знаете, совсем-то давно я не знаю, а вот уже как «Мурзилка», да «Весёлые картинки», эти вот как пошли при нас, «Пионер», журналы, это я помню, вот такое. Но особо-то ведь не было, уж не как теперь, что чего только нет. Ну, такие детские вот эти журналы, «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Пионер». Чего ещё-то вот такое вот. «Юный натуралист», вот эти, вот такие вот. Были. Были, были. Детские кое-какие познавательные журналы. Я в библиотеку всё время ходила дак. (разрыв записи) Ну, дак если я училась на это, дак как же! Только по мето.. как же нам.. у нас. Педучилище считалось, например, преподавали нам так, что в институте этого не знают. Вот такие, глубоко и... Ой, ну вот это, это не.. не высказать. Когда прихо.. я уже работая в саду, к нам приходили с института девчонки на практику, они сказали, что мы этого и не слыхивали, и не видывали, столько нам всего этого давали. Так что. И всё по методике, и мы ребят учили только по методике. По «Педагогика» книга и все. Методика, например. И детская литература, методика музвоспитания, физвоспитания, методика счёта. Это всё методики и были. Как и в школе точно всё. И всё нам это всё преподавали, на практики в саду водили и везде-везде-везде, и также мы потом ребят. Каждый день ведь занятие определённое, если.. Как в школе расписание. Например, два, три занятия. Там идёт.. физкультурное, например, музыкальное, там, по.. счёт, развитие речи. Ну вот, точно-то названия другие, а всё точно так же как в школе. Всё. А как же. И журнал «Дошкольное воспитание» я же, я всю жизнь выписывала. В школе, дак уже начальная школа, предположим, или ещё там какой-то. А там был такой толстый журнал «Дошкольное воспитание», где всякие заметки и статьи, из опыта кто-то там чем-то делился. А преподавали у нас, ну у нас там и рисование было, и фотодело, и кинодело, и изготовление из игрушек, из папье-маше, там, из глины и всё. Всё это нас учили. Учили шить на швейных машинках, играть на музыкальных инструментах. У нас даже выпускали музыкальных работников, я же на пианино играю. Потому что там обязательно все четыре года учили. Ну вот в дипломе оценочки, даже лист сохранился у меня вот этого диплома, дак всё почти пятёрки. И госэкзамены пятёрки, и дипломная работа пятёрка и.. Же я люблю, ну, нравилось, нравилось учиться. Преподаватели замечательные, конечно, отличные были. И там даже вот, например, рисование-то, методику рисования, предположим, нам преподают, дак мы всех, со всеми были художниками познакомлены, от и да, от и до. Биография и картины, живопись. Это не только, что как мы детей должны научить рисовать, а это вся полностью. Та же музыка. Если нас учат музыке, так мы все должны знать композиторов от и до и всю ихнюю вот тоже. Особенно вот этих русских, советских композиторов. Хотя и зарубежных тоже. Детская литература, дак всё абсолютно, не только что вот мы с этой литературой, а мы должны про всех поэтов и писателей тоже. Начиная, там, Шарль Перро, там, Гауф, Братья Гримм и все эти

Андерсены, эти, не наши, а не говоря уже о наших. Так тоже начинаешь с биографии, а потом токо произведения. Так что у нас очень эрудиция развита была. Я вот эти ни.. «Хочу стать миллионером», да тьфу, я на все вопросы почти отвечаю. Там это очень даже простое, я считаю, много очень. Или было «Слабое звено», да всякие дак. Мне это очень интересно. Я «Умники и умницы» очень люблю передачу. Все в общем, вот такие, которые мозг чтоб работал. Мне это очень нравится. Кроссворды и всё прочие.

МГ: А вот Вы про игры рассказывали. Расскажите подробнее, «рюхи» и «лапта» были у Вас в детстве?

Были. Были, были. Лапта. Рюхи, дак это вот городки выбивали мы, строили там всякие фигуры и с определённого расстояния, да, выбивали. А лапта, дак тоже. Лапта, этот мячиком вот так вот вот, как-то да вот, на досочку-то вот. Как, я уж теперь забыла вот как это лап.. тоже куда-то вот, щёлканье, чё-то тут летит, измеряешь эти шаги, и вот это. Потом маленький мячичек такой. Тоже вот, как-то вот это вот. Много игр было старинных, забыла уж всё.

МГ: А ещё как-то лунки были...

Ну, лунки не знаю, закатывали в лунки, но мы чё-то в лунки в эти не играли. Бывало.

МГ: А ещё в деньги как-то играли...

Ну, в денежки играли, это вот об стенку тоже отбивали и тоже вот пальцами измеряли, кто дальше, там, эту денежку заберёт. Правила специальные какие-то были, ну, играли тоже. Даже в карты играли, любили, дак даже и на деньги играли в карты, ну на копейки. Это игра девятка, очко, это как бы вроде и, ну у нас не было такого, чтоб тут эти, не проигрывали, а на вот на копейки на всякие играли, на азарт на такой.

МГ: Это во сколько лет?

Чего во сколько?

МГ: Ну вот в карты играли.

Да школьниками, такими маленькими, небольшими. В дурака, да в подкидного, играли в переводного. Вот иногда даже на деньги. Гадать любили, вот этот преферанс раскладывали тоже. Если уже тоже подростками-то такое что вот сбудется желание или нет, загадаешь, если преферанс сойдётся, чтоб четыре колоды все собрать, значит, да, там что-то.

МГ: А ещё Вы про тайники говорили.

Дак вот про тайники я не знаю. Ну обычно вот яйца искали, заставляли где-то вот что. Вот курица... Хозяйка вышла, должна она, но яйца нет, не придёт во двор, там налажены гнёзда. Так вот заставляли искать везде яйца. Так бывало, что найдём целую уже этот. А так вот, чтоб тайники такое, ну может быть что-то и прятали, да искали, но... Там вот, например, у нас в доме, в деревне, был дом, этот дом разрушился, он тоже двухэтажный. И всё говорили, что там две богатые старухи жили, там мы рылись там, а ничё мы не находили. (Смеётся) Что всё уж что говорили, что вот там всё зарыто, они, во время революции их прогнали, куда-то уехали, а вот чё-то там у них зарыли. Дак копошились ходили, иногда вздумаем, а ничё (смеётся) не находили, не знаю.

МГ: Это пустой дом был, да?

Да, сначала такой ветхий, а потом он уж и совсем, кто на дрова растащил, кто чего, а всё равно в земле-то ковырялись, бывало, что да.

МГ: А были ещё какие-то такие места, куда вы ходили, может, какие-то страшные места, дома, или ещё где-то?

Вот это, дак я помню, а дома все вроде как дома, жили дак. Ну в бани иногда ведь бываешь. Были ведь по-чёрному бани, я ещё запомнила, которые топились, дым прямо шёл в баню, без трубы. А потом уже хорошие эти стали баенки строить. Дак тоже ведь в это, как-то страшновато конечно в эти бани дак. Ходили чё-то там (смеётся). Ну вот в более цивилизованное время-то, видите, уже. Вам бы надо кого-то постарше поспрашивать-то вот.

МГ: Спрашиваем тоже. А про дом можете еще подробнее рассказать? Вы там искали..

Нам хотелось найти или денежку или, там, что-то вот может быть из золота, или посуду или что-то. Ну какие-то осколки находили вот вот, знаете, вот типа вот, ну вот может, мраморный кусочек или вот. Мы же не понимали, что-то ну чувствовалось, что там, наверное, действительно жили не из бедных, но ценного по-моему мы и не помню, ничего мы такого не находили. Не знаю.

МГ: А духов Вы не вызывали в детстве?

Нет, мы так не вызывали. Я говорю, что мы более современно жили. Тем более, я в пятнадцать лет уехала уже в город. В девятнадцать я приехала уже на работу. Ну так тут некогда уже было ничего, ни. Мне кажется, вот бабки, которые, у которых ещё память хорошая, так вот этих надо всё спрашивать. Они все в эти часовни, они всех, видите, старых купцов вот этих помнят. Я так со слов только, а они всё помнят. Что вот у этой же у бабушки, у Любы Уразовой сестра работала экономкой вот этих Оленевых, богачей, где щас больница. Так она много рассказывала, что барыня устраивала там ко.. на пианино играла и Чесноков, знаменитый артист, этот Чесноков в оперном театре пел, приезжали к нему, устраивали балы и всё такое. Она тут вроде с кем-то загуляла, так барин мясом куском таким ногой как хлопнул, она только успела дверь закрыть. Да, ревновал, и вот, чучела птиц там висели, да на чердаке гардеробы-то с одеждами, с этими платьями-то, с зонтиками-то, целые прямо там, говорят, висели и всё. А потом все их. Так вот тоже говорили, что они которые закопали, которые успели увезти. Здесь очень много было. Вот этот и Тихомиров, церкви-то ему принадлежали, какой-то был. Вот эти Оленевы, купцы. Винницкий, поляк, вот строил канал-то этот. Как бы на Маринке. Не то, что строил, а он, видимо, вот этим был... ну всеми шлюзами-то главный-то там. Так тоже в каретах, да всё разъезжали. Потом ведь фабрика здесь же картонная была. Немец какой-то вот был, фамилию... Тетя Люба вот всё знает.

МГ: Но интересно именно из Вашего детства. А не хоронили Вы в детстве зверей?

Ну, птичек-то как же. Вот если птичка умрет, или там, собачка, что-то так захоранивали и ставили крестик и ходили как бы на поминки туда вот. Ну, не.. небольшое время походим, а потом забывается. Ходили, а как же как же. Также могилочку, всё и уберём, и цветочки принесём, и крестик из палочки так сделаем, и тут и покрошим, пусть они как бы покушам, как ритуал вот соблюдается, сейчас-то ходим к своим родственникам на кладбище, так и тут, да.

МГ: Вы старались сделать как настоящий ритуал или...

Нет, настоящий, настоящий делали. Что ворону найдём или воробушка где-то мёртвого. Всё также там. Уж не.. гроб не делали ведь. Ямку выроем, там устелем чем-то листиками или пёрышками или чтобы там, завернём может в тряпочку как-то. А потом холмик и крестик и всё и. И потом ходили. Еды возьмём из дому и вот что пойдём, соберёмся, не один там человек, а кучкой детей приходили. Такой ритуал.

МГ: А Вы могли бы ещё вспомнить, что о Вас рассказывали родители? Вот Вы говорили, что в садик ходили, не ели булки, а ещё что-то помните такое яркое?

(Смеётся) Так вот яркое... Вот, например, праздник если какой, так вот гармонист, у нас такой горбатенький был мужичок, он всегда приходил, и, значит, так все как-то пляшут вот чё-то помню, что вот. То вот фотограф вот зафотог.. Вот какие-то такие вот отдельные моменты. Ну что, не знаю, чего вот ещё. Вот это так мне мать рассказала, я-то, например, не помню, что я эту олажку да дырку. Это уже мать вот рассказала, что ты в садик не ходила, маленько походила, и мы тебя сняли, заставили нас снять, что ты ничего не ела. Вот а так так я не знаю.

МГ: Больше ничего такого не рассказывали?

(Смеётся) Ну я знаете, такая, я была смешная, я например, Вам расскажу сейчас про себя, про детство. Вот это я тоже, даже это я запомнила. Это я ещё тоже не ходила в школу. Я Вам говорила тогда, что приказывали жить на квартирах-то, выпускали вот людей, которые строили этот канал-то, первую-то систему, а потом всё прекратилось, они уехали. Вот во второй половине, у нас так семейная пара жила, а там жили две, нет три холостые

девчонки. Они жили в Шекснинском районе, Чопсэра, деревня такая, Чопсэра. И в отпуск вышли и поехали. А раз я такая смешная была, им для веселья, они у моей матери попросили, что «Можно нам взять её в деревню к нам? Мы на пароходе её свозим и привезём». Вот мать отчаянная была тоже, с незнакомыми людьми. Вот я Вам и говорю, что раньше было вот это всё более свободно. Вот мы поехали. Ехали мы, значит, на пароходе до Шексны. А там, значит, мы слезли на этой. Да, и на пароходе я потерялась. А потерялась, эти девки сказали: «Мы сейчас, если её не найдём, значит, бросимся в воду и всё, потому что как мы вернёмся, и без Людки. Мать тут с ума ведь сойдёт, да и нас в тюрьму». А я забралась в капитан.. в капитанскую рубку, ну мне, раз я такая любознательная, вот, запёрлась туда. И сидела там долго. Но капитан-то уж понял, что забеспокоятся, он объявил там по этому, что «девочка, чья девочка у меня сидит в капитанской, этой, кабине, в рубке». И девки прибежали, меня схватили, что уй, дак уж потом никуда не отпускали. Вот приехали мы на.. в эту в Шексну, на станцию, а там, значит, очень далеко до деревни надо идти пешком. И вот, я помню, мы шли полями, рожь или пшеница такая высокая, мы дорогой идём, идём, я вся устала, меня там поднесут, я опять иду. Но потом ихние родственники на лошади, на телеге нас встретили. И привезли, значит, туда, в эту деревню. Пруд был, бани, баней не было вообще, мылись в печках. Вот. И такие люди-то, вот, например, наша уже деревня, где мы жили, конечно, мы считались у-уй цивилизация. Там грязнули, можно сказать, ну такое, не любили прибираться в домах, всё это плохо. Мне это так всё казалось дико. Я командовала, значит, там, в каждый дом приходила, и значит, что это такое, у вас такой беспорядок. Люди меня уже боялись, закрывали даже двери. Но в кон.. мы месяц там жили, раз они в отпуске. В конце концов, они стали мало-мальски веники по.. я их научила, что вот веники вы ломайте из берёзы, верёвочкой завязать вот как это, всё что подметайте, ну что более или менее-то наводите порядок. Даки они, значит, потом-то мало-мальски наводили поряд.. а другие уж закрывались, меня не пускали. Но, значит, когда уезжали, даки они сказали, слава Богу, уезжайте и увозите эту девку, надоело нам за месяц со своей порядной. Вот это я вот запомнила, такой случай был. Значит, чё-то ещё хотела, мысль, пока это рассказывала, кака-то мысль мелькнула... что-то тоже из своего детства. Пока-то выключи. (Разрыв записи)

Когда, значит.. на первом или на втором курсе я училась в педучилище, нас тоже отправили в деревню, в Грязоветский район, нашей Вологодской области, в Грязоветский район на практику. Садиков там не было, надо было самим организовать детскую площадку, потому что сенокосная и такая уборочная страда, детей девать некуда. Вот мы приехали, значит, две девчонки после десятого класса они учились, а я вот, после, значит, восьмого. Ну, прикрепляли, как бы помоложе ребёнок, девчонка к более старшим. Ну, мы приехали в этот Грязовец, в РОНО, а нам сказали, что вот, поезжайте, станция Прохладная там какая-то. На поезде мы доехали, а туда нас встретили, тоже лошадь пришла. Вот до какой-то деревни нас привезли на лошади. Пришли мы к председателю колхоза, нам выделили дом. Сказали, вот вам дом, сами топите, сами варите, получайте продукты. А продукты на фермах, мясо, картошку, там, молоко. И всё, не игрушек, ничего, ну садов не было. Мы сами своими руками делали всякие бумажные игрушки. Вот из папье-маше, яблочки, там, огурчики всякие. Вот как сейчас помню. Кое-каких наделали игрушек, спали дети на полу. Там они принесли с собой к.. чего-то там, одеяло, может, подушку, значит, мы расстелили. Печки эти русские топили, ну, конечно, чё, я не.. ой. Варили из этого, из мяса, из молока, из картошки и сами тут же ели. Вот. Жили на квартирах. Кто нас приютил, меня вот тётка тут приютила, помню. Даки у ней пчёлы были, даки она меня этим, соты, вот такие соты-то прям с мёдом. Чай пили, всё в общем, хорошо. А кино показывали в сарае. Вот такое привозное. Моталось, сколько-то покажет, опять перерыв, пока плёнку вставят, опять, даки по.. не по одному часу, на лавках на таких, в этом, в гумне, в сарае сидели, и вот это кино. Там я с парнем познакомилась. (Смеётся) На фотокарточке ещё есть. Вот. Ну а потом уехали даки, уже ни парней, никого этих не

помним. Но вот такое было, и целое лето, три месяца мы. Вот всё это прора.. с этими ребятами. Ну не так много ребят было, но вот это всё. И маленьких, даже не ходили, всякие. Тут уже ясли-сад, и которые и не ходят, и ходят, и в общем, вот такие. С ними бились-водились. Варили и всё, и ещё не одна, некоторые чё-нибудь с собой и принесут, а так всё сами. И посуду тоже сами они приносили из дому, а мы им мыли тут. Ну, в общем, мы и няньки, и технички, и воспитатели, и всё тут мы. Так.

МГ: Это после первого курса?

Или после первого, или после второго. Вот чё-то немножко не помню. А потом, вот я уже приезжала после третьего, да после четвертого, я здесь вот была на практике, в этом садике. В этот же садик я попала и на работу. После окончания. Вот на фабрике, вот у кладбища там.

МГ: А Вы говорите, фильмы смотрели, а в детстве смотрели тоже фильмы?

Так вот и вот это в клуб-то я и говорила, что бегали, очереди-то там дикие были, да. Как же, как же. Мы.. фильмов никаких тут я не помню, не было, кино. Всё кино-кино-кино. Все любили кино, и взрослые, и дети. И ходили.

МГ: А какие фильмы Вам нравились?

Так и сказки нравились, ведь много было сказок-то раньше. Вот Роу, этот сказочник-то знаменитый, режиссер, поставлено же было полно, «Варвара - краса, длинная коса», да всякие там, про Коцея Бессмертного, да.. и сказки нравились. И нравились, помню, «Застава в горах», дак наверно, тысячу раз проглядели, про пограничников, как бандитов, шпионов, которые через границу переходят. Натисо, я вот даже запомнила, я вот говорю, что вот такие давнишние фильмы. Ну вот, а потом уже вот эти вот все ведь пошли, «Девчата», да «Весна на Заречной улице», да «Девушка без адреса», да это всё, вот эти «Хождения по мукам», «Война и мир». Потом уже я ведь «Советский экран» лет двадцать выписывала, такой тоненький журнал, но он большой. Всё я всё это про артистов чтоб всё знать. Фотокарточки артистов собирала, коллекцию, у меня у-уй, альбомы прямо, целые пачки, вот, да про спортсменов, да про всё.

МГ: А Вам родители деньги давали на кино или еще на что-то?

Да, деньги, деньги, как же. Пять копеек кино, журналы. Ну а журнал я выписывать стала, работать, дак я свои деньги.

МГ: А в детстве Вам давали какие-то карманные деньги?

Ну, немножко давали, потому что в школе тоже какие-то булочки или чего-то продавали.. буфет такой был. Вот, и в кино давали. Ну вот ещё что-то, когда праздник, дак «петушки» ведь на палочках, дак что-то хочется ведь в детстве, сладостей-то какие-то, дак давали иногда, как же, деньги.

МГ: А чтобы постоянно, не было такого?

Нет, так, изредка. Нет, не давали.

МГ: Расскажите, а Дни рождения отмечали у Вас в семье?

Да, Дни рождения отмечали. Тоже подружек приглашали всегда на Дни.. (1нрзб) а маленькие какие-то давали, дарили подарочки. Уж, конечно, очень чисто символические, вот, может, шоколадочка кака-то или что-то такое уж, скромненькое. Ну а родители вкусненько что-то приготавливали и, естественно, не вино, ничего, а чай. Чай, там, может, морс сделают, пироги, вот такое. Ну и иногда и из еды, там, тушёнка или вот такое уж. Изобилия не было, как теперя, да. У нас мать, например, очень хорошо, вот безе-то вот это вот. Такие безе, ну как бе.. бе.. в печке прямо пекли. Теперя, «розанцы» назывались, вот так вот в растительном масле в кипящем, как розы такие вот, ой, вкусно. «Хворост» он назывался, а у нас называлось «розанцы». Вот эти калитки, рогульки-то, шаньги, кто где как зовут, а картофельные калитки. Ну, всего напекут. Ну мать всякие пироги пекла, пряженые пирожки на углях, такие вот с песочком да. Ну всяких пирогов напекут, и чай пьем. Поиграем, поиграем, и снова за стол, прибежим, не один раз за этот стол сядем.

МГ: И мальчиков, и девочек приглашали?

Да, в деревне так свои всё. Мальчики и девочки, не то, что родню, и вот просто соседей звали.

МГ: А в доме Вы играли часто с кем-то?

Ну вот в доме-то как-то не очень ма.. играли, больше на улице всё. Особенно летом, дак чё, тепло дак чё. Буточки были, я же Вам говорила, у каждого домика, в буточках играли, да везде. Но иногда холодно или что, дак, конечно, родители не запрещали. И в доме играли. Но больше на улице.

МГ: А когда какие-то праздники, все вместе, и взрослые, и дети садились за стол?

Нет, не любители взрослые были, чтобы дети сидели за столами, если вот взрослый какой-то праздник. Они не очень-то это приветствовали, отдельно нам где-то наладят, там немножко. А так это не очень, не очень, не очень.

МГ: А спали все вместе или отдельно?

Нет, нет, мы уже отдельно все спали. Раньше, говорят, дак где-то там. У нас тоже палатка хотя и были, мы с ребятишками любили забираться туда под потолок, полежать там, пошалить там, или чё-нибудь такое. А так у нас кровати были уже. Кровати, вот такие вот типа, диваны-то такие вот подушки вот. Ну, диваны купленные в магазине, только что вот не вот со спинкой, а вот такие, прикладные две-три подушки. Вот эти вот валики тоже съемные были. Но всё уже было уже более современно, всё, комоды, никаких, старья такого не было ничего.

МГ: А комната отдельная у Вас была?

Своя личная?

МГ: Ну, может, не личная, а отдельная детская комната?

Ну, такая, как бы сказать, у меня получалась она проходная, но как бы моя. Да. Тут и кровать у меня была, тумбочка, такая значит. Портреты, раньше ведь не было вот так, ну, картинки какие-то были, а так вот раньше портреты вот, своих же, родни, например, отец, мать на портрете там. Радио, приёмник у нас уже был, телевизора-то ещё не было, а вот радио, приёмник. И пластинки, патефон, это всё было. Ну.

МГ: А ещё не расскажете, родители играли с маленькими детьми, Вы помните?

Вот, слушайте, чё-то не очень. Вот отцу играть было с нами некогда. Честно скажу. Он раз председателем колхоза, он в пять или в четыре утра иногда уйдёт в Девятины. По полям надо все проверить уже, как идёт, дак так что особо.. А мать тоже, скотины, двор, да нас было трое дак. Потом уж брат-то старший, чё тут он. Уехал в ремесленно училище, а мы-то тут маленькие двое. Так мы-то больше двое. Так дед безногий ещё был да. Дак тут особо-то с нами взрослые не играли, мы сами по себе забавлялись всё да, вот это.

МГ: А как Вы считаете, то, как Вас воспитывали, это повлияло на Вашу дальнейшую жизнь?

Ну, я считаю, повлияло. Мать, конечно, нас строго воспитывала, поэтому некогда было тут баловством сильно увлекаться. Даже вот ругала, я и говорю, если запачкаем одежду или порвём чего, дак всё это мы старались уже беречь. Вот, да тем более она сама и шила, и вязала дак. Ну а... чего, она вина никогда не пила. Другие ведь старушки и в деревне там, ну два-три человека были уже и тогда, вот это-то вот всё. Так что она правильно нас воспитывала как бы всегда. Вот учиться она. И только эти ради.. другие же так и не поехали никуда, а она сказала: «Надо и будешь». И приезжала первый курс ведь плакала, не хотела, она меня свела за руку в Девятины, посадила и поезжай. Всё, поступила, учиться надо. Ну и вот, человеком хоть всё таки стала. А так бы может так проболталась бы никем. Так что я считаю, что они-то. Пусть и большой грамоты не было, а всё таки и к книгам как-то вот привилось. Ну может даже и сами мы, мы тянулись. Щас видишь уж всё больше всего, дак дети и не очень-то. Вот у компьютеров бы сидят, да зрение да всё портят, а мы вот всё таки видите, и воздух, и природа. В лес нас брали, это уж они.. К труду приучали. Раз с колодца, мама тем более здоровье было плохое. Умерла она в шестьдесят четыре года рано. А двадцать с лишним лет она ничего есть не могла почти. Сужение у ней пищевода было, она токо жидкую манную кашку, чаёк, печенье

порадавит, супик такой, чтоб это. И умерла от того, что задавилась кашей ма.. гречневой. Ни туда, ни сюда, и всё в общем. На нервной почве признали. Отправляли в Ленинград (1нрзб), вот сюда-то отправляли, в Чудновскую больницу, в Мечниковской больнице она лежала и.. А там определили, что на нервной почве, а рака никакого нет. Вот она двадцать с лишним лет вот жила. Да худенькая вся такая, высохшая старушка. Вот поэтому может она и строгая, и нервная, и злая, вот всё это с болезнью связано. Ну правильно она такое всё это в нас воспитывала. Я считаю правильно. А конечно, многое мне дало педучилище и потом вот хорошие вот за стеной родственники, что они книгами были богаты. Они ничем, у них скотины не было, они жили как пролетарии, но вот это вот у них было, тяга к знаниям. За счёт них, вот видите, я в Питер рано ездить стала. Всё это вот повлияло на.. на эрудицию, на всё.

Конец интервью.